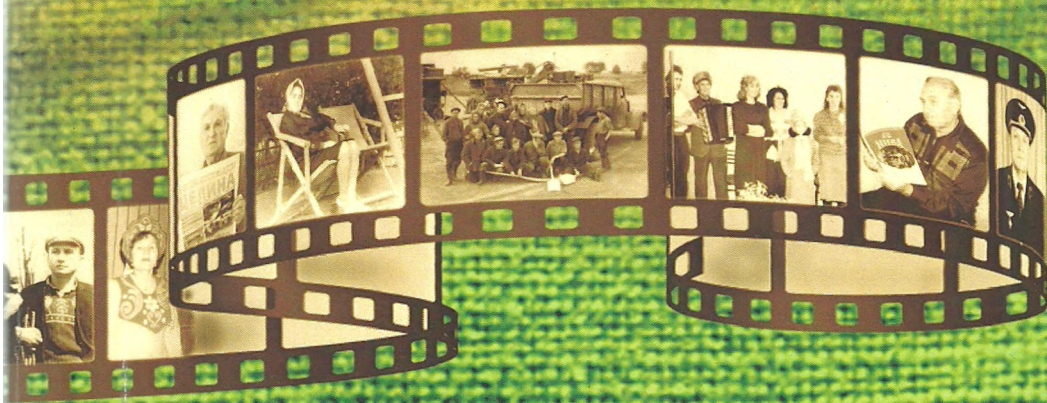

821(574)
С47

НИКОЛАЙ СЛЕПЦОВ

Жизнь ты моя забуденная

Запустишь - помечтайшь
мечты нарядные - пожелайшь
сватор Н.С.

Наташе от дзди-автора в дар за
преданность Аятаю и память о
родные Агадыре.
Н. Слепцов
Август 2018

Николай СЛЕПЦОВ

ЖИЗНЬ МОЯ ЗАБУБЕННАЯ

РОМАН

Тяжела забытая шапка Мономаха,
А с ней моя попытка выйти с книгой в свет.
Будь я так талантлив, как Андрей Малахов,
Я давно имел бы такой авторитет.

Но талант Малахова мне лишь только снится,
Как снился Тютчев с Фетом нашему Рубцову,
Который в своей Вологде Тютчевым гордился.
Хотелось, чтоб гордился и Агадырь Слепцовым.

Караганда, 2014

821(574)
С 47

УДК 821(574)
ББК 84(5 Каз-Рус)-44
С 47

Слепцов Н.

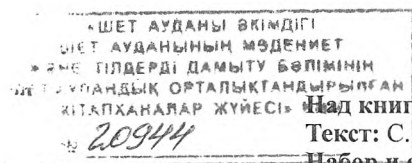
С 47 ЖИЗНЬ МОЯ ЗАБУБЕННАЯ: роман. /Николай Слепцом. Подготовлен к печати в издательском доме «Классик». - Караганда, «Арко», 2014.-172 с.

ISBN 978-601-204-228-3

Книга агадырского писателя Николая Андреевича Слепцова повествует о том славном поколении людей, которым выпало поднимать целину и строить казахстанские поселки и города. Главный герой повествования, Кузьма, вырос безотцовщиной - его батька-танкист погиб на фронте. Рано познав цену хлеба, мальчишка бросил учебу и стал помогать матери-комбайнеру. Однако вскоре он понял, что должен продолжать учиться и выбрать свой путь.

Как и другие произведения Николая Слепцова, эта книга заставляет задуматься о том, что такое настоящая мужская дружба, честь и достоинство человека. Нравнодушный читатель увидит примеры того, как легкомысленное отношение к учебе, к спутнику жизни, пагубные пристрастия делают человека глубоко несчастным. Меняются времена и обстоятельства, но всегда в цене честность, порядочность, трудолюбие.

УДК 821(574)
ББК 84(5 Каз-Рус)-44

Над книгой работали:

Текст: С. Коханова, К. Круглов

Набор и оформление: Ю. Александрова, Ю. Билушенко

ISBN 978-601-204-228-3

О Слепцов Н., 2014

Раисе Ильиничне Слепцовой - жене моей и другу, с какой мы вместе уже целых пятьдесят пять лет, с глубокой симпатией и любовью посвящаю эту книгу.

Н. Слепцов

ОТ АВТОРА

Итак, дорогие друзья, наверняка это моя последняя книга, шестая по счету. Отмечу, что книги у меня не малостраничные. Я видел в магазине тонкие книги, в двадцать пять страниц, в мягкой обложке, даже известных наших казахстанских авторов. Не знаю, какие там напечатаны шедевры, но внешне книги не блистали. А свои, полистав, померил на вес, покумекал над названиями и просто целовал обложки.

Первый стихотворный сборник "Мои агадырские зори", вышедший в Год Змеи, в 2013-ом, имел около ста двадцати страниц с фотографией автора и приятной для моей старческой души аннотацией издателей книги. Сто двадцать, на мой взгляд, совсем немало для неизвестного автора с его первой пробой пера. Проба первая оказалась удачной. Автор целовал свою первую книгу и желал издательству, чтобы его сотрудники стали миллионерами назло времени, веку и всему СНГ.

Издателям я кланяюсь не только потому, что я дед, во сто шуб одет, а дедам от природы приличествует быть благодарными. Кланяюсь и потому, что моя первая книга вышла в твердой и такой удивительно красочной обложке, схожей с одеванием красавицы-невесты. Что еще удивило меня, книга имела аннотацию, какой, на мой взгляд, я не стоил. И все-таки я не удержусь и процитирую эти поздравительные строки: "Сборник стихов жителя карагандинской глубинки подкупает искренним, уважительным отношением к своему краю, своим корням, семье и немного ироничным отношением к своему творчеству. Любовь к поэзии сопровождает Николая Слепцова всю его жизнь, выплескиваясь порою в частушечные куплеты, а порой в поэмы, полные философского смысла. Стихи 75-летнего автора заставляют задуматься о добре и зле, о смысле человеческой жизни".

Коль сотрудники "Классика", а это настоящие большие отечественные журналисты, так тепло отзывались обо мне и моем начальном творчестве, то пусть так оно и будет. Мне такие теплые слова никто отродясь не говорил - ни в моей молодости, когда я на работе просто распинался и выкладывался, чтобы все сделать умело, красиво, прочно и в срок.

Когда я слесарил в родном агадырском локомотивном депо целых три советских пятилетки, моя работа и мой долг перед ним заставляли меня прямо-таки уподобляться известному социалистическому Стаханову, только бы тепловоз был отремонтирован и ушел вовремя в поезда. Ну, а в поезде за тепловозом цеплялись шестьдесят и семьдесят вагонов с тремя и четырьмя тысячами тонн различного груза, нужного нашей экономике, стране, а значит, и всему народу, почему тепловоз в пути следования не должен ломаться ни при каких обстоятельствах. А это в конечном итоге зависит от ремонтника, того же слесаря, каким я являлся беспрерывно целых пятьдесят лет.

История говорит, что Климент Ворошилов тоже начинал со слесаря, но впоследствии стал маршалом. А я так вот и остался простым слесарем по жизни, какую лажу все мои семьдесят семь лет. Маршалом я не стал и не обрел известность - хотя бы только в моем Агадыре и моей большой карагандинской округе. В Агадыре по-

нения не имеют, кто такой боевой и смелый занимается писаниной и издал аж целых шесть книг, среди каких два стихотворных сборника, четырехсотстраничный роман в прозе и три прозаических произведения, среди каких отдельная повесть "Судьбы натянутая нить" и роман "Жизнь моя забубенная".

Четырехсотстраничный роман "Годы Орлиные" вышел в том же 2013-ом году, что и "Мои агадырские зори", и тоже имел доброе предисловие от издателей, в каком есть и такие близкие для моей души слова: "В свои семьдесят шесть лет автор решил издать книгу, которая передает дух ушедшей эпохи, воскрешает понятие чести, порядочности, товарищества".

Спасибо друзьям из издательства за теплые слова в мой адрес! Может, где-то я и не заслуживаю их, но все равно коп рахмет, потому как старики падки на всякую похвалу, рукопожатие, на благодарственные отзывы об их делах в прошлом и теперь.

Ну, и о последующих моих книгах. Третья называется "Пестрые письма, или Жизнь на ладони", имеет сто семьдесят страниц, а четвертая, стихотворный сборник, целых сто девяносто. Третья книга - публицистические очерки о жизни моего Агадыря, а также размышления о литературе, о прошлом и настоящем времени, о жизни вокруг и во мне самом.

Четвертая книга "Жизнь ты, жизнь..." - новый стихотворный сборник, какой предворяют крупно набранные слова:

"Жизнь прожить - не поле перейти,

Мудрецы об этом говорили.

Я прошел нелегкие пути,

Какие эту книгу и родили".

Неплохие, между прочим, слова, как неплохой и мой портрет под ними, когда мне был как бы всего лишь не тридцатник. Ну, в тридцать лет мы все, наверное, были красивы...

О пятой книге с названием "Судьбы натянутая нить" был готов сказать, что она в моей жизни последняя: все-таки она вышла в мои семь и семь, а это, в общем, немало. В наш атомно-космический век, в экологически засоренном мировом пространстве, когда планета наша задымлена заводами, электростанциями, печным отоплением многомиллиардного человечества, для какого чистое не-

бо и чистый живительный воздух стали проблемой как бы не номер один, долгожительство уступает место всяким неизлечимым человеческим болезням, как рак, инсульт, ВИЧ с их разновидностями, болезням сердца, печени, селезенки и прочим, уносящим в мировом исчислении миллионы жизней ежегодно. Мои семь и семь - не иначе как прогресс, о чем где-то и говорит мой герой. Ну, а обо мне и тут сказаны теплые и возвышенные слова, за какие при развернутом социализме непременно пришлось бы поставить добрый "пузырь" изысканного коньячку, подвигавшего человека на добрые мысли и на трудовые подвиги. Ну, сами посудите, как тут не ударить по сто пятьдесят за такие вот слова: "Содержание повести Николая Слепцова тесно переплетено с тем, что из века в век принято называть непреложными ценностями, - святость родственных уз, стремление прийти на помощь ближнему, готовность пожертвовать личными интересами ради тех, кто близок уму и дорог сердцу. Автор далек от того, чтобы упиваться величиим собственного духа. Однако само произведение отражает его позицию: жизнь каждого человека - это натянутая нить, и лишь от него зависит, не оборвется ли она раньше уготованного судьбой срока".

Ах, как приятно читать о себе подобное! Заслужил ли я подобных слов? Не знаю. Хотелось бы знать, что думает о книге обычный простой читатель. Нынешний читатель - это истинные Виссарионы Белинские, какие понимают литературу, знают ее природу и дух, исходящие от человека и от времени, в каком человек живет. Пока я читательских отзывов не видел, не слышал и не знаю, случится ли это при моей жизни. А хотелось бы, потому как у меня чертова натура видеть отзывы сейчас, сегодня, сию минуту, ибо неизвестно, какой век у моих сегодняшних семь и семь.

И все-таки, друзья, пятая книга не оказалась последней, потому как я вот держу ее в руках, любуюсь ею, и целую такую красочную привлекательную обложку. Эту самую пятую книгу подарил нашему библиотекарю Галине, какая на своем компьютере отпечатавала, как и пятую, так и шестую книгу - мой роман "Жизнь моя забубенная". Получается, что я еще в силе, живу, хожу по ухоженным агадырским тротуарам, выложенным цветной плиткой. Не знаю, откуда это пошло, но цветные тротуары я вижу впервые. Не знаю,

есть ли таковые на нью-йоркских улицах, на парижских или берлинских, но на агадырских есть; такие, может, и являются предтечей тротуаров будущего времени и в целом будущего века.

Так вот, об этой шестой книге. Прежние четыре я отпечатал на обычной пишущей машинке, какие нынче не встретишь ни в одной уважающей себя организации. Издательство машинописные мои книги приняло, отдало в набор и отпечатаало в твердой обложке, какая смотрится, и правда, нарядно и броско, как платье у невесты. В этом издательстве мне же и посоветовали следующие книги набирать на компьютере, где текстовка выглядит четко, легко читается. Компьютера у меня нет, но мне в этом помогла одна девушка Марина, которая согласилась отпечатать обе мои последние книги, за какие я искренне благодарен. Увидел этот самый компьютер и посчитал, как непросто работать с ним, как мучительно возиться с каким-то картриджем, с кнопками и бумагой формата А4, какая, слава Аллаху, есть в агадырских магазинах.

Что ж, за труды Марине я подарил все пять книг, на обложке последней, пятой, написал: "Марине - любителю книжного царства, какое для нее и судьба, и лекарство". Кажется, посвящение Марине понравилось, что радовало и меня.

Забрав с набора роман "Жизнь моя забубенная", вычитываю его дома и готов везти ее в тот же "Классик". Что хотелось мне сказать, я сказал - пусть кратко, но точно и правдиво.

Если выйдет при моей жизни и эта шестая, то на ней уж точно поставлю точку. О седьмой книге задумываться не стану - хватит, хотя такая чертова натура, мысли и люди крутятся у меня в голове. Хватит ли сил сдерживать себя и не браться за перо - не знаю, но мысли эти и теперь не дают заснуть и сталкиваются с кровати за мой давний письменный журнальный столик, с каким мы просто сдружились. Так что зарекаться не хочу...

Насчет своих семь и семь распространяться не буду. В четырнадцатом седьмую книгу я сработаю, в пятнадцатом мне ее отпечатают, и я вновь переступлю порог "Классика". Семь, по утверждению одной цыганки, счастливое для меня число, какое и поможет родить седьмую книгу. Ясно, что это будет обширный роман о времени, о себе и о тех, к то был всю жизнь со мною рядом.

Ну, это пока только в наметках, а на деле все может измениться. Я слишком боюсь скучного повествования, притом длинного, втиснутого, к примеру, в "Войну и мир". Ведь и на коротких страницах можно многое сказать, о чем когда-то говорил и большой писатель Антон Чехов. Думаю, надо придерживаться его советов. "Лучше меньше, да лучше" должно в писательстве стать неотъемлемым девизом.

На том, думаю, и расстанемся с моим читателем и просто пожмем на прощанье друг другу руки. Если мы встретимся еще и в пятнадцатом году, то я буду молить Аллаха за здоровье моих читателей-агадырцев. Других у меня никогда не будет, потому как нынче таков век. Книги свои я раздариваю лишь друзьям и родне, а их набирается-то всего около двадцати. Книги у меня в пятьдесят и тридцать экземпляров, половину я раздариваю друзьям и родне, а со второй половиной сижу в обнимку и не знаю, куда деть ее. В мои семь и семь друзей у меня осталось всего лишь несколько, не более и родни. Говорят, сегодня сложно найти читателей: не падки они якобы на книги и на чтение, сейчас многие довольствуются ноутбуком и Интернетом, особенно молодежь. Усадить ее за Пушкина, Шолохова, за Рубцова, Есенина, Абая или Жансугурова проблематично. Ну, это светила литературы, а я со своей пробой пера вообще никому не нужен, хотя друзья и родня, кто читал мои книги, расхваливают меня вдоль и поперек и даже сравнивают чуть ли не с самими Пушкиным. Мне приходится лишь отмахиваться от них и благодарить за все их поздравления.

Насчет же дотянуть до следующего Года Лошади... Желание остается в моей душе и в моей крови. На деле надо иметь великое

мужество и беспредельное здоровье, чтобы вновь сесть на эту Лошадь. Буду просить о том Аллаха, небо и солнце, белый свет и мой век. Время мне нужно для новой книги, которая отразит мой век и мое поколение.

По поводу того, что подарил Марине пять своих книг, считаю: доброе все-таки я сделал дело. Она отпечатаала мне пятую и шестую книги. Чувствую, буду просить ее и о седьмой, которая уж точно станет последней - все-таки надо и меру знать. Да побойся ты Бога, господин писатель! Уймись и коротай время у своего цветного

"Самсунга", где проскакивают удивительно привлекательные передачи с умными мыслями, среди каких почему-то отложилась в памяти такая, как "Белый хлеб любит черные руки"...

Ах, как же все правильно замечено! Когда я три года работал на целине, с 1954-го по 1956-ой, помощником комбайнера и комбайнером, косил комбайном хлебные поля, руки и правда всегда были у меня черные. А какими им оставалось быть, когда возишься с мотором, с гаечными ключами, с молотком и зубилом, с горячим и дизельным маслом, автолом? Разве успеешь их как-то помыть с мылом до чистоты и белизны? Вытер их подвернувшейся тряпкой, и алга! Комбайн поехал, работа пошла, зерно посыпалось в бункер.

Ну, а как было не записать, что колос любит тишину, тракторный звук и душевную песню? Нет, тишину надо уметь слушать. Я и слушал ее, когда вставал на утренней зорьке, подходил к хлебным колосьям, вместе с ветерком гладил их ладонями - просто так, из нежности и любви, затем запускал мотор и начинал косить этот колос. Утром, когда еще солнце не вставало, так легко и хорошо работалось! Днем же, когда солнце припекало и просто жарило, в двигателе закипала вода, нагревались и рвались цепи, приключались и другие неполадки.

Особенно легко работалось ночью при фонарях, какие были на всех комбайнах. Техника, оказывается, тоже любит тишину и прохладу... Нет, что ни говорите, а только умный человек мог заметить, что колос и ребенок всегда были человеческим счастьем. На поле-вом стане были и детки - дети поварих, какие кормили весь целинный персонал этого полевого стана и этого хлебопольного участка. Комбайнеры смотрели на них и, наверное, вспоминали свой дом и свою семью, какая пока оставалась где-то на Украине или Молдавии, а то и в самой Москве. Целина обживала людей, и целинники становились коренными казахстанцами.

Подарил я свои пять книг и руководителю агадырской АТП Николаю Михайловичу Николаеву, какой крайне удивился, поскольку не знал о моих писательских способностях. Сам Николай Михайлович живет в Агадыре более тридцати лет, и таких земляков, как новоявленный писатель, ему, конечно, встретить было интересно. Я ему пожаловался, что друзья, кому я подарил эти свои

книги, ничего существенного о моих книгах не говорят, хотя прошел год после вручения этих книг им на руки. Не говорят, и всё - ни слова, ни полслова. Встречаемся, здороваемся, говорим о том-сем, о футболе... Я, грешным делом, подумываю: не забыли ли мои друзья буквы и умеют ли они читать? А что, друзьям моим лет более моего, так что ничего удивительного нет в памяти на азбуку...

А ведь есть в моих книгах герои, есть живые люди со своими судьбами, о каких можно было поделиться со мной своим мнением о них. Нет, не делятся друзья мои, кроме Марата Исбасаровича Каракесекова, какой даже принес с собою одну из этих книг и с подчеркнутыми строками, какими он восхищался, видя в них какую-то изюминку, писательскую находку. Так же внимательно и подобострастно читает мои книги и жена Марата Исбасаровича Надя, какую я любезно прозвал героиней фильма "Белое солнце пустыни" - Гульчатай.

Николай Михайлович пообещал, что книги читать он будет и даже поделится мыслями о них. Мне ничего не оставалось, как только поблагодарить его за это, сказав, что это будет для меня праздник. Пусть скажут мне о книгах и горькую правду, я бы учел ошибки, а на ошибках, как известно, учатся. В одном из романов Александра Фадеева правщики нашли около трехсот ошибок, какие Фадеев исправил и искренне благодарил читателей-правщиков. У меня этих ошибок тоже хватает, я их вижу, нахожу, но ведь книга-то вышла уже в свет...

В целом, мне хотелось бы раздать все оставшиеся у меня от пяти книг экземпляры, только кому, не представляю. Шестую книгу я буду также заказывать в тридцать штук, половину раздам друзьям и родне, а со второй половиной буду просто беседовать, а то от злости вообще пущу ее на растопку моей печи времен Пушкина и Арины Родионовны.

С Николаем Михайловичем мы говорили и о сегодняшнем читателе. Пришли к выводу, что в наше время читали как-то больше. Сейчас молодое поколение обременено Интернетом, а книга его мало привлекает - любая, даже жизненная, душевная, дышащая нашим временем.

О нашем поколении, о нас нынешних с Николаем Михайлови-

чем рассуждать не стали, а лишь заметили, что у людей, родившихся до войны, во время нее и какой-то десяток после, была в жизни какая-то цель, к какой мы стремились через учебу, стахановскую работу. Я так стремился стать железнодорожником и стал им на все сорок лет; Николай Михайлович любил машины и потому стал шофером, а потом автотранспортным инженером и руководителем автотранспортного предприятия. Можно позавидовать и другим нашим товарищам, какие уже на "дембеле" и кто к этому "дембелю" подкатывает. У нынешних молодых такого стремления, во всяком случае, внешне не видно.

Может виной тому нынешний СНГ, сделавший обучение платным? Кто его знает... Все-таки наше поколение, рассуждали мы, целых семьдесят лет не знало никакой платы за лечение и обучение, а вот нынешний СНГэвский двадцатник все перевернул с ног на голову, когда больше работают ноги, руки, колеса в своем стремительном движении, а голова плохо соображает, куда это движение направлено. В селах нет воды и света: малые и большие власти мирятся, что-то обещают, но не делают. Мать с четырьмя детишками выселили из квартиры, потому как она когда-то принадлежала старому хозяину, какой ее бросил, как бросали многие, уезжая с началом СНГ в другие края и страны. Из одной только Караганды выехали что-то около двухсот тысяч человек, бросили свои красивые прежде пятиэтажки, оставив их без окон, полов и дверей и без всех средств жизнеобеспечения. Когда люди вселились в них, за свои средства сделали в них все необходимое для цивилизованного проживания, объявились вдруг прежние хозяева этих квартир, какие с помощью Фемиды, судов, умных здравомыслящих судебных представителей выселяют новых хозяев, находя для этого права и законы.

Вот такие у нас нынче дела, какие мы с Николаем Михайловичем почерпнули из нашего телевидения, из теленовостей, какие СНГ, слава Аллаху, не в силах запретить. А что значит этот самый СНГ - Союз независимых государств, который не имеет общей страны, своей общей земли и даже своего президента? Так что нам, нынешним СНГэвцам, надежда только на свою страну, на свою землю, на свои границы, на свой народ и на своего президента.

Каждое нынешнее независимое государство, думается, может, где-то жалеет о гибели СССР, а может, даже хлопает в ладоши на его

поминках. Нам же, решили мы с Николаем Михайловичем, остается только доживать свой век и оставить потомкам наше видение жизни и наши пожелания не повторять тех ошибок, какие сделали мы, их предки.

В который раз беру в руки свои книги и не перестаю спрашивать себя: так где же ты, истинная прореха на человечестве и подлинная жертва аборта, был до этого времени, хотя бы только пенсионные три пятилетки, когда времени у пенсионера с утра до вечера и с вечера до утра просто некуда девать? И правда, куда его девать, когда в доме ни курчонка, ни поросенка, ни огородной грядки, как у городского жителя в его пяти-, девяти-, а то и вовсе полной двадцатизатке, какие дают своим обитателям для жизни всё - воду, тепло, газ, электричество и чуть ли не всемирную связь? Из комнаты в таком положении можешь не высываться на улицу неделями, а то и месяцами. Жена тебя не тревожит, старается тебе во всем угодить, ходит по магазинам и готовит свои изысканные обеды и завтраки, зная, что ты у нее - маленький агадырский Есенин, а то и сам Пушкин...

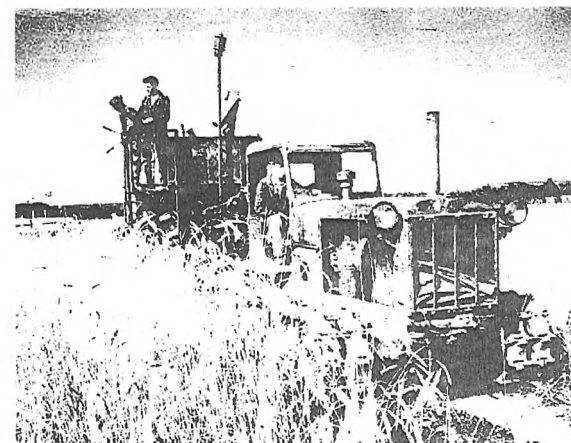
Вот разворачиваю этот пятнадцатилетний пенсионный жизненный клубок и не могу понять, почему же я не написал за эти годы ничего путевого. Ну, ежегодно мы с Гульчатай обычно тратимся на поездку к нашим детям на Алтай, а остальное-то куда уходит? О том же спрашивает меня и моя жена, моя достопочтенная Раиса-Гульчатай-Маргарет Тэтчер-Ли Сяо Бинь-Индира и Ангела Меркель. О том же сейчас думаю и я. Если и вправду разобраться, где же ты, неандерталец чертов, все-таки был все это время и что делал? Ну, пописывал, сочинял что-то, так почему не издавать в каждом году хотя бы по одной книге?

Казнить себя жалко, потому как еще работает голова, а руки тянутся к перу, перо - к бумаге. Что из того получится, не представляю, и получится ли вообще? Считаю, писанина - это мои старческие заскоки, каких не надо опасаться. Пусть они живут, пусть не дают мне ночами спать-почивать. Может, они что-то и родят путевое в мои уже восемь и восемь, когда думать пора не о новой кни-

ге, а о своих последних днях, какие отчего-то не приходят, а валят с ног друзей и совсем молодых в есенинском и пушкинском возрасте.

Нынешний Год Лошади, может, и правда решил по моей просьбе к Аллаху, к медицине и к моему веку довести меня до следующего Года Коня, в каком мне исполнится аж целых восемьдесят девять? Ну, это простительно какому-нибудь кавказцу или японцу, а мне в моем Казахстане как-то даже неудобно нарушать установившийся в республике временной жизненный цикл казахстанцев. Старое поколение довоенного года рождения и первых пятилеток, случается, еще как-то крепится, дотягивая до самого девяностолетия. Их не сплошь и рядом, но они есть в республике, есть в Караганде и даже в Агадыре, что искренне радует. Значит, может, и мне запланировано судьбой дотянуть до моей кровной девятки?

Вот не влияет на них ни экология, ни радиация, ни гуляющие по свету разные раки, ВИЧ, сердечные заболевания, инсульты! Может, эти недуги вообще забудут дорогу в Казахстан и дадут людям счастье увидеть свою страну красивым и светлым царством, о каком мечтает человечество как бы не со дня своего рождения. Мечтал, наверно, о том когда-то и я, и жизнь, кажется, дала мне именно то, чего я у нее просил. У меня красивая жена и красивые дети, внуки и правнуки. С женой мы уже подходим к нашим жизненным восьмеркам, болезни нас обходят, и чего еще просить у Бога? Ну, а дальше жизнь, наверное, распорядится. Мне так лично не хочется одного - молча уснуть, как уснул мой 82-летний брат Иван. Пусть будет, как у всех простых людей Земли, уходящих в мир иной с открытыми глазами и при памяти. Пусть такое случится и со мной в моем веке, в каком я жил, живу и буду жить до определенного мне судьбой срока...

ЧАСТЬ 1 ИГРАЙ, МОЙ БАЯН

ГЛАВА 1

Наша железнодорожная станция Караегин в первые месяцы 1954-го была просто запружена вагонами с тракторами ДТ-54, сеялками, плугами, боронами, а к летним месяцам пошли и самоходные комбайны, какие мы отродясь не видывали даже в кино. До них мы знали, что в стране существуют прицепные комбайны "Сталинец-6". Такой комбайн и сам по себе выглядел внушительно, а с прицепной жаткой-хедером и вовсе смотрелся настоящим хлебным кораблем, плывущим по бескрайнему хлебному морю.

Наши казахстанские хлебные поля и впрямь выглядели бескрайними, хотя на деле края у них были. За полями обычно начиналась степь, вот она и впрямь тянулась неоглядно. Не ведаю, где есть еще такой простор, как в стране Абая, какой любил родную степь и ее воспевал...

В 1954-ом я и моя караегинская пацанва ходили в девятый класс. Себя мы уже давно не считали детьми, хотя для матушек и бабушек оставались детками-сиротками, каких надо кормить, поить, одевать и учить в школе. Почему мы были для них сиротками - неясно, поскольку матушки-то у нас были. Но отцов не было, потому как немногие мужчины вернулись в свой родной Караегин с полей войны. Вернулся отец у Миши Буримова да у Олега Сенчугова, а у остальных батки сложили свои буйные головы. Себя никто из нас вовсе не собирался жалеть, но мамы да бабушки все равно называли нас, кто остался без своих батек, сиротками, достойными жалости и особого внимания.

В воскресные дни и после уроков мы с Михаилом и Олегом шли на станционные выгрузочные площадки и предлагали первоцелинникам свои услуги. Целинники не отказывали и поруча-

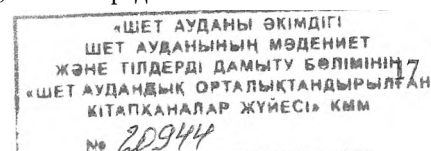
ли нам всякую выгрузочную работу. Мы складывали в штабеля бороны, расчищали площадки под сеялки и тракторы, подкладывали под колеса самоходных комбайнов кирпичи, чтобы они не укатывались с выгрузочных пригорков. В другой раз мы специальными ножницами резали крепезную проволоку, ломали сби-вали крепезные брусья, подносили крановые стропы и снимали с крюка растяжные собственные.

Денег нам целинники не платили, а вот кормили хорошим обедом и даже наливали по чарке, вкус какой мы в свои шестнадцать-семнадцать уже знали. Нам, мелюзге, наливали портвейн, сами подогревали себя и улащали "Московской". Иногда, правда, целинный "бугор" выдавал нам по пятерке, говоря, что мы это заслужили хорошим трудом. К тому же, с нашей помощью вагоны выгружаются быстро, что сокращает их простой, за какой железная дорога снимает крепкие штрафы.

Дома матушка крайне удивлялась такому счастью, как эта зеленая пятерка, на какую можно было купить кило говядины и кило колбасы, лапши, крупы да сахару. Баранина и вовсе обходилась что-то в рубль сорок за килограмм, на нее ставка больше всего и делалась. Матушка пятерку брала, почему-то плакала и говорила:

- Мой ты помощничек! Только рано тебе, сынок, впрягаться в работу, да в такую тяжелую, как выгрузка на железной дороге. Лучше учись да добей десятый класс, а там уже сам начнешь выбирать себе путь. Сейчас жалко гробить себя в семнадцать лет, за жизнь свою еще напашешься. Братик твой Ваня так с пятнадцати лет учился и работал в ФЗО, сейчас он уже в армии, уже целых четыре года, и, наверно, скоро дембельнется. Говорят, идет какая-то война в Корее, отчего и держат наших солдат в Приморском крае, где Ваня служит...

Кое-что и я слышал о какой-то войне в Корее, но не предполагал, что надо обязательно держать солдат в резерве на своих границах. Не знаю, что там была за война, только радио говорило о какой-то американской агрессии. Кто там куролесил на Востоке, я понятия не имел, газет не читал, и только радио что-то доносило из своих новостей.

Мишка с Олегом знали обо всем не более моего, газет также не читали, порой только, как и я, перелистывали "Пионерскую правду", какая была в школьной библиотеке. Почитывали мы и "Комсомольскую правду", но интересовались не политикой, а тем, чем живет молодежь, что происходит вокруг нас. Войну мы пережили, достаточно от нее нахлебались голода и холода, а теперь, когда Победе исполнилось аж целых девять лет, мы по-настоящему стали крепнуть и становиться на ноги.

Начало целины многое перевернуло и в нашем Караегине. Прибывающую целинную технику увозили с нашей станции по совхозам, каких было в родном астраханском районе как бы не до десятка. Мы о них только слышали, а что там делалось, понятия не имели. Как вещало местное радио, в совхозах поднимали целину, какая измерялась сотнями и тысячами гектаров. Казахская целина была бескрайняя и укладывалась в неоглядный распаханый пласт.

Прибывающие ДТ-54 по прибытию в Караегин тут же заправлялись горючим и своим ходом по караегинским улицам держали путь в совхозы. К лету улицы Караегина превращались в Мамаево побоище или напоминали каналы Марса. Как власти решали их сгладить, чтоб они как-то служили старым и малым караегинцам, неизвестно. Караегинцы надеялись, что их улицы, хотя бы главную, заасфальтируют, но ничего такого не случилось ни в 1954-ом, ни даже в наступившем 2014-ом. Так Караегин и влачит свое существование - в пыли летом и в непролазной грязи в распутицу и в дожди. Когда мысль о благоустройстве провинциального поселения дойдет до нынешних властей - Бог весть. Караегинцы надеются, что потомки будут умнее и жизнь свою и бытие обустраивают, как того требует настоящая цивилизованная человеческая жизнь.

А девятый класс мы-таки закончили. Олег прошел хорошистом, а мы с Михаилом кувыркались с четверки на тройку. И только у меня по русскому и литературе светили исключительно пятерки. Училка восхищалась моими сочинениями, домашними и классными, и даже несколько их прочла в классе на всеобщее обозрение. Я этого страшно стеснялся и просто не знал, куда

деть свои глаза, как будто сделал какое-то преступление. Но по математике я был ужасно тупой, и учителя меня не иначе как жалели, натягивая трояк. Михаил по математике кувыркался около четверки, потому как хоть что-то в ней соображал, а я, как ни старался вникнуть в ее суть, так безмозглым и оставался до самых экзаменов. Конечно, что-то я все-таки по математике шурупил, делал контрольные самостоятельно, а однажды даже выкатился на четверку, за что получил похвалу строгой и неулыбающейся учительницы.

На одной из разгрузок железнодорожной платформы с какой-то техникой наши целинные друзья и особенно их "бугор" Евсевич вдруг сказал:

- Вот вы уже и девятый класс закончили, а значит, повзрослели. Наступило лето красное, и вы, вижу, просто не знаете, куда себя деть, к какому кутку приткнуться. А почему бы вам не попробовать себя у нас на целине да в нашем совхозе? Работы у нас непочатый край, можно строить дома, а в хлебоуборку так пойти на косовицу хлебов. До сентября можно хорошо потрудиться, заработать какие-то башли, какие вам, молодым, никак не помешают, а уже после десятого класса вы истинно станете хозяевами своей судьбы. Можно прийти к нам на целину, работать и заочно учиться в сельхозинституте, после какого вы можете стать инженерами и даже руководителями производства.

Молодые сейчас больно шустрые, что наша партия приветствует и доверяет ей руководить серьезными объектами. Мы же, старики, будем дотягивать до пенсии, завидовать вам и есть хлеб, какой вы будете выращивать на целине. Молодым ведь строить коммунизм, как говорит Никита, вот вы его и постройте. Так что, молодежь, подумайте о нашем предложении - не пожалеете, а то, может, в будущем нам еще и спасибо скажете...

В словах целинного "бугра", конечно, была логика, мы это понимали, но к будущему себя вовсе не готовили. Михаил, какого мы прозвали на казахский манер Мехметом, говорил, что он никак не планирует свою жизнь, потому как переросток и после десятого класса может сразу загреть в армию, тем более, что военкомат уже предупреждал об этом. Три года в армии неизвестно

еще как повернутся, поскольку там солдат не прохлаждается и для каждого извечно существует крепкий режим и такой же режим. Бывало, солдат в армии в мирное время на учениях калечился, и его просто затем списывали и отправляли изуродованным домой; некоторые так вообще отдавали концы. Армия дана для сильных и мужественных людей, а хлюпики вроде меня так за всю службу из кухни не вылезают, чистят картопан да готовят обеды.

У Олега-Олжаса, как мы знали, существовали какие-то свои планы, в какие нас он не посвящал. Мишка однако каким-то образом прослышал, что десятый класс Олжас собирается добивать у какой-то своей родни в областном Степняке, поскольку, по мнению его родителей, городское образование серьезнее провинциального, оно и нацелит Олега сразу на институт.

Я, Кузьма по паспорту и по-караегински Кузембай, о своем будущем и вовсе не распространялся. Кем я хочу стать после десятого, что я умею и куда меня вообще тянет? Да никуда и не тянуло - ни к технике, ни к книгам, ни к каким художествам. Была страсть к гармонии. Любил я вечерами идти туда, где распевалась гармошка, а распевалась она единственно в вагончике у нашего целинного "бугра" Евсеича, куда мы навещались обычно втроем - с Олегом и Михаилом. Но эти товарищи не более как составляли мне дружескую компанию, поскольку, как я видел, гармонь их не слишком улаждала. Ну, за компанию они что-то подпевали Евсеичу и мне, потому нам как гостям непременно целинники наливали по сто беленькой.

Евсеич между делом удивлялся моему слуху и моей внимательности к его инструменту и спрашивал:

- Вижу, крепко любишь этот инструмент! Это не гармошка, а полубаян, у какого пуговиц и кнопок поболее, чем у обычной гармонии. У обычной гармонии двадцать три пуговицы в голосовой клавиатуре и двенадцать в басовой, тогда как у полубаяна голосовая часть трехрядная, а басовая так и вовсе пятирядная. На голосовой можно извлекать изумительной красоты аккорды, какие на гармонии сливаются в простой звук без всякой музыкальной красоты и альтерации. Нашей промышленности надо

отдать должное за такой инструмент. Конечно, до настоящего полного баяна ему далековато, но и у полубаяна есть свои плюсы против обычной гармонии. Есть сейчас гармонии двадцать пять на двадцать пять, красивый набор голосов, но аккорда из гармонии не извлечешь. Так что советую, Кузя, приобретать полубаян или даже баян.

- Евсеич, я страсть как люблю гармонию, но никогда в руках ее не держал и ни разу не встречал в наших магазинах. Может, в городах они телепаются, а в Караегине их отродясь не было.

- Ну так возьми, поддержи, растяни да нажми на кнопки - может, чего и подберешь. На первый случай может ничего и не получиться, ну, а если у тебя хороший слух, то можешь с ходу сесть на какую-нибудь мелодию. Я тоже с того начинал. Нотной грамоты я не знаю, никогда ее не интересовался, да и не нужна она тем, кто не желает быть профессиональным гармонистом, как, скажем, известный Маланин, Тихонов. Но то есть знаменитые профессиональные баянисты, артисты музыкальных ансамблей, а мы - любители, какие просто улаждают свою душу да и таких же любителей гармонии. Да, возьми живой инструмент, растяни, может, что и получится. В басовой партии на полубаяне и на баяне кнопки берутся парой наискосок, то есть рядом, а на гармонии - рядом сверху вниз и тоже парой. Возьми и попробуй хотя бы известную "Катюшу", где расцветали яблони и груши.

Впервые в жизни взял я в руки живой баян. Совсем он, оказывается, не легкий, но нужно только приловчиться. Нажал я на двойные кнопки наискосок - один звук, нажал через одну, то есть на первую и третью - совсем другой, какой Евсеич почему-то называл минорным. Пробовал пуговицы и на первой стороне, стараясь попасть на "Катюшу". Схватывал пуговицы всеми пальцами, и "Катюша" действительно начинала вырисовываться. В нескольких местах выдал даже несколько красивых аккордов, какие просто украшали мелодию, чему "бугор" удивился и даже похвалил.

За час тренировок я, кажется, "Катюшу" нашел, освоил, только вот в унисон с басами у меня не получалось. Слух у меня, оказывается, отменный, что отметил и "бугор", а коль так, то техника со временем придет сама собой.

- Хорошо, Кузя, у тебя получается даже на первых порах, - сказал Евсеич. - Давайте за это еще нальем по стопке. Учить тебя играть я не буду, учишь сам, как я учился, а вот технику могу тебе продать по дешевке, потому как этому инструменту как бы не столько лет, сколько мне.

- А вы давайте инструмент мне прямо сейчас, я унесу его домой, покажу матушке и скажу, что, дорогая мамуля, надо найти вот столько-то рубликов, и у нас будет своя гармонь, о чем я мечтал как бы не с самого первого класса, а ты видела ее только в кино.

- Хорошо, так и сделаем. Можешь денежки отдавать даже частями. Мы на целине денежкой не страдаем, а гармонь мне не нужна, поскольку в нашем совхозе их навезли как бы не штук шесть. Молодежь куролесит и развлекается, а мне в мои годы надо бы и остепениться. Молодым, как ты, гармонь не повредит, а у меня только время отнимет...

Гармонь я унес в тот же день. Несли ее по очереди и Михаил с Олегом. Уже вечером матушка слушала мою игру с пятого на десятое, но ей нравилось и то, что я вытворял. Насчет денег сказала - хрен с ними, получит получку, а то и вовсе перехватит в своей конторе.

Так и началась моя жизнь с гармонью. Первые дни я с нею не расставался и пилил как бы не все подряд. Сестра заметила, что у меня тонкий слух и что я могу в будущем стать настоящим музыкантом. Я схватывал музыку с патефонных пластинок, и у меня вроде неплохо получалось: это отмечали матушка с сестренкой и даже Олег с Михаилом. Олег так отмечал наличие во мне музыкального таланта, какой надо бы продолжить и укреплять. Удивительно, что я без чьей-либо помощи схватывал всю баянную партитуру и даже начал схватывать классические вещи вроде "Степь да степь кругом", "Три танкиста, три веселых друга" и навалился на залихватскую "Подгорную". Получались у меня и неторопливые вальсы, какие крутились на наших школьных вечерах.

По правде, я и сам своей прыти удивлялся. Прошел какой-то месяц, а я уже ударял и "По сопкам Манчжурии". Матушка говорила, что это божий дар, только я не представлял, что боги могут

шарить на баяне: если они что-то да запоют, то непременно заунывное, отчего хочется бежать, как из Иерусалима.

Но мой полубаян все-таки являл собою пародию на полный баян, что меня где-то и огорчало. Подумывал - начну работать, непременно куплю настоящий инструмент, с каким не стыдно будет выйти на люди. За этот же полубаян с "бугром" я рассчитался без всякой рассрочки, отдал деньги сразу, что крайне удивило и воодушевило первоцелинника. Евсеич по такому поводу сообразил маленькую пирушку, от какой я не отказался. Пил я, правда, мало, потому как не приучен был лакать ее стаканами: пару пятидесяти граммовых стопок - и хватит. За это "бугор" меня просто хвалил. Ударять до поросычьего визга он не советовал и своим напарникам, говорил:

- Надо выпивать умело, где-то даже красиво, чтобы пела душа и ноги сами рвались в пляс, что красит человека и делает его своим в любой компании. Но наш русский мужик не везде такой. Любит наш мужик так ударить, что и мать родную не узнает. От такого и работы хорошей не добьешься, да и поговорить по-человечески не всегда удастся. Нескольких таких товарищей с целины уже выдворили, и где они сейчас промышляют, никто не знает, да и знать не хотят...

Как говорил "бугор", на целине вышел какой-то строгий закон, какой не прощает запои и пьянки, а то в первое время народ просто распустился: москвичи качали права питерцам, украинские товарищи чего-то не делили с белорусами, отчего потасовки случались сногшибательные, до кровавых соплей. Теперь в этом деле наводится порядок, что позволит заниматься настоящим делом, а не разборками.

ГЛАВА 2

Наступившее после девятилетки лето куда-то разогнало всех наших пацанов. Оставшиеся трое - Михаил, Олег и я - днями бесцельно отирались то у поселкового клуба, то у своих друзей на выгрузочной площадке. Работы, как прежде, теперь не было, что нас крайне огорчало.

Целинники так и вовсе покинули свою теплушку и укатили на настоящую работу в совхоз. Через некоторое время умчал в свой Степняк и наш Олег. В городе, конечно, ему будет веселее, поскольку Караегин ему, как он говорит, просто осточертел: "Чего бы ни говорили, а молодежь должна жить в городе, тем более, если она имеет какой-то талант".

Какой талант имел Олег, мы с Михаилом не представляли, но, однако, думали, что у Олега что-то да было. Может, он писал стихи и готовил себя на журналиста? Таких склонностей мы у него не замечали, хотя кто его знает, какие черти водятся в болоте. По сочинениям он не блистал, я так даже опережал его. Учительница так ставила мне оценки дробью: в числителе была пятерка за текст и за стиль, а в знаменателе - за орфографию. Писал я еще с ошибками, за что учительница даже занималась со мною дополнительно.

Ну, по русскому и литературе я блистал, а по математике был тупой, как сибирский валенок. Олег с Михаилом меня натаскивали по геометрии с тригонометрией, но умнее я не становился. Математика была моим исчадием, но жизнь заставляла что-то зубрить и что-то понимать. Были у нас в классе математические асы, но я к ним не обращался, как не обращался и лично к училке по математике. То, что давали мне Михаил с Олегом, мне хватало, отчего я кувыркался между тройкой и четверкой. Тройка, конечно, брала верх, но ведь тройка тоже оценка, хотя и средняя.

Насчет того, что Олег где-то залег в Степняке, Михаил сказал:

- Хочешь жить - умеи вертеться. Мы вот с тобой, Кузя-Кузембай, ни жить не умеем, ни вертеться, коптим небо, и не более. А люди вот делают себя и свою жизнь, как-то вонзаются в гущу событий, не бултыхаются на поверхности, как мы с тобой. У нас тобой даже девок нет, потому как говорить с ними не умеем, знакомиться не умеем. Свои одноклассницы на нас ноль внимания и два презренья, потому как им нужны постарше кавалеры, какие десятый класс добивают или уже добили. Вон Валька Петухов Нинка Самородова так вообще работяг себе подцепили, на танцах выпендриваются да еще права качают. А мужик, он что за здание? Губки помажь ему поцелуем, он и растаял и поплыл, к золотая рыбка. Нынче мужик не то, что были раньше, вроде Стеньки Разина да Емельки Пугачева. Нынче мужик, как сдобное тесто, из какого можешь лепить какие хочешь фигуры. Правильно я говорю, Кузембай Калкенович?

- Абсолютно, Мехмет-оглы. Мы даже до Павки Корчагина дотянуться не можем, не говоря об Олеге Кошевом или Сергее Тюленине. А до Александра Матросова?

- Ну, ты сравнил, Кузембай Темирбаевич! Это же были фигуры, рожденные своим временем. А у нас какое время. Ладно хоть целина началась, может, она породит своих героев. Ей-богу так хочется кому-то подражать, у кого-то чему-то учиться и становиться лучше, чем ты есть.

- Тут ты прав, Мехмет Темиргалиевич. Взять хотя бы знакомого нам Евсеича: немолодой, из какого-то Житомира прискакал на казахстанской земле обосновался, пашет и поднимает целину, несколько слов уже по-казахски выучил, как "жаксы", "нан", "бидай", "кыздар", "жумыс", "нан жок", "нан бар", "ат", "ет", "табанан""су керек". Это только за какие-то пару месяцев, а за годы, пока они будут жить на целине и поднимать ее? Так что талантливого народа у нас хватает, Темиргали Мехметович! Может, только кроме нас с тобой...

- Ну ты не слишком, Кузембай Сагентаевич, принимай нас!

Мы с тобой звезд с неба не хватаем, но не последние в поселке. Ну, на отбросов-то общества мы с тобой не тянем, Сагентай Кузембаевич?

- Да не допусти Господи, Сагентай-Мехмет-оглы! Девятый класс добили не хуже других, а десятый, последний, так непременно добьем, иначе грош нам цена. Мне и батька так сказал.

-Ну, над тобой хоть какой-то контроль есть, а надо мной - хоть на луну вой. Матушке так безразлично, сколько у меня классов и готовлю ли я себя для дальнейшего образования. Ее волнует лишь мое здоровье и чтобы я в доме был главным ее помощником. За дочкой она следит больше, хочет, чтоб она непременно десятилетку закончила, а обо мне не думает, считает, что я сам должен о себе думать. На деле оно так и должно быть: мне все-таки семнадцать, а сестре только пятнадцать - годы, когда ни воды принести с колонки, ни угля наколоть, ни дров наготовить. Сидит себе да перешивает какие-то материны старые платья да юбки - одеться-то фактически не во что. Я вон тоже обносился, как нищий, ни рубашки полевой, ни штанов. Хорошо, что хоть сохранилось с американской помощи, когда давали жителям разную одежду. То, что кладовщик дал, матушка приняла, а я так вообще присмотрел себе разные толстовки да брюки, на что кладовщик просто махнул рукой. Сейчас добываю эту одежку, но пора ведь и на новое переходить - свое, отечественное.

- Ты в этом абсолютно прав, Кузембай Сапаргалиевич. Бедно мы еще живем, и неизвестно, когда наладятся наши дела.

- И все-таки прогресс уже виден: в магазинах продуктов завались, насчет штанов, рубашек и обуви - выбирай на любой размер и вкус. Война только девять лет как закончилась, а мы уже начинаем шагать вперед, да большими шагами. Вот и целину затеяли у нас в Казахстане, значит, хлеба будет у нас под завязку, ну, а хлеб, Мехмет, сам знаешь, всему голова. Насчет же пожить в городе, как Олег, думаю, нам с тобою это не дано. Вот добьем десятый класс, а там и будем искать свои пути. Я так в эту первую целинную косовицу наверняка поеду работать с матушкой на целину, она же у меня комбайнер с военного времени, а на целине комбайнер - это находка. Матушка уже говорила обо мне в своей МТС, и ей там дали добро насчет меня - буду работать ее помощником, то есть штурвальным, как говорят хлебопашцы. Если хлебоуборка затянется за сентябрь, рискну десятым, а добыю на будущий год. Я

и так в четвертом классе просидел два года, потому как был в своем ауле Сабунды, где я родился и жил до 1947-го, тупой и неразвитый - в четвертом классе, а ни хрена не знал, даже сколько будет дважды два. В математике я вообще был дубина, ею, как видишь, и остался. Благо, что вы с Олегом меня как-то натаскивали, а так не видать бы мне десятого класса, как своих ушей!

- Ну, ты, Сагентай Кузембаевич, не слишком-то себя принижай! Карабкаешься же, чего-то да соображаешь, а по русскому с литературой, по истории с географией, по английскому так у тебя сплошь пятаки, тогда как мы кувырваемся с Олегом на тройках с бледными четверками. Я думаю, что вообще нам нос утрешь и после десятилетки непременно в институт воткнешься. Может, учителем русского и литературы станешь, как наша Кадияша Карпековна: видишь, коренная казахстанка, родилась в Акмоле, а вот почему-то добила московский МГУ. Что, у нас нет своих институтов?

- Есть, конечно, но родители, наверное, посчитали, что престижнее получить московское образование... А посмотри на наших казахстанских писателей: многие из них тоже в Москве отирались в молодости, литературный институт имени Горького закончили и вернулись в Алма-Ату, где живут и выдают на-гора такие классные произведения! Хотел бы и я, это по секрету, им उपодобиться, но ты ведь знаешь, Мехмет-оглы, что к институту, например, того же Горького меня на выстрел не подпустят, потому как надо много знать.

- Не нужен тебе этот имени Горького, тогда как у нас в Алма-Ате своих вузов хватает! Читал, что есть КазГУ имени Кирова, какой выпускает классных специалистов всякого направления. Чего бы и тебе, Темиргали-Кузембай-оглы, не рискнуть туда после десятого класса?

- Кому я там, Мехмет, нужен без намордника? Да там на таких караегинцах, как я, воду возят, а ты хочешь меня в КазГУ воткнуть. В моем роду отродясь никого не было с высшим образованием, все чернопупые, трактористы да комбайнеры. Бабка всю жизнь колхозницей была, а сыновья ее, то есть мои дядьки, только после войны человеками стали на железной дороге в Караги-

не, а до войны пахали да сеяли колхозные пашни. Матушка вот у меня вечный пахарь, ну, а кем стану я, покажет время.

- Да, Темиргали, тебе все-таки проще, поскольку меня после десятого непременно загребут в армию. Да я уже по указанию военкомата и медкомиссию прошел. Военком остался доволен всеми анализами и сказал, что служить мне не иначе, как моряком. Представляешь? Конечно, рост у меня не карликовый, здоровье доброе, но почему на море, а не куда-то на танк или авиачасти - не представляю. Да я в нашем караегинском озере Алаколь, как бегемот, кувыркаюсь, плавать только вот в седьмом классе и научился. Конечно, моряк - это красиво и представительно. Когда он идет в увольнительный по городу - загляденье, девки так бросаются слева и справа, сам видел в кино, и даже готовы подставить ему подножку, чтобы он упал, да прямо на нее.

- Мехмет Тугамбаевич, давай не будем влезать в наши жизненные дебри! Как жизнь повернет, то и примем. А я так об армии вовсе не думаю, призовут - пойду и отдам стране, что положено, такова наша доля мужская. До армейских годов еще надо дожить. Дожил, отслужил, а дальше надеяться на кривую? У тебя батка есть и матка, с голоду не дадут крикнуть. А мне надо будет дома голову ломать, где бы хлебушка достать, штанишки и рубашку, ну и молочка баклажку, с ними всяческой крупы, чтоб готовились супы, в праздник делались пельмени, их в дни Победы мы и ели, их сегодня бы поесть, ах, какая б была честь... У нас с матушкой и сестренкой еще и бабушка проживает - старый человек, а ей тоже кушать хочется. Так что в эту первую целинную хлебоуборку я непременно пойду на комбайн, тем более, уже есть договоренность. Думаю, на той неделе и подамся с матушкой в ее МТС, где до хлебоуборки обритуем свой комбайн, подшаманим его так, чтоб работал, как часы. Дом есть на кого оставить, а в Астраханке - районном центре, где эта самая МТС базируется, тракторная станция имеет свои комнаты для прибудных, как мы, где нам и придется с матушкой пожить. Ну, а начнется хлебоуборка, жить обычно всем приходится на полевом стане, где тебя поят, кормят и ответ держать велят. Я помню эти полевые станы еще со

времен войны, когда приезжал к матушке на пашню. Приезжал, потому как дома скучал...

На полевом стане народу всякого всегда бывало много - трактористы, комбайнеры, копнильщики, шоферы. Правда, шоферов было один-два, потому как машин-то в тракторном парке не было по тому времени. Как помнится, была одна полуторка, на какой шоферил молодая девка Стюра, и один большой американский "студебеккер", которым тоже управляла женщина. Вот они и подъезжали к комбайнам на загонке, и в их кузова ссыпали зерно из комбайнерского бункера. Выгрузка происходила механически, шнеком, так что времени уходило мало: освободили бункер, и комбайн пошел по своему загону дальше. Я так просто стоял на площадке с женщиной-штурвальным и смотрел, как косогон гоняет шестиметровую металлическую косу, набранную из острых зазубренных пластин, на какие большое комбайновое мотовило при постоянном вращении накатывает пшеничный колос. Косой срезается и по постоянно вращающемуся брезентовому полотну большим снопом подается на пальчиковый барабан, где колос дробится, попадает на разные очистки, где вентиляторы выдувают шелуху, или плеву, как говорят комбайнеры, а дальше очищенное зерно по каким-то квадратным трубам ссыпается в бункер.

Все это я видел своими глазами. Интересовался и удивлялся возможностям такой машины, которая высокий колос превращала в зерно и солому, и солома цепными передачами передавалась в копнитель, где копнильщиком с помощью обычных вил раскладывалась по копнителю, и потом при нажатии педали пол копнителя переворачивался, и соломенная копна оставалась на скошенной стерне. Эту солому затем свозили на скотные базы и ею кормили общественный скот, какого в нашем ауле Кенбидаик, где я родился и рос, было очень много - несколько тысяч голов лошадей, овец, баранов и верблюдов. Совхоз наш поставлял скот на мясо, а оно отправлялось на войну солдатам. Это то, что я знал о своем совхозе и его роли в военную годину.

На комбайне с матушкой я бывал и после войны - в 46-ом и 47-ом, пока вернувшиеся с войны братья мамы не увезли нас в теперешний Караегин. Так что, Мехмет-Абылхан-бей, комбайн я

знаю с детства и потому пойду в это лето на целину убирать хлеб. Комбайновый штурвал я держал и в десять лет, а теперь я смогу не только держать, а руководить высотой среза колоса, какой растет на пшеничном стебле. Чем ниже срез, тем больше соломы в копнители и тем выше соломенные копны.

- Да, Тугамбай-Корпеш-бей, многое ты повидал в детстве и хорошо знаешь хлебную структуру. Конечно, попробуй мотануть на целину, а там уже как-то определишься. Надо, главное, добить нам наш выпускной класс, а там уж будем как-то определяться со своей жизнью... Батка мой так уже подался в новый совхоз "Кайнарский", работу там себе нашел и приглашает меня тоже приехать и начать строить большой современный дом. Помчусь на целину, видно, и я, так что, Сагентай-Калкен-улы, станем первоцелинниками, ты и я. Поработаем на целине, может, о нас со временем расскажет миру история.

- А чего, Темиргали, все может быть! Целина только началась, и герои у нее будут. Может быть, я даже книгу о ней напишу. Ты же знаешь мои литературные способности по классным сочинениям, какие учительница даже читала перед классом, так что целина может дать хорошие темы для осмысления ее существа и ее боевого народа.

- Я помню эти твои сочинения: умеешь, мать твою, что даже завидно! После десятилетки надо тебе на гуманитарный факультет идти, где изучается наше русское слово. О тебе, Кузембай-Толеген-оглы, мы, может, еще прочтем в большой печати. Есть такие пронырливые писаки вроде журналистов, какие и черта пишущего находят в глубинке. Вот нашли же твою матушку, о какой написали, что она комбайнер с военного времени, единственная женщина в нашей Степняцкой области с мужской профессией? Целина таких людей приветствует и дает им право снять первую хлебную целинную полосу. Об этом писала наша областная "Степняцкая правда", об этом говорят многие наши караегинцы, и я рад, что твоя матушка в таком почете. Думаю, на целине она и вовсе себя покажет, как показывала во время войны. Хлеб всегда убирался вовремя, хотя частенько не хватало бензина, и комбайн простаивал. Находили бензин для комбай-

на, так не хватало горючего для трактора, какой этот комбайн буксирует всю его жизнь.

- Да, о таких вещах и я слышал, когда бывал у матушки на полевом стане. Бригады и начальство разбивались в доску, а горючего иногда достать не могли, пока какая-то попутная машина не привозила его прямо из Степняка. В отсутствие горючего техника простаивала, хлеб сох и колос осыпался, что вело к хлебным потерям. Тракторный парк совхоза в моем Кенбидаике совсем не был виноват, а виноват был областной Степняк, его снабженцы и большие городские начальники. Кто его знает, может, там были и вредители...

ГЛАВА 3

О многом мы с Михаилом поговорили в один из первых дней после девятого класса. Нам не хватало вот такого непринужденного общения: когда ходили в школу, то хоть на перемене почешешь языки, а теперь лишь при редкой встрече. Человек - удивительное создание, он не может быть в одиночестве. Ему нужно общение, ругань, потасовка, а коль душевный разговор, так его и медом не корми.

- Ну почему твой отец погиб в танке? Танк спасает танкиста от пуль и взрывов, от гранат и бомб, а от огня и подавно. У него ведь броня, а она от всего спасает. Наверно, твоему батке так на роду было записано - сгореть в огне, - говорил Михаил.

По этому поводу я ничего не мог сказать определенного, потому как не знал ни природы огня, ни крепости брони танка. Не представляю, почему батка не выбрался из горящего танка, тогда как в днище танка наверняка конструктивно существует люк. Как там все было на самом деле, не знаю, и остались ли в живых другие члены экипажа, тоже неизвестно. Похоронка о том ничего не говорила...

Насчет же наших необычных имен, перемешанных с казахскими, я, Олег и Михаил решили, что это наша находка, даже изобретение, достойное поощрения и признания. Во всех этих именах есть что-то новое, необычное, в них нет серости и скучности. Нашими подлинными именами, рассуждали мы, мы кличемся родителями от рождения, в школе - с первого класса, с друзьями - всегда и постоянно.

- По этому делу, - философски заметил Олег, - нужна своеобразная революция, какая изменила бы извечный человеческий настрой на имена и отчества. Ладно еще в официальных документах, а в обычном общении, да еще в непринужденной обстановке чего нам кликаться Мишкой да Кузькой?

Вот мы и решили сделать своеобразную именную революцию, от которой нам просто хорошо и весело. Нет штампа, нет и скуки: назвал человека новым именем, и вспыхивают новые ассоциации, и даже новые мысли наворачиваются. Сегодня - Олжас Абдукаримович, а завтра - Олжас Сулейманович, неожиданно, интересно и находчиво.

Дома Олег пробовал меньшого братишку величать то Калкеном, то Бауыржаном, тот не понимал и даже обижался. Пробовал Олег и отца Афанасия назвать Абдрахманом.

- Так отец даже спросил, не тронулся ли я, потому логически, психологически и философски пришлось объяснять необходимость такого метода. Это больше артистический метод, какой пока нигде не возведен в норму. Слава Богу, что хоть у нас троих это дело прижилось, и пусть нам от этого будет весело, легко, смешно и просто необычно, что вкупе оздоравливает и продлевает человеку жизнь. Может, когда-нибудь ученые набросятся на наш метод и отыщут в нем какой-то эликсир жизни...

С Олегом мы соглашались и тайно завидовали его эрудиции и его продвинутым мыслям во многих областях жизни. Мы с Михаилом такого дара не имели. Олег, например, между нами порицал утверждения Хрущева, что наше поколение через какие-то двадцать лет будет жить при коммунизме:

- Конечно, его поддерживают наши газеты, газетчики и наши политики слева и справа, только я бы коммунизмом не раз-

брасывался. Я со своей восемнадцатилетней позиции и то это понимаю, а наши великие идеологи не понимают или не хотят понять и во многом поддерживают нашего кукурузного вдохновителя.

Что на то скажешь Олегу? Мы с Михаилом жали ему руку и говорили, что ему надо учиться и, может, даже заменить Хрущева, какой через двадцать лет непременно будет на пенсии, а до коммунизма он и вовсе может не дожить. А нам будет по сороковнику - время, когда мужик в самом соку и может творить даже чудеса. Олег улыбался и в благодарность за предвидение его на должности Хрущева даже купил "огнетушитель" портвейна, какой мы и приговорили у меня дома. Конечно, мы смеялись над нашими идеями и предложениями, но сошлись на мысли, что о коммунизме можно говорить как о великом будущем великого СССР в веке будущем, но не настоящем...

С отбытием Олега в Степняк мы с Михаилом вроде как осиротели. Не было среди нас умного мыслителя, какой о вещах и событиях судил аналитически. Мы с Михаилом целиком полагались на его суждения, считая, что теоретически и практически в них есть соль, а потому возникать нам не следует. Олег был на год старше нас, на год прожил больше нашего, а значит, и знать должен на год вперед больше и лучше нашего.

Мы с Михаилом считали себя простаками, ну, а с простака меньше и спрашивается. О коммунизме вопроса не поднимали, оставив это дело политикам. Себе роль строителей коммунизма почему-то мы не брали, считая, что до коммунизма у нас нос не дорос. Кому сейчас тридцать-сорок лет, можно и доверять, а мелюзге, подобной нам, надо у них только учиться и осваивать богатство, которое выработало человечество. Об этом тоже говорил Олег.

В июне 54-го, как мы с матушкой и договаривались, я покинул Караегин и обосновался в районном центре Астраханка, где и поживала матушкина МТС. Прежде я здесь не бывал и не видел столько тракторов, комбайнов, сеялок, веялок, борон, пропашных плугов и прочей техники, какой я и названия не знал. Меня, конечно, больше интересовал наш прицепной С-6, над

каким мы с матушкой и трудились. Я разбирал и собирал косогон, менял заржавевшие гайки и болты, на очистные решета ставил новые планки-боковинки, смазывал ведущие и вспомогательные шестерни. Матушка удивлялась моей проворности и моим знаниям по ее комбайну.

К мотору я не прикасался, да того и не требовалось, потому как двигателями в МТС занималась специальная бригада, асы своего дела. До нашего пока не дошла очередь, но и времени до хлебоуборки было достаточно, потому как хлеб стоял еще зеленый. За полмесяца комбайн свой мы с матушкой отшаманили и ждали спецов по мотору. Матушка услала меня домой, сказав, что с мелочной работой она сама справится. Ей останется только мотор освободить от постаментов, ремонтники его увезут, проверят, если надо, заменят поршни и вкладыши, сами привезут и сами его поставят. Ей остается только проследить за цикличностью и где-то даже подогнать ремонтников, усладив хорошим "пузырем" "родимой", отчего работа закипит у них после того на все двести градусов.

Я укатил домой. Михаила в поселке уже не было - подался к отцу на целину, на строительство капитального собственного дома. Где этот совхоз "Кайнарский", я понятия не имел, стал узнавать о том у целинников, какие в Караегин временами наезжали. Полета километров от Караегина - да это просто прогулка на любой грузовой машине, какие в поселке отирались как бы не с самого начала целины.

Матушке я сказал, что болтаться дома не буду, а до начала хлебоуборки поеду к Михаилу Буримову и его отцу: может, чем-то им помогу, мужик я вроде здоровый, потому и надо куда-то применить свои силы.

Ну, совхоз "Кайнарский" я отыскал без приключений и прикатил в него на попутном "ЗИЛе". Шофер подкатил прямо к первобытному строению Буримовых, напоминающему не то саклю, не то баню, с оконцем без рамы - простое стекло, воткнутое в проем стены. Михаил удивился моему появлению и, конечно, крайне обрадовался. Я это видел по светлому лицу Михаила.

- Ну, как ты решился, Сегизбай-Мехмет-бей, на такой подвиг, сравнимый с подвигом Матросова? Ты же собирался на целину с матушкой?

- Я и буду там, только позже, когда вызреет колос и начнет-ся настоящая хлебоуборка. Сейчас колос еще зеленый и ждет лишь хорошего солнца.

- Это правда, до полного его созревания как бы не месяц еще потребуется...

- Вот это время я у тебя и поживу и по-дружески помогу вам с батькой в вашем строительстве. Чего не умею - батька научит, подскажет. В строительстве нужна сила да хороший глазомер, хороший раствор и хороший кирпич.

-Все это должны батьке скоро привезти - обещало само руководство совхоза, какое приветствует всякое строительство в их поселке, где пока наличествуют в основном вагончики-теплушки с боевыми первоцелинниками, готовыми рвать и метать, только бы не сидеть, сложа руки. Смотри, какие отгрохали коттеджи у вагонной конторки - красота, загляденье, сила! А кто в них живет? Думаешь, директор совхоза, бухгалтер, секретарь парторганизации? Ничего подобного - простые трактористы, какие поднимали целину, подняли первый ее пласт и потом засеяли его. К ним уже и жены с детьми прикатили из России. Вон смотри, какой клуб замахричили - не клуб, а дворец! Батька мой там тоже пляшет, потому как классный прораб и классный руководитель. Такой народ на целине ценится. Машины просто не успевают привозить из области кирпич и прочие материалы, все тут же схватывается и определяется в дело. Коттеджи растут, как грибы, в них вселяется целинный народ, особенно тот, кто вырвался на целину по зову сердца, оставив на родине дом, жену, детей. Таких людей здесь немало, вот руководство и определяет им жилье в первую очередь. Когда приезжают жены и дети, совхоз прямо расцветает от их присутствия. В прочих совхозах па целине одни мужики, вечно смердящие своими папиросами. Женщины ведь не такие отчаянные, как мужики, каких ничто не удержало дома — ни уют, ни диван, ни свет в большом окне, ни асфальтированные улицы с ухоженными тротуарами под тенью

раскидистых тополей. Вот смотри, начали возводить даже школу. Не знаю, зачем она нужна на первых порах, когда в поселке всего лишь несколько ребятишек. Пока народятся свои, кайнарские, пройдет, может, не одна пятилетка...

- Ну, ты даешь, Сегизбай-Токен-улы! Дурное дело ведь нехитрое. Свои народятся - это естественно, а вдруг начнет приезжать народ из местных поселений, скажем, из той же Астрахановки, из нашего Караегина, из соседнего Жалтыря, а то и из самого областного центра? Народу, думаю, скучно на одном месте, вот он и ищет перемены в жизни. Человек, он ведь, как рыба, ищет, где глубже, где чище и свежей водичка. Там в благоприятных условиях и мечет икру агрессивно и залихватски, там и потомство нарождается. Так вот и происходит круговорот в природе. С людьми то же самое: ну, скучно жить без встряски, без движения, без нового общения! Первобытный человек и тот искал себе общество...

Я поймал себя на мысли, что начал философствовать, как Олег, и Михаилу просто сказал:

- Ты вот, Темирбай-Токен-оглы, лучше подыщи мне у себя работу, а то сам пойду к твоему батьке просить ее. О, он и сам, кажется, идет... Привет, дядя Коль!

- Привет, привет, Кузьма! Соскучился по товарищу? Приветствую вашу хорошую мужскую дружбу. Дружба, она ведь, как песня, нам строить и жить помогает, она скучать не дает никогда, а тот, кто с песней по жизни шагает, тот построит в степи города... Правда, Кузьма, такое может быть?

- Ну, конечно, дядя Коль! Куда нам без дружбы и без песни? Нынче годы пошли созидательные, надо засучивать рукава. Насчет того, что соскучился - это одно, я приехал к нему и вам, чтобы помогать строить ваш дом. Мы с Мишей уже два часа треплемся, а он не хочет дать мне с ходу какой-то работы. Может, вы найдете, на что можно налечь по-нашенски, по-мужски?

- На сегодня-завтра - вряд ли, а позже работенка непременно появится. Траншея под фундаменты вырыта, фундамент уложен, теперь остается только ждать кирпича. Обещали на днях привезти. Степняцкий кирзавод совсем зарпортовался, целина сосет его со

всех сторон, его печи не успевают остынуть от первой партии, как тут же закладывается вторая-третья-четвертая. Кирпич идет потоком круглосуточно, а его все равно не хватает. До целины такого расхода не было, кирпич даже лежал в заначке на заводском дворе, а теперь прямо из печей в кузов идет. Целинники - народ ненасытный, потому как умеют трудиться, умеют строить свою жизнь и всей своей страны!

Батька Мишани - ярый коммунист, иначе прорабом бы его не поставили. Он вступил в партию еще до войны. Как вояке и как честному коммунисту ему и доверили все совхозное строительство. Идет оно классно, только было бы, чем строить. Об этом большие областные власти не позаботились, да, наверное, и сам Хрущев что-то не учел. Разослал бы закрытое указание: мол, надо готовиться - начнется целина, со всего Союза съедется народ, жить какому просто негде, кроме как в палатках да вагончиках... Не сделал это руководитель страны Хрущев, потому как после смерти Сталина многое пошло наперекосяк. Не знаю, была ли целина идеей Сталина, история об этом молчит, а вот Хрущев так выпячивается на первый план, отчего народ стал понимать, что целина - это хрущевская идея.

Бог с ними, с историей и с Хрущевым, мне бы только помочь Михаилу, чтобы его батька к зиме заселился, а Михаил добил десятый в своем доме, в Караегине. О себе я решил: в десятый не пойду, потому как хлебоуборка затягивается до белых мух, после зерновых идут подсолнух, пырей, люцерна. Зачем же матушку оставлять одну? Нового штурвального ей надо еще найти, а где его взять, когда кругом идет уборка и все заняты? Буду работать до конца уборочной страды. В 55-ом должен дембельнуться братан Иван, матушке станет легче, тогда можно и о десятом подумать..

Как и обещал дядя Коля, приехало сразу пять машин с долгожданным кирпичом. Самосвалы вывалили его в разных концах фундамента, и началась наша работа. Кладку вели какие-то боевые дядьки, мы лишь делали раствор и подносили им в корытцах. Дядьки учили нас с Михаилом, в какой пропорции брать цемент и воду с песочком, потому как при строительстве рас-

твор должен быть отменным. Мы старались, и стены высились на глазах. Дядя Коля приходил, смотрел, оценивал.

Четыре кирпичника почти за месяц дом возвели, накрыли не шиферной, а металлической крышей, а в самом доме другие строители постелили полы, покрасили их, и дом готов был к вселению. Строители разошлись по другим объектам, а я, конечно, наострил лыжи к матушке на ее комбайн, благо хлеб уже поспел и ждал, когда его уберут и засыплют в закрома.

ГЛАВА 4

В один из жарких дней не то конца июля, не то начала августа на полевом стане нового целинного совхоза "Красносельский", куда притащили наш с матушкой комбайновый агрегат, начался настоящий переполох. Весь трудовой народ крутился, как угорелый, бригады давали указания, повара примеряли новые белые колпаки и темные фартуки, после чего набрасывались на свои кастрюли, противни и сковородки и драили их до блеска, мели полы и подбеливали печи. В спальнях комнатах тетки стелили новые простыни и бобырем взбивали подушки, отчего спальни выглядели, как солдатские казармы. Бригадир во все вникал, говорил "рахмет" и выставлял большой палец, что означало "жаксы".

В чем причина такой озабоченности чистотой и порядком, нам пояснили, когда все было сделано. Оказывается, на завтра ожидается приезд из районной Астраханки большого районного начальства с самим первым секретарем райкома Журиным. Встречать его, конечно, будет вся руководящая свита совхоза "Красносельский" во главе с его директором Афанасием Дитюком. А все это представительное действо приурочено к первой хлебной полосе, какую должен проделать наш с матушкой комбайн. Такая честь воздана бывалому комбайнеру, тем более женщине с комбайнерским стажем еще военных лет, о чем руководство района

знало из районных газет, из заметок с лихими фотографиями. Газеты оповестят район и область об историческом событии - первой целинной хлебной полосе и первом бункере золотого пшеничного зерна, потокам льющегося из комбайнового бункера в кузов машины. Ухватить такой момент фотографы постараются во всей красе, за что, наверное, получат благодарность от своих редакционных хозяев, а то и поощрение.

Так вот и планировалось обставить первый целинный хлеб в нашем Астраханском районе Степняцкой области, где целинных совхозов, по сообщению печати, несть числа. Как там будут идти дела с первой полосой и первым хлебом, мы не представляли, но были рады, что такая честь выпала именно совхозу "Красносельский" и, главное, на наш с матушкой комбайн. Ведь кроме нас, в совхозе было своих комбайнеров море, да на прогрессивных самоходных комбайнах, а не на нашем "Сталинце", какому лет-то было как бы не столько, сколько самому Сталину.

Новенький ДТ-54 приволок наш комбайн с полевого стана к хлебному полю и установил у самого его начала. Перед трактором какие-то мужики вбили длинные колышки и натянули широкую цветную ленту, какую, вероятно, традиционно перережут, давая ход нашему агрегату. Перед этим наверняка начальство произнесет речь, поблагодарит целинников за поднятый казахстанский целинный пласт, который выродил первый целинный хлеб. А дальше дело будет за трактором, какой потащит за собой наш комбайн с вращающимся мотовилом, работающей шестиметровой косой и бегущим шестиметровым брезентовым планковым полотном, гонящим срезанный колос в приемную камеру комбайна. Матушка по указанию бригадира будет стоять за штурвалом, а я примощусь рядом с маленьким красным флажком в руке, какие дети раскупают в магазинах. Такой флажок бригадир вручил мне заранее. Словом, на завтра наш полевой стан был во всеоружии и выглядел даже празднично.

Летом рассвет застает хлебороба как бы не в четыре утра. Так было, наверное, и при Киевской Руси, при Иване Калите и при Иване Грозном, так было при монгольском иге, при Петре I и всех последующих царях, вплоть до октябрьского Николая, уг-

робленного большевиками вместе со своей многочисленной семьей. Крестьянин всегда любил землю и отдавался ей без остатка. Чтобы больше сделать, он и вставал раньше солнца...

Встать раньше солнца в это утро мы с матушкой не стали, но повара уже были на ногах, готовили еду и чай. Я съел лапшу, запил крепким чаем. Прочий народ делал то же самое, благодарил повара и шел к своим рабочим местам.

К девяти утра, когда солнце начинало палить, подъехала ожидаемая делегация из района. Встретило ее совхозное начальство, и дальше все пошло, как я и предполагал. Первый секретарь Журин без бумажки произнес торжественную речь, поздравив всех с началом косовицы первого целинного хлеба, как и намечалось, перерезал перед трактором цветную ленту, и бригадир, махнув рукой, дал команду нашему трактористу жать на педали. Агрегат наш тронулся, фотографы забегали со всех сторон наперегонки, а один так на ходу забрался на наш комбайн и почти вплотную прикоснулся фотоаппаратом к густой хлебной струе, льющейся через квадратную трубу в бункер.

Действо это было удивительно торжественное, поскольку на земле был колос, а в бункере - живое зерно. Что удивляло: все это делалось руками человека, какой вспахал землю и посеял зерно, оно проросло большим зеленым колосом и, согретое солнцем, просыпалось в бункер готовым живым хлебом. Уж за это хлеборобам, думал я, точно надо ставить памятники!

После церемонии районное начальство и журналисты укатили восвояси, а мы спокойно и не спеша, круг за кругом своим агрегатом ходили по широкому хлебному полю. До конца поля мы не доезжали, потому как бункер наполнялся, даже не доходя до середины поля. Бригадир тоже поднимался к нам на комбайн и говорил, что это настоящий хлеб, потому как на старых полях бункер комбайна заполняется из конца в конец, а тут заполняется даже до середины поля:

- Вот что значит целина! Первый целинный хлеб будет неизмеримо большим, на токах его сеют и веют, а потом повезут на хлебоприемные пункты, какие неизвестно что будут делать с таким большим хлебом...

Я сказал, что наш Союз большой, и хлеба нам много надо. Север нашей страны хлеб не сеет, Камчатка и Сахалин тоже, Кольский полуостров и Новая Земля хлебом не занимаются, как не занимаются, думаю, и те, кто живет у черноморского и каспийского побережья, в районах Балтики. Бригадир, наверное, соглашался со мною и знал, что хлеб наш не пропадет, раз в нем будет такая потребность.

Как будет с хлебом на самом деле, я не представлял, но думал, что власти наши определяют - на то они и власти, что им дано править народом и делать все, чтобы он был сыт, одет и обут в первую очередь, а все остальное уже приложится. На голодный желудок вообще никакого дела не сделаешь, а сытый человек работает, поет и пляшет, потому как это его природа.

Эти мысли я записал в своем дневнике, к какому приспособил прочный толстый журнал. Михаил с Олегом понятия о нем не имели, а докладывать им я вообще не решался. Дневник, понятно, это личное дело - о друзьях и о работе, о матери, о том, что говорят наши политики, чего они обещают народу и как выполняют свои обещания.

Насчет того, что наше поколение будет жить при коммунизме, возмущался даже философ по жизни Олег Сенчугов, какой был не дурак, верил партии, но и критически воспринимал ее высказывания. Я в такие дебри не вникал, считал себя простаком и решил попросту принимать то, что жизнь преподносит: преподнесла целину - я ее принял, преподнесет новый самоходный комбайн - я готов выучиться и тут же на него пересесть. Конечно, первый целинный год я отпашу на "Сталинце", а там перейду на самоходный собственным комбайнером. Молодых совхоз на это агитирует и даже платит за то большие деньги. Вот закончим эту хлебоуборку, а на будущую я непременно сяду на самоходку и буду выдавать государству мною лично скошенный хлеб. Как это получится, пока не представляю, но думаю, что надо будет идти к директору совхоза на разговор...

Как бы то ни было, а уборка первого целинного хлеба заканчивалась. С одного поля мы переезжали на другое-третье-четвертое, какие были разбросаны по обширной казахстанской степи

Астраханского района Степняцкой области. С окончанием хлебоуборки в "Красносельском" у нас попросил помощь уже известный мне совхоз "Кайнарский". Собою мы не распоряжались, а делали то, что велели нам власти. До "Кайнарского" был не ближний свет, но мы с матушкой кочевряжиться не стали, а подчинились приказу директора совхоза.

В "Кайнарском" я встретил лишь дядю Колю. А Михаил в Караегине пошел в десятый класс, поскольку сентябрь уже наступил. О своем десятом я не думал, и матушка к нему не принуждала. Во-первых, я зарабатывал хорошие деньги, и они шли нам с матушкой в один карман. Я ими не распоряжался, хотя мог взять, сколько мне требовалось. А мне деньги не требовались, потому как я не знал, что мне на них покупать.

За одну пятидневку весь хлебный клин совхоза "Кайнарский" был убран, и наш С-6 уволокли в тракторный парк МТС. Мы с матушкой тоже засобирались к себе домой, но дирекция совхоза по какой-то причине задержала нас.

На другой день на полевой стан приехали какие-то люди в галстуках и принарядно вручили матушке орден "Знак Почета", а мне - новенький велосипед Пензенского завода. Мы с матушкой не ожидали такой величественной оценки нашего труда, поскольку ничем не отличались от других хлебопашцев и комбайнеров, убравших хлеб самоходками. Комбайн наш, правда, трудился без поломок и без простоев, потому как мы с матушкой высокий хлеб и с таким тучным колосом решили убирать на пониженных скоростях трактора. При низкой скорости комбайн принимал умеренный срез колоса, какой спокойно поступал в приемную камеру, умеренно дробился на зерно и солому, тогда как самоходки, как мы видели, вечно стояли в загоне, и комбайнеры вручную освобождали приемную камеру, забитую горой хлебного колоса, не принятого барабаном.

Самоходный КСК тоже имел понижение скорости, но комбайнеры, наверно, не решались этим пользоваться, потому как низкая скорость их утомляла. На комбайнах этих самоходных был в основном молодой народ, почти мои ровесники, а молодой народ не любит топтания, черепашьего движения, да и всей хле-

боуборочной аналитики. Мы с нашим трактором и нашей пониженной скоростью успевали высыпать один-два бункера, а самоходки стояли, и комбайнеры боролись то с забитыми зерном и соломой шнеками, то с очистными решетками, не пропускавшими через себя зерно.

В общем, первую целинную хлебоуборку мы с матушкой провели, нас заметили и даже наградили. Комбайн наш уволокли, нам осталось лишь возвращаться домой, что мы и сделали. Школа убежала от меня почти на полтора месяца, но я не жалел и решил зиму позаниматься на комбайнерских курсах, чтобы освоить новый самоходный комбайн с названием как бы не КСК-4. Матушка не возражала, говорила, мол, ее техника точно отжила свой век, но она будет работать на ней, пока ей позволяют силы и начальство.

В целом, С-6 - хороший комбайн, практичный, выносливый, прослуживший советскому крестьянству с момента своего рождения как бы не все полета лет, потому как до "Сталинца" существовал "Коммунар", комбайн такого же типа, но слишком тяжелый и усложненный. "Сталинец" опережал его по многим параметрам, потому у него и такое длительное долгожительство. Недостаток его в том, что ему нужна дополнительная техника, способная комбайн волочить, то есть трактор и тракторист на нем, а это, конечно, дополнительные расходы. Самоходка же пользовалась одним человеком, не было у нее ни штурвального, ни копильщика, все делалось самим комбайнером.

На курсы я записался. Ничего нового эта самоходка мне не открыла: на экзаменах от меня все отлетало так, что преподаватели приветствовали и выдали мне корку с одними пятерками. Мне оставалось только в уборочную страду сесть на врученную мне самоходку и скашивать хлеб уже самостоятельно. Как это будет выглядеть на первых порах, я не представлял и боялся ответственности: на "Сталинце" у меня была матушка - комбайнер, ответственное лицо, а я - всего лишь помощник, с какого вообще ничего не спрашивается.

За световой день надо было скосить двенадцать гектаров хлебного поля, а там, если ты желаешь, можешь косить до темноты,

поскольку летом светло и в десять, и в одиннадцать вечера. Мы с матушкой смело и без напряжения давали по двенадцать гектаров, удивляли бригадиров и комбайнеров-самоходчиков, какие отчего-то едва укладывались в норму.

А вечером комбайн вообще работал, как часы: в двигателе вода не закипала, сам двигатель исправно тянул всю комбайновую упряжку, шнеки и очистки не забивались. Световой день заканчивался, а мы продолжали косить, что вынуждало бригадира присылать к нам на загонку повариху с ужином. Начиная косовицу в шесть утра, к вечерним одиннадцати мы делали две нормы, за что бригадир нас благодарил и выпускал даже боевой хлебоуборочный листок - стенгазету, какая вывешивалась на большой деревянной доске при входе в здание нашего полевого стана.

Время, упорство, настойчивость и наша с матушкой не иначе как военная выправка давали нам наши повышенные гектары, а это - повышенные центнеры живого убранного хлеба. Об этом знал весь полевой стан и сам совхоз, а от них дошло и до местных журналистов. Ну, а журналисты свое дело знали туго, так что нам с матушкой в районной печати светиться приходилось не раз.

Во вторую целинную хлебную страду, теперь уже 55-го года, я как заправский комбайнер сел на свой комбайн. Черт возьми, кресло мягкое, сиденье и спинка, как у шофера, перед тобой такой же руль - баранка, только вертикальная и большая; внизу разные рычаги и педали, назначение каких, конечно, я знал. Хлебоуборку я начал, как мне и предписали, в том же совхозе "Красносельский", тогда как матушкину технику угнали в какой-то совхоз "Журавлевский". Ну, техникой в районе распоряжалась непосредственно МТС, а новые целинные совхозы жили сами по себе, сами по себе получали и эксплуатировали технику, сами по себе поднимали целинный пласт, с каждым годом увеличивая его гектары. Соседние совхозы так даже соревновались в этом, чем целина жила и гордилась.

Было это и в других областях республики, что вообще заставляло казахстанскую целину греметь как бы не по всему миру. А Москва так это видела воочию и награждала целинников Казах-

стана орденами и медалями, присваивала звания Героя Социалистического Труда, с вручением Ордена Ленина и Золотой Звезды Героя.

На Героя мы с матушкой не вытянули, но в других совхозах были асы хлебоуборочного потока, какие давали стране по-настоящему большой хлеб. Страна, конечно, видела своих героев, видела их затем и Москва - говорят, награждала даже новенькими машинами-легковушками "Победа". Кто-то отличился и в "Красносельском". Конечно, не отказался бы от "Победы" и я, но меня посадили лишь на велосипед. Ну, по делам и честь, так что на Москву я не пенял...

Вторую целинную страду я добил вместе со всеми, особо ничем не выделялся, косил зерно, как и все. Как и у всех, мой комбайн забивался и простаивал, я его подшаманивал и снова выезжал на полосу. До глубокого вечера не затягивал, а заканчивал работу со всеми одновременно. Такой порядок и регламент считались нормой, из рамок какой я не выходил ни в начале уборочной страды, ни в конце. Мы просто убирали хлеб, и убирали его добросовестно.

Обо мне никто не писал и никто меня на этот раз не афишировал; не писали и о матушке с ее повышенными уборочными гектарами. Целина вошла в свою колею и шла теперь размеренно, без всяких прыжков ввысь и вширь. Хлеб сеялся и убирался, обрабатывался на токах и отправлялся на элеваторы. Увозили хлеб старые солдатские "студебеккеры", наши московские бортовики да вся в целом солдатская машинная и автобазовская техника. На переброску хлебного моря Москва присылала целые воинские части, какие и увозили на элеваторы большой целинный урожай. Москва свое дело знала туго, потому целина не страдала из-за отсутствия или нехватки техники.

После хлебоуборки я вместе со всеми поставил свой комбайн на тракторный двор, написал заявление на расчет и вернулся в свой Караегин. Навестил, конечно, в первую очередь Михаила, какой десятилетку добил, любовался аттестатом и ждал сватов из военкомата, какие обещали выдернуть его аж на флот, когда он

добьет школу. Учебу Михаил добил, но военкомат отчего-то не телился - то ли ждал, что его призывник пойдет учиться дальше, то ли у военкомата были свои призывные сроки. А Михаил скучал дома, никуда не ходил, потому как, по сути, ему не с кем было общаться.

Пойти, конечно, было куда: молодежные вечера и танцульки собирали публику. Но меня это тоже не привлекало. Я приобрел баян и просто засиживался за его кнопками. За год многому научился и мог бы сам лично на молодежных танцах отчебучивать танцевальные и плясовые вещи, внося разнообразие. Но выходить с баяном на площадку не решался, тем более, что никто в поселке не знал моего шаривания на баяне и что таковой у меня есть - кроме, конечно, Олега и Михаила. Они же, бывало, и слушали меня и пророчили из меня классного баяниста, на что я им говорил, что из меня баянист, что из Николая Курочкина первоцелинный комбайнер: сыграть роль он сможет, а стать настоящим хлеборобом-комбайнером не в его стиле.

Свое дело надо знать, как знает свои роли Крючков. Я баян люблю, но, кроме любви, надо и тягу к нему иметь. Имею я и тягу, и пальцовка у меня отменная, но надо еще и в музыке что-то волочь. Так что, друзья мои, играть я играю, но не так, как те, каких транслируют по радио и записывают на пластинки. Они ведь асы своего дела, а я лишь любитель. Любителю до аса, что до Лондона пешком, это же истина...

ГЛАВА 5

По приезде в Караегин я прежде всего навестил Михаила.

- Ну как, Азамат-Турхан-Мехмет-оглы, живем-можем? Вижу, что цвет лица ты не потерял, хорошо смотришься, статен и красив, только удивляюсь, почему ни одна девка не может затащить тебя на себя. Или они просто дуры, или ты дурак набитый, коль у тебя до сих пор нет с ними связи. Мне простительно: у меня - ни кожи, ни рожи, а у тебя - все что нужно для мужика. Зачем упускать время, когда тебе уже один и девять? В это время мужик должен, как петух в курятнике, владеть всей ситуацией и курами, после чего некоторые даже становятся несущками.

- Ну, ты даешь, Тугамбай-Темиргали-Султан-Бекеш-заде, топтать, как петух, я еще не научился, да и ты тоже, так что нам простительно. Дурное дело нехитрое, а потому оно от нас не уйдет. Женимся девственниками, отчего и нарожаем кучу детей. Нас у отца трое, а я так хотел бы целую шестерку, чтобы жена моя была мать-героиня и ей дали медаль. У нас в стране это заведено, так что не будем и мы отставать.

- Да, дети наше будущее. Нас, довоенных, сейчас вовсе немало, а вот послевоенных раз-два и обчелся, и неизвестно, с кем Хрущев собирается строить коммунизм. Нашим отцам сейчас по полтиннику, они уж точно не великие строители коммунизма, а следующее поколение будет состоять из одних стариков, с каких и спросу-то мало. Так что нам до коммунизма, и впрямь, как ты говоришь, как до Лондона пешком.

- Ладно, Дарибай-Корпеш-оглы, все это ерунда. Об Олеге я узнал, что он двинул в железнодорожный институт. Целина будет кормить страну, а “железка” возить и этот хлеб, и горячее для добывания этого хлеба. Привезет нам одежду, лес и кирпич, доставит машины и технику, а главное, нас самих до-

ставит хоть в Москву, хоть за Москву. Увезет на Черное, Каспийское или Балтийское море, а то и на Север, к самому Баренцеву морю, до самого Владивостока. География у железной дороги очень далекая и богатая, потому ей и уделяется внимание. А наличие погонов означает, что она стратегического назначения. Погоны белые, правда, но так же со звездами и званиями.

- Тут ты, Амантай-Сагентай-Курманбай, прав. У железной дороги есть свое министерство и свои войска, так что Олег не зря выбрал ее. Кем он будет, какое ему дадут звание и как он вообще потянет весь железнодорожный процесс - для нас с тобой загадка, но, главное, что наш друг уже в хорошем вузе, а там посмотрим, куда вывезет его кривая.

- Я тоже хотел бы в какой-то вуз воткнуться, скажем, в строительный или политехнический, но меня держит армия. Плунуть бы на нее, так она ведь может снять меня прямо со студенческой скамьи, говорят, такое делается. Вот я, ишак бухарский, и жду у моря погоды, даже к отцу не еду в его новую светлицу, в какую он вселился и поживает с матушкой.

- А тебе здесь кто чай-каши готовит?

- Так у меня же здесь бабушка моя, шустрая, как электровеник. Говорит мне: делай что хочешь, иди куда хочешь, приводи кого желаешь, женщин - тоже, хочешь выпить - выпей, и мне нальешь стопарь, я не откажусь. Словом, дом на ее плечах. Конечно, помогаю, скажем, уголек привезти, дров напилить, в зиму снег от сарая откинуть, где все это хозяйство лежит. Печь бабушка сама растапливает, по субботам сама и баню топит, говорит, что банька продлевает жизнь. Не знаю, как она там продлевает, но чувствуешь себя после парилки с березовым веничком, не иначе как вынутым из живой воды. После баньки бабушка практикует ударить собственной бражки, какую она мастер мастрячить, наливает и мне, после чего мне вообще жить и любить хочется. Такова вот моя жизнь на сегодня.

- А что, неплохая жизнь. У меня, конечно, много прозаичнее, потому как я ударился в целину и в технику. С хлебом вообще интересно все, а главное, мне интересны люди целины. Они-то при-

ехали со всего нашего большого Союза республик свободных, а это же разный народ, какой Казахстан знал лишь по географии да по литературе, а в глаза отродясь не видел. Не видел его степных широт и седых ковылей, не видел столько лошадей и верблюдов, не видел и тысячных отар овец и баранов. Все это было для них дивом. А как люди умеют на целине трудиться!.. Я лично настроен и на третью целинную весну. Что она мне даст, не знаю, только башли я заколачиваю неплохие, пусть не ежемесячно, а только в уборочную страда, после какой я возвращаюсь домой, как и матушка. Она приписана к МТС, в какой трудится уже как бы не все восемь лет, с тех пор, как мы переехали со своего аула Кенбидаик. А так от рождения и всю войну я с матушкой, сестрой и братом прожил в этом самом Кенбидаике, вокруг теперь образовывались целинные совхозы. Я всех их названий даже не помню - столько их много родилось. А это значит, что мы будем богатеть из года в год и из пятилетки в пятилетку.

- Да мы и теперь, слава Богу, доходную не тянем, все у нас есть, можем даже и пошиковать. Только скажи, как нам пристроить себя? В наши годы парни уже по третьему курсу института тянут, а мы с тобою в Караегине прохладжаемся, воем на луну. Надо как-то смелее распоряжаться своею жизнью. Завтра вот рвану в военкомат и узнаю, чего они обо мне думают. Нужен я армии или не нужен? Я порядочный гражданин с аттестатом зрелости, со здоровьем и желанием служить, только военкомат почему-то, как собака, поднимает на меня ногу. Считаю, что тут кто-то не дорабатывает.

Злости в моем друге на этот раз было через край, и я во всем его поддерживал. И правда, удивляла медлительность военкомата, какой о нем знал и даже предупреждал о планах на него после десятилетки. Но после выпускного уже и лето минуло, и уже осень катит по стране со своей золотой листвой, а военкомат никак не может определить судьбу нашего Мишани-Сегизбая. На этот раз военкомату мы пожелали ни дна, ни крышки и в злости на него выкурили чуть ли не полпачки "Беломора". Хотели поинтеллигентски разориться на "Казбек", но в магазине его не оказалось - с целиной все доброе и ценное стало исчезать. Говорили, что

целинники просто сорят деньгами, потому как страна на них денег не жалеет. Я лично больших денег в руках не держал, заработок был самым обычным, может, лишь с какой-то премией за мое усердие.

Осенью 55-го Михаил, наконец, загремел туда, куда он и мечтал. Через какое-то время прислал письмо, сообщая о начале матросской службы, о том, что принял присягу. Написал, что форма на нем смотрится аховски, он в ней, как настоящий нахимовец: "Фотографы щелкали, но фотографий пока нет, появятся - пришлю".

В общем, я остался без друзей, одним неизменным утешением был для меня баян. Шарил я на нем покладисто, что отмечала моя голосистая сестренка. Она налегала на лирическую классику Захарова и Исаковского, на песни Пономаренко и Радыгина. Я тоже их брал, и мы вместе с сестренкой отводили душу. У нее хорошо получалось, потому как Бог дал ей хороший голос. В семнадцать лет ее голос звенел, как звоночек, я даже советовал ей выдать премьеру на карагинской сцене. Сестра сказала, что подумает.

- Да и надо посоветоваться с директором местного клуба. Тетка она немолодая, но молодых привечает, притом ценит все музыкальные таланты поселка.

Баянистов в поселке нет, но есть хороший аккордеонист, который смело может меня заменить, если я не пройду репетиционную проверку. На том и договорились. В этом же 55-ом сестренка моя добила десятилетку и пока устроилась на работу в школьную библиотеку, а о дальнейших ее планах я не домогался, решив: у нее своя голова на плечах. Женщины - это же такой тонкий народ, какой от девочек до глубокой старушки, на мой взгляд, являются собой какое-то священство, достойное уважения и даже поклонения. Нам, мужикам, следовало бы это помнить и всегда поклоняться любой женщине, где бы она ни была, поклоняться только за то, что она женщина.

Ну как не поклониться, скажем, моей матушке? До войны родила троих детей, а в пятьдесят первом - сына, что ей велено было самой судьбой, потому как она десять лет жила без мужа, оставшись без него в цветущий свой тридцатник. Женщина в трид-

дать лет - это же роза, это благоухание и цвет. Похоронка уж точно сказала, что батька не вернется, потому матушке и нужно было хоть немножко думать о себе, а не все только о детях. Детей к пятидесят первому повзростали и даже с бритвой дружили, а дочка и вовсе расцвела, как маков цвет. Маленький братишка появился на радость всем, за ним было кому ухаживать - и нам с сестрой, и нашей любвеобильной бабушке. В пятьдесят шестом братишке нашему Анатолию исполнилась пятерка, мы рады были за него и за то, что он не умел болеть. Он умел только играть, что заставляло меня искать ему игрушки. Самолетики и танки из деревяшек и пластилина я делал сам, а серьезные магазинные вещи приходилось выискивать. Кое-что приносила соседская девочка, сестренкина ровесница, кое-что доставал я у своих дядек, потому как у них тоже были такие же малые дети, требующие игрушек и развлечений. Словом, над нашим меньшим, Толиком, мы тряслись и только одного хотели - чтоб он не болел. В детский садик бабушка отдавать запретила, это было как нельзя верно с ее стороны да с матушкиной, не настаивавшей на этом государственном детском учреждении, каким пользовалось почти все человечество.

Хлебоуборочную страду моей третьей целинной осени я снова провел на матушкином комбайне. Дело было для меня привычное, я хорошо работал, потому как повзрослел и научился держать хороший колосовой срез, за что бригадир не раз хвалил меня, говоря, что я не новичок на комбайне и на целине, потому как у меня хорошие результаты. Матушка и вовсе была довольна моей работой. Потому как всякую поломку я выполнял сам, не давая матушке ни молотка, ни заклепок, ни клепки брезентового полотна, ни смены звеньев ведущих цепей. Со всем этим я управлялся заправским комбайнером, хотя матушка умела это делать и без меня и делала все десять лет до меня. Тяга к железу у меня была - наверное, отцовы гены в меня вселились, почему я и решил идти в начале уже нового, пятьдесят седьмого года в степняцкое железнодорожное училище, о каком вычитал в областной газете "Степняцкая правда". Матушка не возражала и даже была рада тому, что буду пристроен. Учиться предстояло два

года и, главное, на полном государственном обеспечении - как у солдат.

Начало занятий почему-то против привычного сентября назначено было на первое марта, чем я и воспользовался. Матушка приготовила мне маленькую сумку, сшитую из старого полотенца, положила туда майки, трусы и рубашки, мыльницу, зубную щетку и зубной порошок. Я сказал, что нас наверняка будут одевать, как солдат, в свою, железнодорожную форму, будут кормить два года государственным харчем. Нам останется только учиться и осваивать новую профессию, изучать тепловоз и тепловозное хозяйство. Паровозы, вероятно, свое отжили, вот государство и выдало им на смену новый локомотив как тепловоз. Как он выглядит, я увидел в газетном объявлении об открытии в степнячком желдоручилище нового магистрального факультета "Тепловозное хозяйство". Училище готовило тепловозных слесарей и помощников машиниста нового локомотива. Я помчался в Степняк пока без выбора специальности.

Насчет паровозов - так станция Караегин имела только оборотное паровозное депо, а своих, приписных паровозов не имело. С десяти лет и по сей день я видел, как через Караегин пробегали ЭРки, СО, ФД и последнее время пошли ЕА и ЕМ, вроде бы американского производства. На маневрах по Караегину бегала "овечка"- маленький паровозик, таскавший за собою при маневрах целые вагонные сплотки. Сил у "овечки" было много, и кричала она именно как овечка, за что ее, видно, так и накликали. СО, говорили, что это - "Серго Орджоникидзе", ФД - так это "Феликс Дзержинский". Паровоз, водивший пассажирские поезда, имел всего лишь три ведущих колеса, но они чуть ли не в рост человека. Маневровая "овечка" имела свой индекс ОВ, а пассажирский паровоз - ИС, толковавшийся как "Иосиф Сталин". Сейчас при тепловозах паровозы наверняка уйдут на свалку, ну, туда им и дорога. Дело, однако, они свое сделали, за что им со временем наверняка начнут ставить памятники.

В железнодорожном училище меня приняли радушно, спросили, на каком факультете я желал бы учиться. Я сказал, что на слесарном, потому как три года был на целине и ремонтировал ком-

байны. Училищный товарищ похвалил меня и сказал, что вроде даже Ворошилов когда-то начинал свою биографию со слесарного верстака. Может, и мне в будущем грозит такое же возвышение, но для этого надо два года учиться и осваивать тепловоз и всю тепловую науку двигателей внутреннего сгорания.

После меня пришли еще человек восемь или десять, училищный представитель всех нас записал, выдал какие-то талончики, и мы скопом пошли в училищное общежитие, где нас сначала сводили в баню и выдали нам железнодорожное обмундирование. Выглядели мы совсем не бедно, красивыми солдатами, но в черном и с такими же широкими, но черными ремнями и большими бляхами с буквами "ЖУ". Ботинки нам тоже выдали классные. Наш мастер, сводивший нас в баню, сказал, что это рабочая форма, а парадную мы получим потом, когда освоимся, встанем на ноги и начнем грызть гранит науки.

Эту самую науку, учебник "Тепловоз и тепловозное хозяйство", нам раздали на первом же уроке, и мы углубились в его существо. Мастер, однако, посоветовал нам книги отложить и слушать его лекцию о тепловозном времени, рождении этого локомотива на наших отечественных заводах или даже только на одном. На нашу казахскую железную дорогу пока прислали тепловозы серии ТЭ-1 и ТЭ-2, но на подходе и мощные ТЭ-3 с мощным двигателем 2 Д100 в две тыщи лошадей. Тепловозы эти двухсекционные, и мощей у него - как у дурака.

Что важно в тепловозе - так это его сила, способная волоочь состав аж в пять тысяч тонн. Паровозам такие тяжести и не снились, а теперь время поменялось, страна растет и строится, грузы ей нужны повсюду, потому как война нанесла стране колоссальный урон. А раз страна строится, ей нужно все - и таежный лес, и кирпич, и карагандинский уголек, и нефть, и рыбные уловы наших рек и морей, конечно же, надо возить и железосодержащую руду, и готовый материал, как, скажем, медь Балхаша и Жезказгана. Работы для железной дороги хватает, почему ей и нужно прогрессивное тягло - тепловозы и электровозы, о каких мы тоже слышали и какие, кажется, где-то уже бегали по стране.

Наша слесарная группа сколотилась в двадцать пять велико-

возрастных гавриков и по указанию нашего постоянного мастера должна была выбрать старосту, как это водилось в простой школе. Кто, кого и что - никто толком не знал, потому как за неделю занятий едва познакомились. Что удивительно, было в нашей группе много приезжих с просторов большой России. Были здесь парни с Украины и Белоруссии, с Татарстана и аж с Дальнего Востока. Виной всему была целина, призывы партии о поднятии казахстанской целины. Ну, агитировать Кремль умел, как и все средства массовой информации великого СССР.

Ну вот, скажем, Павло Крашанов окончил десятилетку, услышал великие призывы и вместе с братаном Василием ринулся на целинные земли великого и необъятного Казахстана. Занесло его в Кустанайскую область, где в одном из совхозов прошел курсы и работал трактористом где-то в районе то ли Ковыльного, то ли какого-то Рудного. Работал, поднял первый пласт, потом второй и третий, и тут, как и мне, попала в руки "Степняцкая газета" с этим самым объявлением о приеме в железнодорожное училище. Открылся новый, локомотивный факультет.

Целина, конечно, хорошо кормила, одевала и веселила, но посвятить жизнь земле, пашне, хлебу не входило в его жизненные планы. У себя на родине, на Житомирщине, в родной Веселовке, что близ Коростеня, Павло навидался колхозных полей, от каких просто хотелось отдохнуть, переключиться на что-то новое, не связанное с землей. Колхоз, земля, по мнению Павла, где-то даже принижали мужика. Мужик должен быть на первом плане производства, на заводе, у мартена, на шахте, вести поезд, корабль, самолет, стоять солдатом на посту у границ своего Отечества. Так вот Павло и очутился в степняцком ЖУ.

Подобная картина случилась и с Николаем Дудичем. В белорусской деревне Тыневичи тоже пахал и упирался рогом и, кажется, другой судьбы себе не предвидел, только призывы партии падаться на далекую целину сорвали с места и его. Работал в каком-то совхозе близ Осакаровки и потом Вишневки, землю знал и понимал ее, только молодость брала свое и звала на особые подвиги. Целине он отдал два года, сдружился с ней, но не хотел, чтобы она окончательно стала его судьбой. Земля, хлеб, считал он, это

удел старших, бывалых людей, какие прошли войну, Японию и знали цену божественному хлебу. Им и надо поручать землю, хлеб и скотоводческое хозяйство, дающее стране масло, молоко и, конечно, деликатесное мясо. Без чего человек не продержится у мартена, в шахтном забое и у сверлильного станка.

А основу группы составила местная ребятня, какая после школы просто не знала, куда себя пристроить. Владимир Соломенцев в институт не поступил, Болат Баймуханов подался аж в КазГУ, но не дотянул до проходного балла, Виктору Лещинскому из Бабатая было все равно куда идти, лишь бы не болтаться дома, а Самалу Кенжетаеву из Дарьи посоветовал идти в училище отец, потому как всю жизнь оставался истинным железнодорожником. Кайыржан Боранбаев из Мурзы вообще готовился стать железнодорожником, кем были и остаются его родители. Железнодорожник, говорил он, звучит гордо, притом железнодорожник всегда имеет проездной железнодорожный билет, по какому можешь один раз в году ехать, куда тянутся пути МПС. А они пролегают и по великому сибирскому пути, и до Москвы, и за Москву, до Черного и Каспийского морей, до отрогов Кавказа и среднеазиатских широт с Ташкентом, Алма-Атой, Таджикистаном и Туркменистаном.

Федя Гелазиев так вообще приехал с Волги - с Татарстана. Работал в целинных совхозах Жана-Аркинского района, потом в Петровке и Ульяновке, что близ Караганды, работал хорошо, но скучал по большой воде, пусть не Волге, но какой-то сносной речушке. Решил перебраться в Степняк, какой стоит на большом Ишиме. Приехал сюда и здесь узнал о знаменитом ЖУ, куда сразу же и подался.

Словом, слесарная группа скомпоновалась, народ в целом был боевой и напористый, готовый на любые подвиги во имя себя и во имя жизни на земле. Оставалось лишь выбрать старосту, а там мастер наметит нашу дальнейшую жизнь, в которой рядом не будет ни батьки, ни матушки, а будет училище, его преподаватели и мастера, какие будут учить великому слесарному делу.

С молотком, зубилом, рашпилем я был знаком, они мне подчинялись безупречно, для других же наших учеников они явля-

лись новинкой. Я даже сам показывал, как их надо держать и что с ними делать. Задания по изготовлению деталей я выполнял оперативно и на "отлично", рашпилем и напильником деталь доводил до кондиции и блеска, чем радовал мастера производственного обучения. Конечно, не один был я таким талантливым, быстрым и вертлявым, многие управлялись похлеще меня и вообще по слесарному делу могли дать мне фору. Кто-то, может, умел делать это все с детства, а я приспособился лишь на комбайне матушки. Навык, конечно, великое дело. Слесарь - это навсегда, на всю жизнь, а потому надо просто полюбить слесарное дело.

На второй неделе занятий мастер нашей группы Федор Дмитриевич все-таки допек нас - выберем мы сами для себя старосту, или он сделает это в приказном порядке, не считаясь с нашим мнением, чего ему делать не хотелось бы. Шустрых, динамичных и экстравагантных пацанов в группе, как мне казалось, было у нас немало, но кто мог стать истинным лидером, какого бы слушались и, разумеется, подчинялись, я так лично решить затруднялся.

С Павлом Крашановым и Николаем Дудичем мы втроем сдружились больше всего. Не знаю почему, но у нас сразу при знакомстве нашлись какие-то точки соприкосновения. У Дудича батька тоже сложил голову в первый же год войны, потому как немцы ворвались к белорусским хатам сразу же после перехода Буга. Батька Николая дрался у Брестской крепости, где и раненый бросал во врага гранаты и посылал автоматный огонь. А дальше было еще ранение, соседний взрыв, беспамятство и отключение от жизни. Об этом потом рассказывали те, кто как-то выжил и кто все это видел.

У Павла батька воевал тоже с первых дней войны, потому как Житомирщина и Коростель тоже были оккупированы фашистами, и бить их приходилось чуть ли не с самого сорок четвертого года. Войну батька закончил на немецкой территории, откуда его демобилизовали по третьему ранению. Павел был трудолюбив, остроумен, упорен, по-хохлацки упрям, но поводырем быть ему не шло, верховодить ему не удавалось.

ГЛАВА 6

Больше всего на эту роль, как нам всем казалось, тянул Федор Гелазиев. С предложением от имени группы выступил степняцкий житель Владимир Соломенцев, за него все и проголосовали. Федор Дмитриевич выбором остался доволен, наверняка намереваясь и без нашего решения предложить именно эту кандидатуру. Федор смущался, краснел и даже отнекивался, говоря, что он по-русски толком говорить не может, потому как из своей Татарии никогда не выезжал.

Русский язык он знал лишь в объеме школьных занятий, а это мало чего давало, потому как в классе не было ни одного русского пацана или девчонки, такое у них было чисто татарское село. Оказавшись на целине, Федор удивлялся и просто завидовал лексическому богатству русского языка, слушая "перемать", чем целинники владели просто классически, особенно, когда перепадала лишняя стопка "Московской".

Словом, староста у нас уже был, нам оставалось только выполнять его советы и задания, поступавшие от мастера. Задания эти касались чистоты в комнатах, потому как училище уборщиц не держало. Второе - никак не падать не только в сорокоградусную, но и на простой портвейн. Трезвость в училище должна быть сто-процентная. У себя дома, когда будут каникулы, можете хоть упиться, а в училище - табу.

Вкус "родимой" в группе знали многие. Павло рассказывал об украинской самогонке, какая даст фору любой заводской водке. В ней всего лишь хлеб и сахар, а в заводской? Там только черта лысого не хватает, пьешь и кривишься, как от какой-то напасти, а самогонка идет за милую душу, выпьешь - душа нараспашку, и хочется всем сделать хорошо, а себя так даже отдать за любые услуги.

Не хуже, говорил Николай Дудич, самогончика и у нас, в Белоруссии. Там тоже есть классные мастера, гонят втихаря чуть ли не в каждом дворе, в магазинах “родимую” никто не берет, отчего продавцы жалуются в милицию. Человек общественный порядок не нарушает, дома и на работе он трезв, как стеклышко, так что и придаться не к чему.

Абсолютным трезвенником я себя тоже не считал, но пить, по сути, не умел. Меня от рюмки кривило да кособочило, отчего я “родимую” просто избегал. Если только в компании, то не отказывался и даже выступал организатором. Делали мы это лишь с Михаилом и Олегом, то время уже кануло в Лету. Михаил уже два года как драил корабельную палубу, а Олег кувыркался на третьем курсе своей “железки”. Хотелось бы встретиться с ним и пообщаться, все-таки в будущем мы оба станем железнодорожниками.

Как бы там ни было, а время брало свое. Пролетел март, прошмыгнул и талый апрель. К майским праздникам нас распустили домой, чем я и воспользовался, благо Караегин от Степняка всего лишь в двух часах поездом. Приезжий училищный народ, кому училище стало истинным домом, на праздники никуда не поехал, а остался в училищном общежитии. Как рассказывали ребята позже, их празднично кормили. На 1 Мая железнодорожная училищная братва, ФЗОшная и какого-то ремесленного училища прошла по площади Степняка и вызывала восхищение местного народа. Железнодорожники вообще восхищали своей изумительной черной форменкой с широкими поясами и блестящими бляхами.

А дома меня захомотала сестренка с просьбой выступить на Первомайском празднике в местном клубе. Баяниста Кузьму Карпенко караегинцы не знали, говорила моя сестра, так пусть хоть теперь узнают.

- Так чего петь-то будем, дорогой мой человек?

- Бери баян, и давай ударим мою любимую. Я напою, а ты схватишь напев. Получится - ударим на сцене, мне обещали.

Так и сделали. Сестра с каким-то платочком, подражая деревенской красавице, вышла на середину комнаты и запела искрометный напев:

Ой, гармошка, выручай,
Ой, какие сложности,
Полюбила невзначай,
Вышло по серьезности.

Мелодию я схватил тут же, стараясь придать ей различную альтацию и переборы. Сестре это понравилось, и она сказала, что у меня получается лучше, чем у ихнего штатного аккордеониста. Во-первых, у баяна не расплывчатый звук, у аккордеона же он как-то съедается басовой партией. Голосовая же партия почему-то у аккордеона дает сдвоенный звук, а у баяна звучит четко, отрывисто и со своей красотой. Недаром же Мордасова рвет только под баян, и равных ей, сказала сестра, я не нахожу, потому буду петь ее песни.

Марию Мордасову любил и я, даже что-то брал из ее пластинок. В целом у меня неплохо получалось копировать наигрыши ее баянистов, но сыграть так, как они, не может, наверное, никто. Похоже, конечно, выдать можно, а истинную баянную красоту мелодий, сопровождавших Мордасову, смогли бы сыграть разве только боги.

Меня заинтересовала текстовка песни, и я решил заменить их собственным стихом. Стихотворством я занимался и прежде, как бы не с восьмого класса. Было ими исписано семь ученических тетрадей, но никто не знал о моей пробе пера. Домашние думали, что я делаю уроки, а я корпел над какой-то мыслью, какая не давала мне покоя и ложилась произвольно в рифму. Позже сестра меня раскусила и просила хоть что-то показать из написанного, но так и не дождалась до сей поры.

Текстовку песни я записал, посидел вечерние часы, а наутро предложил сестре свою обработку песни, какую она собиралась петь на майском концерте. Первый куплет я оставил нетронутым, прочие же заменил своими и спросил у сестры, сможет ли она спеть песню вот с такой текстом:

Ой, гармошечка, поддай,
Как было по-старинке,
Всех веселых приглашай
К нам на вечеринку!
Разверни, гармонь, меха,
Улади нас песнею,

Приглашай в круг жениха
Да с красой-невестою.
Ах, гармошка, не скупись
Нотками веселыми,
Ну-ка, круг наш, расступись,
Дай нам пляски новые.
Выходи на общий круг,
Парочка влюбленная,
Вас поддержит общий друг -
Песня окрыленная!
Ах, играй, играй, гармонь,
Скуку мы забросим,
Всколыхнул ты нашу кровь,
О чем мы кнопки просим...

- Ну, брат, у тебя талант. Что ж, давай ударим твою текстовку, хотя мне и первая нравится. Как нас примет публика, не знаю, ты гармонист совсем новый, непривычный, она-то привыкла к своему, штатному, а ты как вроде приبلудный.

- Попробуем, чего мы теряем? Музыка хорошая, слова не хуже прежних, ну, а как ты поведешь песню, это уже от тебя зависит. Голос у тебя добрый, певческий, и ты можешь брать такие высокие ноты. Тебе бы, сестра, на певицу идти, в консерваторию, а ты в какую-то библиотеку затесалась. Аттестат зрелости имеешь, чего бы не попытать себя где-то повыше?

- Вот подзаработаю малость, а там, может, и ударюсь куда-нибудь. Девчонки советуют на заочку в железнодорожный техникум и сами уже туда лыжи наострили. Станция у нас железнодорожная, работа всегда найдется, а железнодорожники, вижу, совсем не бедно живут, работа их ценится, а потому и хорошо оплачивается.

- Смотри сама, душа Карпенчиха. Я вот тоже обрекаю себя на железнодорожную специальность, через два года я готовый слесарь, на целине слесарил на комбайне, а теперь вот буду слесарить на тепловозе. Хорошая новая машина, какая скоро заменит паровоз. Паровоз делал большое дело, за что заслуживает даже памятника, но мысль ученых работает, и они создали локомотив с двигателем внутреннего сгорания, а не на угле, мощной печи и коче-

гаре с лопатой. Время меняется, меняются люди и их мысли, так что будем принимать, что дает нам наше поколение.

- Ну, брат, у тебя и мысли-то философские. Почему бы и тебе, Абрам Корпекович, не податься после училища в какой-то гуманитарный вуз, где учат писать стихи? Есть же такие вузы на земном шаре?

- Могу и податься, но сначала надо добить училище, а потом ведь пошлют на целых четыре года отрабатывать в одну из железнодорожных организаций. Попробуй, не подчинись - будешь всю жизнь жалеть. Государство у нас не позволит себя обмануть. Учило тебя, пичкало умом-разумом - так и отработай, дорогой. Не знаю, как там, в Европе да на Западе с этим делом, а у нас в стране Советов вот такая жизненная технология.

- Наверно, это и правильно. Война-то только десять лет как закончилась, потому в стране дорог каждый работник, где бы он ни трудился. А кому трудиться и осваивать новые производственные горизонты? Да нам же, молодым, кому сегодня и двадцатника не стукнуло. Так что отработка на производстве своего профиля - дело оправданное, а дальше жизнь покажет. Нам всем надо страшно много работать, иначе мы не восстановим нашу разрушенную войной страну. До Казахстана война не достала, но он вместе со всеми ковал Победу. Теперь и нам надо строить то, что не достроили, поднимать промышленность и рожать много хлеба, что уже и делает казахстанская целина. А главное, Темиргали Какенулы, нам надо больше рожать детей. Мы довоенные, военных детей почти нет, а будущее строить кто-то должен. Это выпало на наши плечи, а наши дети так вообще будут жить в новом веке, в двухтысячном году, с них уже и будет спрашиваться, чем они живут и что делают для своей страны. Конечно, время будет другое, мы будем стариками-пенсионерами, а дети наши как раз и будут править страной, землей и небом.

- Все ты правильно говоришь, Макпал, но нам пока надо устраивать личную жизнь. Тебе - учиться и выйти замуж, мне - закончить учебу, работать, жениться и пытаться куда-то поступить. Тебе-то, сестра, проще, у тебя аттестат, а у меня-то десяти классов нет. Мне еще надлежит после училища ходить в ШРМ, производство к этому даже обязывает.

Публика Караегина приняла нас с сестренкой очень даже доброжелательно. Ведущий громогласно объявил: “Выступают брат и сестра Кузьма и Лидия Карпенко!” Я сделал красивый проигрыш, и в нужный момент сестра залихватски воскликнула свое: “Ой, гармошка, выручай, ой, какие сложности”... В частушке было столько души и темперамента! Начало я делал на одной октаве, затем при шустрой пальцовке перебежал на другую, более высокую, отчего песня наполнялась особой красотой и особым напевом.

Аплодировали нам очумело, выкрикивая “Бис! Bravo!”, требуя повтора. Ведущий объявил повтор песни, какую мы исполнили как бы не лучше и азартнее первого раза.

После концерта нас поздравляли, а учительница литературы пожала мне руку и сказала:

- Так ты еще и музыкальный талант, Кузьма? Не ожидала, не знала и от души поздравляю. Ну, а как со школой?

- Учусь в железнодорожном училище, а уж после буду посещать ШРМ. Говорят, сейчас это модно, куда ходят даже участники войны, чтобы наверстать, что отняла война. В “вечерке” получают образование да еще поступят на заочку в институт. Такое же есть и у нас в Караегине, куда вечерами ходите на уроки и вы.

- Это так, дорогой Кузьма. В целом я рада успехам моих учеников. Михаил Буримов служит во флоте, Олег Сенчугов учится на третьем курсе железнодорожного института. Будет он железнодорожником, а народ этот всегда на передовых позициях. Вот светит и тебе быть в рядах работников железнодорожного транспорта, хотя я хотела бы видеть тебя в рядах учителей литературы, а то и журналистов, потому как ты умеешь владеть словом.

- Так у нас в классе владели им и Валя Гаврилина, и Любовь Мамонова, и Владимир Савинцев, и Николай Райков, и даже Вася Сердюков. Где они сейчас, куда подались - не знаю, и посвятит ли из них кто-то себя литературе и великому русскому слову - не представляю. Конечно, можно быть хоть дворником, но писать стихи, если душа того просит. История знает таких людей.

- Но ты, Кузьма, еще и баянист и притом можешь заткнуть за пояс даже нашего штатного Ермолая с его аккордеоном. Я ведь тоже падкая на хорошую музыку с лирической доминантой, какая

больше исходит от народных хоров, а то и вовсе деревенских певческих коллективов. Сейчас таких много. Они живут, работают и радуют народ. Не желаешь податься в музыкальное училище, какое есть в нашем Степногорске?

- Да какой из меня баянист? Я любитель баяна, а стать штатным баянистом, да еще выступать с больших сцен - не мое это дело. Я уж лучше по вашему совету ударюсь в слово, а баян просто будет меня согревать в дни свиданий и разлуки.

- Да, умный ты человек, Кузьма Карпенко, и просто будет жаль, если ты не посвятишь себя слову. Ты вот три года на целине работал, неужели у тебя не возникло желания что-то черкнуть о целине художественное, как это получалось у тебя в классных сочинениях? Ведь на целине столько нового народа. Столько приезжего контингента, а это характеры и судьбы, какие надо только увидеть с писательской позиции и запечатлеть все это на бумаге. Павка Корчагин откуда родился? Ведь его не было на земном шаре, а были его прототипы, какие Островский и усек и пустил гулять по литературе. Разве ты не можешь сделать подобное? Я же чувствую, что можешь, потому как у тебя умные глаза.

- Ой-ой, ну спасибо за ваши такие хорошие слова. Лично я о подобном не задумывался. Но народу я насмотрелся за три года разного. Я видел истинных героев, какие отдавали себя целиком своему делу. Думаю, что целина достойна наших казахстанских Шолоховых с большим размахом, а не с пробоем пера вроде меня.

- Шолохов, правда, поднял большую целину, но у нас-то целина особенная, советская, но послевоенная, у какой свои планы и свои задачи, отличные от шолоховской. Нашим инженерам человеческих душ надо бы это видеть и, конечно, отобразить с особой силой в нашей коммунистической интерпретации. Я думаю, Кузьма, что у тебя хватит духа понять и показать целину, какая она есть на деле, потому как ты сам ее прошел. Я вот всегда болела за моих пятерочников, какие умеют мыслить аналитически. Среди них был и ты, и ты даже опережал их. У них было много зубрежки и заучивания, а в твоих сочинениях сквозила живая аналитика, какая заставляла задуматься над затрагиваемым вопросом. Так что я советую, Кузьма Карпенко, написать вам книгу о целине. Это может

выйти живая книга очерков, с подлинными фамилиями живых людей, с какими надо встречаться, знать и видеть их работу, о чем затем и рассказать людям. Пока идет целина, надо побывать на ней еще несколько раз, выбрав время после учебы.

Да, удивительную задачу преподнесла мне моя учительница Макпал Жунусовна. От целины я уже отошел и готовил себя к новой профессии. В пятьдесят седьмом мне уже стукнул двадцатник, что толкало определяться с выбором судьбы. Каково ее начало? Пока - училищный порог, с какого надо прошагать до марта пятьдесят девятого, потом экзамены, распределение по железнодорожным организациям, а точнее, локомотивным организациям страны - депо, имеющим приписной парк тепловозов.

Майские праздники закончились, и я возвратился в училище. Съезжался приبلудный народ вроде меня, кому в радость побывать дома с батюшкой-матушкой, сестрами-братьями, а еще больше

- с друзьями, кто еще остался и с кем проводил детство. Я так провел время с семьей, а друзья мои с Караегина поразъехались. Кто-то сидел на чемоданах, из дома почему-то не высовываясь, то ли выжидали время, то ли корпели над учебниками для поступления в вуз или техникум. Были это в основном девчонки, и я им, бедолажкам, не завидовал. Мужик все равно пробьет себе дорогу, а девчонкам, бедненьким, сложнее самостоятельно начинать жизнь где-то в степи глухой или в городских кварталах без папы и мамы.

О девчоночьей судьбе я задумывался не раз. Вот сестренке моей стукнуло уже восемнадцать, а она по жизни еще не определена. Школьный библиотекарь - работа, достойная больше старушек, а не деятельной красавицы с голосом Мордасовой. Спрашивал у сестры, пойдет ли она учиться на певичку, она ответила, что и не полагает, потому как у нас певческого народу хоть в торбу трамбуй. Такие же девчонки голосистые, да и парни могут тянуть даже за самого Шаляпина. Мечта сестры пока поработать, а там жизнь покажет.

ГЛАВА 7

Баян свой на этот раз я увез с собой в училище. Размещался он в футляре, места много не занимал, а под кроватью и вовсе не бросался в глаза. Весть о баяне, однако, разлетелась, и ко мне стали наведываться любители гармонии. Таких пока отыскалось двое, это были Виктор Верба из Таинчи и Виктор Тривайлов из Павлодара. Баян я им давал, они шарили на нем даже похлеще меня. Особенно заправски владел инструментом Виктор Верба, какого я даже просил научить меня некоторым его вещам. Друзья сказали, что баяны у них остались дома, и после летних каникул они их непременно привезут. "Вот мы тогда в три баяна наведем шороху!" - обещал Тривайлов. - Уж такие будем устраивать в своем клубе ганцы, что будут приходить девчонки со всего города!"

Как все это будет выглядеть, я не представлял, но три баяна, и правда, могут навести шороху. Нынешние вечера отдыха в училищном клубе проходили скучно, музыка крутилась не увлекательная, допотопная, времен первых пятилеток. Девчонки из города к нам приходили, но и они скучали. Ну, были вальсы, когда из кинобудки по микрофону раздавалось: "Дамский вальс", вынуждавший девушек приглашать кавалеров. И приглашали они, и парни кружили их, как могли, и происходили знакомства.

Приглашали на дамский вальс и меня. Танцевал, мог кружить девушку в обе стороны, чего многие из нашей братии не умели. Танцы заканчивались в десять вечера, потому как в одиннадцать у нас был отбой, нарушать какой никому не позволялось - вплоть до исключения из училища. Власти страны наверняка знали, что надо делать - учить уму-разуму подрастающую молодежь мужского пола, чтобы было кому доверить железную дорогу.

Вначале училище готовило железнодорожников - путейцев, паровозников всех профилей, и только с пятьдесят седьмого по-

явилась новая специальность "Тепловоз и тепловозное хозяйство", привлекавшая новизной и меня.

Другого я для себя не искал, потому как не знал, на что я способен. В школе писал добрые сочинения, какие даже отмечались учительницей, но на пятерки писали и другие, так что Макпал Жунусовна зря превозносила меня. Был я как все, а аналитика какая-то в моих сочинениях - это простая придумка Макпал Жунусовны. Учителя - мастера говорить. Те же Михаил с Олегом, Валя Гаврилина и Любовь Мамонова, Тамара Тюковина - они и сочинения отчебучивали на пятерки и на четверки. А я-то, караегинское привидение, чего мог выдать из себя полезного? Баянские мои страсти теперь и вовсе никого не смогут удивить, потому как появились в училище еще два баяниста. Да каких! Так что, Корпеш, отметь, что ты несусветная серость. Олег так дает жару уже на третьем курсе института. Мишка - моряк, заводила, а я всего лишь будущий тепловозный слесарь. Может, конечно, что-то у меня в будущем прорежется и со словом, но пока такого просвета не видно. Что стихотворение переделал, так это простой наскок, хотя давит рифма, хоть тресни. Не стал о том говорить Макпал Жунусовне, а то она и вовсе возгордилась бы своим учеником - есть у учителей такая мания.

Насчет дальнейшей своей жизни задумываться не стал, решив просто отдаться знамению времени. Говорили о том и мои новые друзья Павло Крашанов и Николай Дудич. О том, чтобы вернуться им на исконную родину, речи не велось. Возвращаться к колхозным полям и полянкам они вовсе не намерены, пусть этим занимаются их батеньки да матушки с прочим колхозным народом, а они побывали на целине, повидали ее, поели целинного хлеба, а дальше будут работать на государственных предприятиях, на той же железной дороге.

Что творится дома, в Белоруссии и на Украине, друзья рассказывали. Жить там стали даже зажиточно, отчего даже могут выслать в помощь какую-то денежку. Друзья мои запретили матерям делать это, потому как они на государственном обучении, у них все есть, и они даже прирабатывают при изготовлении таких инструментов, как зубила, долота, молотки.

Деньги домой я не отправлял, потому как мне они, как городскому-таки жителю, да еще в двадцать лет, были просто необходимы. Налегать на книгу о целине вовсе не собирался, но какими-то мыслями со своим дневником делился. Конечно, о дневнике белый свет не знал и, как я предполагал, никогда не узнает. Такие дневники вели, говорят, Пушкин и Лермонтов, но тоже прятали, да так, что их и теперь ищут потомки.

Летние каникулы пятьдесят седьмого я провел дома. Матушка грудилась в своей любимой МТС, а я подрядился в организацию ГОРЕМ-52, которая строила вторые железнодорожные пути Караегин-Атбасар. Выгружал платформы со щебенкой и песком, потом со всеми вместе укладывал железнодорожное полотно.

Кран поднимал рельсо-шпальную решетку и укладывал ее на ровную площадку железнодорожного полотна, мы хватали ключи и с помощью накладок соединяли одно звено со следующим, пока платформа с этими звеньями не пустела и мотовоз не подкатывал новую платформу с такой же рельсо-шпальной решеткой. Каждая такая решетка имела длину в двенадцать с половиной метров, отчего за рабочую смену мы укладывали их до полета штук. В другое время, вспоминали рабочие, они укладывали до километра пути за рабочую смену, а то и больше, когда летом солнце жгло и припекало, а к вечеру так вообще работалось, как на стахановском потоке. От этого всем набегали хорошие премии, к чему начали привыкать и потому работали упорно, не глядя на часы.

ГОРЕМовская работа за летние каникулы давала мне хорошую зарплату, какую я на этот раз использовал на покупку нового баяна. Ходил вместе с Вербой и Тривайловым, они мне выбрали "Кубань" с шестирядной басовой партией. Свой полубаян я увез домой и просто оставил на растерзание братишке Толику. А новый баян я берег. К нему не прикасался, поскольку оба Виктора привезли после каникул свою технику. Баяны у них были затрапезные, но звук извлекали красивый и душевный. В три баяна мы пробовали какие-то серьезные вещи, у нас неплохо получалось, что мы откатали однажды даже на наших училищных танцах. Публика удивлялась новизне, принимала ее восторженно, а мы так вообще прославились. Руководство училища нас хвалило и

поддерживало и даже вроде выписало нам какую-то премию. Премию мы, и правда, получили, потому как танцы наши хоть и были тридцатикопеечные, но они однако что-то да давали в училищную кассу.

Игра на трех баянах на училищных вечерах вошла в привычку, и руководство училища приветствовало такой молодежный пасьянс. Главное, у нас теперь на вечерах не было скуки, что молодежи и требовалось. Среди училищной братвы нашлись и затейники, какие организовывали всякие игры, загадки и отгадки, за какие приходилось платить танцем, а то и личным отплясыванием.

Что бы ни говорили, а баяны вселяли какую-то новую жизнь в каждого студента и в прихожий народ. Как я видел, у девчонок появились свои короли из наших, а у наших - свои чудотворные Золушки. Молодость требовала общения, ухаживания и своей окончательной точки - любви. Все это у наших начало появляться, отчего они светлели, молодели, красовались и преображались. Преображались и приходящие на вечера девчонки, и одна из них натолкнула меня сесть и записать такое:

Я красивая,я красивая,
Смоляных бровей
Не стесняюсь я,
Только в двадцать лет
Друга нет и нет,
Но большой любви
Не пугаюсь я.
Я с березкою посоветуюсь,
Где искать любовь ненаглядную,
Где звучит гармонь,
Согревая кровь,
И любовь зовет окаянную?
А березка мне не ответила,
С ветерком в ночи лишь шепталася
И густой листвою
Под седой луной
Что-то мне сказать

Все ж пыталася.
Ах, понять ее нету силушки,
Но листва ее гладит косоньку,
Значит, есть любовь,
Что волнует кровь,
Повидаться б с ней,
Пусть и плохонькой.
Я красивая,я красивая,
Но любовью я не повенчана,
Научите жить
И любить, любить,
Дайте мне любовь,
Только вечную.

Написал, прочел - и правда, есть во мне какая-то аналитика. Я-то ее не усекал из-за своей тупости, а вот Макпал Жунусовна заметила. Конечно, белу свету показывать стих не буду, пусть он даже умрет вместе со мною. Даже Пушкин, Лермонтов и тот же великий Грибоедов свои шедевры не выставляли напоказ, и только потомки начали их находить и издавать. Может, нечто подобное случится и со мною, только пока о моем стихоплетстве белый свет не должен знать.

А что такое белый свет? Да это же мои друзья по школе, по Караегину и теперь по училищу. Другого белого света я не представляю, хотя существуют газеты и журналы, какие печатают знаменитостей своей страны. Мне что-то подать в газету, скажем, в "Степняцкую правду"? Так ведь засмеют: "Тоже нашелся Есенин!" Ведь точно скажут... Пушкин, Лермонтов, Есенин вон какую прошли учебную и жизненную школу, а я -лишь караегинскую девятилетку и вот первые азы жеушки. Это самое ЖУ только по технике натаскивает, а о литературном слове оно понятия не имеет. А мне бы хотелось где-нибудь по литературе подковаться, так ведь нигде. Читал, что были какие-то литературные кружки при Пушкине и Лермонтове, что-то такое якобы посещал и наш советский Есенин. Что это за объединения и существуют ли они нынче, не знаю и не представляю, а спросить не у кого. Спросить у своего ФД, так он всего лишь наш мастер

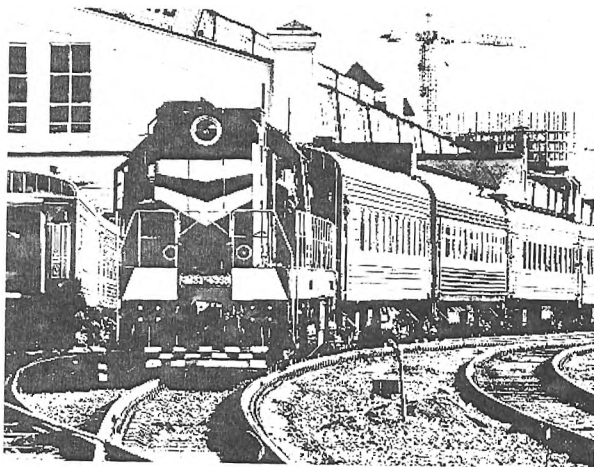
и вряд ли ему такие тонкости знакомы. Это надо пошариться по редакциям газет да журналов, о каких я только слышал. Слышал, что в Алма-Ате существует какой-то журнал "Простор", но воочию я его никогда не обзирал. А это все как раз и говорит о моей тупости. Чтобы читать и видеть отечественную периодику, надо всего лишь подписаться на нее в почтовых отделениях. В школьной библиотеке я почитывал газету пионеров и комсомольцев, там же натыкался и на "Степняцкую правду", где и вычитывал нечто о караегинцах, мне знакомых. Как-то раз прочел я о своей матушке. Государство, как писала газета "Целинный каравай", наградило мою матушку, комбайнера Анну Карпенко, орденом "Знак Почета", а ее помощника, сына Кузьму Карпенко, ценным подарком - велосипедом.

Ну вот, прославился и я, только в училище о том вряд ли кто знал, разве только руководство. Но время шло, наступил уже пятьдесят восьмой год, а мне ни один мастер не сказал, что я стою внимания, потому как три года отдал целине и даже прославился на ней. Не сказали мне о том и в выпускном пятьдесят девятом. Потому как пролетела целая пятилетка, а в целом, я думаю, такой нюанс с их учеником в прошлом прошмыгнул мимо их ушей и глаз в то давнее время, а теперь и подавно о том никто не помнил.

Выпускные экзамены сдал я с четверками и тройками. Важно было не это, а то, что в твердом аттестате было написано, что я являюсь слесарем механической части тепловоза. Механической, что опять же говорило о моей тупости, потому что не допустили до электрической части, какой тепловоз был сложно напичкан. Ну, во-первых, тепловоз имел свой мощный генератор, какой вырабатывал ток. А тот затем каким-то образом, как писал учебник, выпрямлялся, преобразовывался и поступал вниз, к тяговым двигателям, укрепленным на тепловозных тележках. Тяговых двигателей на одной секции было шесть, а во всей тепловозной сплотке - двенадцать. Так вот ток от генератора поступал на тяговые двигатели, вращал их якоря, а те через шестеренчатую передачу вращали колесные пары локомотива, и тепловоз двигался со скоростью восемьдесят и даже девяносто километров в час, волоча за собой поездной состав в четыре, а то и все пять тысяч тонн. Каково, друзья мои?

После выпускных экзаменов в училище приехали представители локомотивных депо, куда нам и надлежало податься на все четыре года. Из всей нашей группы пятнадцать человек увез с собой начальник отдела кадров депо Алаколь Смагулов Досан Кашкенович, а вторую группу в десять человек забрал такой же начальник отдела кадров, но депо Кызылорда. Мы тепло попрощались - все-таки за два года мы крепко сдружились, став единой дружной семьей. Староста наш, оба Виктора-баяниста, Павло Крашанов и Никола Дудич уехали вместе со мной в Алаколь, а это еще больше скрепляло нашу дружбу.

Викторы, как и я, свои баяны забрали с собой. На них мы под конец учебы вообще выдавали чуть ли не Чайковского с Рахманиновым, что нас возвышало из всей пацанвы училища.

ЧАСТЬ II

ОПЯТЬ ПО ШПАЛАМ, ОПЯТЬ ПО ШПАЛАМ...

ГЛАВА 1

По приезде в Алаколь наш уважаемый Досан Кашкенович прямо с вокзала повел нас по весенним топким и грязным улицам Алаколя в двухэтажное деповское общежитие, какое здесь именовалось как ОХРА - общежитие холостых рабочих Алаколя. Ну, ОХРА, пусть будет ОХРА, только бы нам было где жить. Работа у нас будет, не зря сюда привезли, а вот с жильем не всегда и не везде все ладится.

Разместили нас в комнаты по четыре человека, всех почему-то на втором этаже. Мне, Николе Дудичу и Павлу досталась угловая трехместная келья, какой мы остались крайне довольны. Во-первых, угловая, никто здесь не ходил, создавая шум и топот, а во-вторых, у нас был балкон - хорошее и безобидное место для летнего обозрения улицы и окружающей среды. В зиму, говорили, балконы запечатывались. На этот раз балкон наш уже растеплили, и мы могли выйти на него и с высоты обозреть наш новый мир.

Павло заметил, что комната наша "люкс", и нам лишь остается заботиться, чтоб у нас всегда была в ней шамовка. Вот и теперь страшно подсосало, потому как после прощального обеда в Степняке прошло уже столько времени!.. Павло не стал рассиживаться и пошел на разведку в другие комнаты. Народ обустроился и тоже мечтал о "питательном процессе". Тут староста дал команду "свистать всех наверх" и хором идти в местную железнодорожную столовую. Деньги на первый случай училище нам выдало, так что поддерживать силы есть на что, а после будем зарабатывать собственные гроши.

Вся группа собралась без раскачки, и Федор повел нас в питательное заведение. И вскоре мы уже сидели за двумя сдвинутыми столами, что удивило столовскую управу. Федор у буфетчицы заказал на всех по первому, второму и третьему, какое именовалось как кисель. Бог с ним, и еще Федор предложил взять по случаю нашего новоселья "пузыря" три водчонки, потому как в училище мы этого

не позволяли из-за боязни исключения из училища. Все согласились с криком: "Ура!" Молодец староста! И послали кого-то за этой "родимой". Пятнадцать стаканов принесла нам официантка, строго предупредив, чтобы мы не уволокли ни одного стакана. Конечно, посмеялись, а Федор, разлив все три бутылки, сказал:

- Друзья мои, два года мы так же жили в общежитии, так же сидели за одним столом, но "родимой" себе не позволяли по понятным причинам. Сейчас, думаю, мы позволим себе расслабиться, потому как мы теперь люди самостоятельные, рабочие, и должен каждый за себя отвечать. В училище я каким-то образом вами верховодил, а теперь я старшинство с себя слагаю и становлюсь обычным членом нашей группы. Давайте примем это как должное, и все свои вопросы решайте каждый по-своему. В комнатах устраивайте свои порядки. Наводите чистоту, а если с полочки захотите ударить по сто-двести, делайте как хотите, по очереди или в складчину. Сейчас давайте поднимем наши бокалы за нас, за нашу группу и за тех наших, кто сейчас в Кызылорде. Им, может, повезло более нашего, поскольку они в областном городе жить будут и работать, а мы - всего лишь на маленькой станции в пять тысяч жителей. Но здесь все друг друга знают и, наверно, как-то помогают друг другу.

Ну, бокалы мы опрокинули и принялись за питание, по какому мы, и правда, соскучились. Глядя на жующую группу, Федор поднял пустой стакан:

- Друзья мои, три "пузыря" дали каждому из нас всего лишь по классических сто грамм. Что такое сто грамм для взрослого мужика? Правильно - слезы! У нас остались еще нетронутыми котлеты, хороший гарнир из картошечки, пока Павло вернется из командировки в магазин, мы еще возьмем по салатику. Какое будет ваше мнение насчет того, чтобы сброситься еще на три "пузыря"? В итоге получится, что мы ударим по двести, притом с расстановкой, а это на нас нисколько не скажется. Сто грамм для мужика - плачевная доза, ну, а двести - это уже что-то.

Шевеление за столом началось активнейшее, оба Виктора даже захлопали в ладоши, а Павло так пожал бывшему старосте руку и помахал выполнять большое общественное поручение.

Обед продолжался более интенсивно и более слаженно. Офици-

антка спрашивала, не желаем ли мы еще чего-либо вкусенького. Хоть и март на дворе, а у них есть салат из огурцов и помидоров, приправленный сметаной. Они, наверно, тепличные, но город их поставляет интенсивно. Федор вновь обратился к нам:

- Нет, что ни говорите, друзья мои, а в хорошей дружеской компании приятно посидеть и что-то вспомнить. Вот, смотрите, какой классный еще закусон принесли. Что к нему надо? Правильно, давайте по последнему разу сложимся и попросим нашего снабженца Павла еще раз сбежать в магазин и доставить на наш стол пару "огнетушителей" портвейна. Как смотрите на это, дорогие мои москвичи?

- Смотрим положительно, - сказали оба Виктора в один голос, - может, после этого и баяны зазвучат громче.

Посмеялись. Павел возвратился быстро с двумя большими бутылками. Портвейн оказался девятнадцатиградусным, всем досталось меньше чем по полстакана.

- Да, - сказал Федор, - не умеем мы пить. Ну, чего здесь пить? Два "огнетушителя" - это же всего полтора литра на такую ораву, как наша. Я бы не простил себе такого. У нас в Татарии любят ударить так, чтоб сразу пуститься в пляс. А тут какая пляска? Только выдумки да сказка...

- А я ведь такое предвидел, дорогие жеушники, почему и прихватил еще и три "пузыря" "белой", чтоб на посошок всем досталось по сто грамм. Правильно я сделал?

- Нет, Павло, ты не жеушник, а гений, - сказал Федор и пожал Павлу руку.

В ОХРу пришли все довольные и умиротворенные, и почти все завалились спать. Приключений никто не искал, баянисты баяны не трогали, а я, Павло и Николай рассуждали, какая у нас отменная дружба, какая обязывает нас жить долго и счастливо. Насчет долго

- посмеялись, нам всего-то по двадцатнику стукнуло, только мне перевалило за двадцать два, что тоже, в общем, детский возраст, как считает моя матушка.

Как там она, бедненькая? Руководство МТС ее оценило и выделило финский домик для проживания близ МТС, в районной Астраханке. Матушка переселилась со всем семейством в райцентр. В Караегине нашу хавиру в три окна купил какой-то дядька, решив-

ший на ее месте поставить домину в восемь окон. В астраханской квартире я еще не бывал, но сестра в письмах не могла новой хавирой налюбоваться. И большая, и просторная, и светлая, и окна чуть ли не в рост человека. Такого счастья у них еще не было, так спасибо руководству МТС и местным газетам, заметившим на целине комбайнера-женщину, какая давала фору не одному мужику-комбайнеру. Я считал, что печать не зря матушку прославила. Промелькнул в газете и я, но я был всего лишь шишкой на ровном месте. Матушка же считала, что я герой, если не теперь, то в будущем обязательно им стану. "Таким же работающим был и твой батька, сынок, - говорила матушка, - вот от него и к тебе перешли его гены".

Насчет генов сказать ничего определенного я не мог, но что отец был трудяга из трудяг, в тракторном парке Кенбидайка знали все, почему на него и наложили бронь с началом войны. Сначала отец работал на колесном тракторе, а с началом войны его пересадили на гусеничный, какого люди и в глаза не видели. Пригнали их в тракторный парк прямо из Акмолы, отец сам же за ним и ездил. Носили тракторы название ЧТЗ, какое лично мне, пацану, ничего не говорило, а брат Иван так с ходу расшифровал эти выделенные буквы - Челябинский тракторный завод. Отец все лето отбарабанил на этом гусеничном и заметил, что трактор безумно сильный, его только нагружай да нагружай. Лемехов для вспашки можно цеплять сколько угодно, но у нас больше пяти не практикуется, за что тоже можно сказать рахмет. Гусеничный ЧТЗ, истинно, напоминал танк, какой в тракторном парке и принимали за таковой, потому как он обладал дурной силой.

В целом память меня подводила, и я ставил себе это в минус. Вот что я делал в Кенбидаике в первом классе, как звали учительницу и как звали моих друзей-одноклассников? Вот ни хрена и не помню, хотя прошло всего каких-то пятнадцать лет. Из всей двадцатишестичной классной братвы из памяти не уходят лишь Шурка и Витька Квасовы, Вовка Червяков и братья Горбатенко, один из каких носил такое же имя, как я, то есть был Кузьмой. Были еще Юрка Анищенко и Валя Кондратьева, Дулат Кенжебулатов и Серик Адамбаев. С ними я хорошо дружил, оттого, видно, они и сохранились в памяти.

А вот учительницу вспомнить не могу, образина стоеросовая, тогда как учителей обычно помнят всю жизнь. О чем это говорит? О природной моей тупости, неразвитости моего ума, какой не докатил даже до десятого класса. Ладно хоть, хватило его училище окончить, а так приравнялся бы к какому-нибудь колхознику, какой только и умеет быкам хвосты крутить.

Все-таки память для человека - это все. Это его прошлое, настоящее и будущее, это то, чем он жил, чем живет и как будет жить в будущем. Видя свою жизнь в таком объеме, не сложно и сопоставить, когда же было лучше. Когда отец был еще дома и не было никакой войны, у нас в семье были тишь и благодать. По комнате бегали трое ребятишек. Отец каждого сажал к себе на колени, гладил по головке и прижимался губами к нашим волосам, тогда как матушка хлопотала у плиты, гремя чугунами и сковородками. За обеденный стол садились и большие, и малые. Сестренку Лиду так кто-то из родителей сажал к себе на колени, потому как ей было перед войной только два года, мне - аж целых четыре, а брату Ивану - так все одиннадцать. Когда родители уходили на работу, за нами, конечно, ухаживал Иван, а когда отца в сорок втором забрали на фронт, летом за мной и сестренкой ухаживал тот же наш брат, а в зиму, когда была школа, нас отдавали в детский садик. Что в нем было, я вообще не помню, кроме как моментов, когда меня, как и других пацанов, сажали на одеяло, брали его за концы и начинали крутить на деревянном полу. Мне это нравилось, моим сверстникам тоже. Очередь на кручение менялась, пока нас не разгоняли воспитатели. Ну, в сорок втором мы были уже пятилетние, уже что-то соображали, а трехлетняя сестренка Лида была в группе для совсем маленькой малышни, и что она там делала и кувыркалась ли так, как мы, я не знал.

Не знаю, что осталось в памяти из детства у сестры и у Ивана, только у меня - ничего решительно. Отдельные фрагменты моей двадцатилетней жизни мало чего давали для памяти, так что обратиться к слову и написать книгу, как советовала Макпал Жунусовна, я вряд ли смогу когда-либо.

Из караегинской жизни так помнится многое. Мне стукнуло уже десять лет, когда нас с матушкой и сестренкой туда привезли. Кара-

егин так же утопал в грязи, как нынешний Алаколь. В Караегине я вынужден был по шпалам добираться до вокзала, а там через площадь располагалась и наша школа. Первый привокзальный путь всегда оставался свободным, так что я во многом выигрывал - по шпалам ходить было удобно, обувь чистая. Конечно, всегда оглядывался, чтобы не шел на меня поезд или маневровый паровоз.

Вот и теперь, в Алаколе, мы тоже пошли по шпалам на первый наш рабочий день. Маршрут предложил наш жеушный староста Федор Гелазиев. Соображение у Федора было житейское, отчего мы не хотели отказываться от его верховодства и здесь, в Алаколе. Чтоб кто-то думал за нас, нам нравилось, да мы просто за два года привыкли к этому. Конечно, теперь приходилось думать и своей головой, но так не хотелось делать этого. Вот когда кто-то подумает да скажет, что делать, - другое дело, так, наверно, человек устроен.

Шпалы привели нас прямо в депо, нам не пришлось пересекать ни грязные, в лужах площади, ни улицы, похожие на марсианские каналы.

Мы получили рабочую робу и ботинки, какие выглядели даже празднично. Для первого рабочего дня нашу группу собрали в деповском красном уголке, где давали наставления сам начальник депо Василий Семенович Ковик, мастера разных профилей и непосредственно старший мастер Михнюк Анатолий Андреевич. О чем говорили? Да о том, что депо Алаколь существует с 1937 года, до пятидесят седьмого бегали у них паровозы, но спасибо нашей передовой промышленности и нашим ученым, создавшим такой прогрессивный локомотив, как тепловоз. Ваша задача, как ремонтников, ладить эти тепловозы, потому как это техника, а техника тоже ломается. Исправный локомотив и груз повезет исправно. Раз вас учили два года, значит, вы знаете природу этого локомотива, а потому на вас и ложится обязанность делать локомотивы здоровыми. Чем они больше перевезут груза, больше проведут поездов, тем богаче будет наше депо, тем богаче будете и вы сами. Так что тут взаимность обоюдная, чего не надо забывать. Вы же молодые, можете это и забыть.

Профильные мастера говорили о работе своих цехов. У топливников работа сложная и ответственная, потому как от исправности форсунок и топливных насосов зависит и активная подача топлива

в цилиндр, где и происходит воспламенение горючего. Дальнейший процесс, друзья, вам известен. Так говорил мастер топливного цеха.

- Самая сложная и ответственная работа, друзья мои, у дизелистов, - начал свое выступление мастер дизельного цеха Толеген Закиров. - Поршни, цилиндры, вентиляторы, промежуточные валы с карданными головками, масляные и водяные секции, вентиляторы, воздухоподка, вертикальная передача - всего не перечислить, что на тепловозе есть. И за всем этим дизелистам приходится следить и выдавать их исправными. Я бы сказал, что дизелисты у нас - это боги. Чего никто отрицать не станет.

Взял слово и мастер электроцеха:

- Уж не знаю, где у нас и в каких цехах боги, а в нашем электроцехе их точно можно встретить. Тепловоз напичкан удивительно сложной электроникой, без нее он напоминает просто дымный паровоз, из трубы какого валит черный дым. Сколько в высоковольтной камере тепловоза разных катушек, контактов, контакторов, предохранителей да выпрямителей, преобразователей, какие собственный ток генератора из постоянного преобразуют в переменный и посылают его к тяговым двигателям, какие вращают колесные пары локомотива! Тяговые двигатели - тоже иерархия электриков, где также есть генератор, какой вращает вал и через шестеренчатые передачи - оси колесных пар. Так что, друзья, тепловоз - это же электровоз, но с собственным током, какой поступает не от тяговой подвески через электровозный токоприемник, а от собственной электростанции - собственного генератора. Вот такие дела у нас, друзья, с нашим электроцехом, так что кто хорошо подкован в электричестве, прошу в наш цех.

Конечно, мы знали о существовании в депо и так называемого автоматного цеха, ведающего всем тормозным оборудованием локомотива - любого, будь он тепловоз или электровоз. Оборудование это сплошь из цветного металла, кажется, в основном бронзового, требующего плотного прилегания деталей с разными отверстиями, что достигается тщательной притиркой при помощи особой технической пасты. Тормоз осуществляется исключительно воздухом крана 222 и 254, а воздух вырабатывается на тепловозе собственный и подается под давлением в собственный тормозной цилиндр.

- Тормозное оборудование на локомотиве, друзья мои, - начал свое выступление мастер автоматного цеха Токен Абильдин,

- это как бы не самое важное из всего, что есть на локомотиве. Тормоз - это, друзья мои, безопасность движения поездов. Скажем, на путях бродит скот, о чем слышали, а может, и сами видели, или путейцы заработались и забыли оградить предупредительным щитом свое место работы, или какой-то автотранспорт застрял на путевом переезде. Все вместе требует только одного

- остановки поезда. Не остановишь - так можно наделать столько бед себе, людям и государству и своей любимой железной дороге. Так что, друзья мои, автоматный цех - один из важнейших из всех названных, почему и приглашаю к себе самых отчаянных.

Как бы там ни было и какие бы суждения ни велись о пользе того или иного цеха, только я, Николай Дудич и Павло попали в дизельный цех. Баянисты наши напросились в электроцех, куда их и определили. Так вот и начался наш первый рабочий день в депо Алаколь, где нам предписывалось отработать четыре послеучилищных года. Нравится или не нравится тебе Алаколь, сбежать из него ты не сможешь, потому как обязан эти четыре года отработать. Обязанность же и настраивала человека на весь его рабочий и жизненный ритм.

Мы трое в своем дизельном поначалу присматривались к людям. А мастер так сказал нам:

- Друзья мои, у дизелистов вся работа в основном на локомотиве. За что ни возьмись, все находится на тепловозе. Сменить карданные головки, вентилятор, водяные рукава, масляные и водяные секции - все это на тепловозе, как разобрать ту же вертикальную передачу или сменить воздухоудувку, сменить изношенный подшипниковый вкладыш верхнего или нижнего коленчатого вала - все на тепловозе. В цехе так останется лишь вкладыш подшипника подшабрить или подклепать планки вентиляторного колеса. Ну, можно водяные и масляные рукава смазать каким-то солидольчиком, чтобы они легко насаживались на трубу. Все прочее - на локомотиве. Смена колец поршней, самих поршней

все это только на локомотиве, под присмотром ответственных

товарищей-дизелистов, так что, что бы ни говорили прочие, дизелист - это звучит гордо.

Своему мастеру мы верили и хотели бы видеть себя в первых рядах коммунистического производства. По словам Хрущева, мы все-таки строили коммунизм, и нам всем даже надлежало жить при нем, для чего надо только работать по-стахановски.

Ну, по-стахановски, думали мы, это уже вчерашний день, у нынешнего большие потребности, потому как время другое. Стаханов собирался лошадь купить в яблоках, потому и налегал на перевыполнение своего шахтерского задания. Перевыполнил - больше получил, а зарплата в тридцатых годах шла на хлеб насущный, а не на то, чтобы пошिकовать на собственном белом коне.

Мы трое договорились вперед не высовываться, делать свою работу исправно, помогать друг другу. Остальная наша братва в других цехах пусть хоть стелькой стелется перед начальством, а мы будем строги, как статуи, но дело свое будем делать, как того требует наш рабочий долг. В том будет цена и себе, и своей работе. Подобная взаимность непременно будет как-то и жизнь облагораживать.

На первых порах мы трое спросили у мастера, что нам делать и с чего начинать. А мастер просто сказал: ничего делать не надо, походите по цехам, познакомьтесь с людьми и присмотритесь, как устроились ваши товарищи. "Вся работа, друзья мои, - сказал мастер, - начинается, когда локомотив загоняют на канаву. Тогда и начинается весь производственный процесс всех цехов одновременно. А загоняют локомотив на канаву для производства профилактического ремонта. Ему, правда, и время дается как бы не раз в полмесяца, а все эти профилактические осмотры предполагают какую-то восьмерку часов, за какие локомотив надо крепко отшаманить, выгнать с деповской канавы, доложить мастеру, а он уже докладывает дежурному по депо, какой на готовый локомотив вызывает поездную бригаду. Бригада локомотив принимает, к чему-то придирается, к той же чистоте в дизельном помещении и в кабине машиниста, какую выполняют деповские обтирщицы".

Да, есть в депо и такая должность - обтирщица. Долг обтирщиков - после ремонта все выдраить. Мазутных следов на тепловозе остается после ремонта - черт ногу сломит, вот обтир-

щицы и наводят порядок, чтобы локомотивная бригада не придиралась. Наружная обтирка кузова локомотива также делалась обтирщицами, для чего существовал на колесах высокий помост. Только выдраенный локомотив внутри и снаружи уходил на станцию под поезд.

ГЛАВА 2

На большом периодическом ремонте работала специальная ремонтная бригада, которая считалась в депо элитной. Она работала по восемь часов и только в дневную смену, для нее существовали и выходные дни, как и для всего человечества. Нас же, пятнадцать душ, разбросали по всем цехам, и мы обязаны были делать текущий ремонт локомотивов в объеме КТО, профилактики и малого, работая по двенадцать часов в две смены, с двумя сутками отдыха после ночной смены.

Если выпадало твое дежурство на выходные дни, на любые советские праздники, исключений не делалось - отработай свою смену, выдай тепловоз с ремонта, а там уж, Ваня, гуляй. Если смена днем или ночью тепловоз не выдавала из-за непредвиденного большого объекта ремонта, работу доделывала другая смена и ожидала подкатки на канаву другого локомотива. Бывало, что за смену не ставили ни одной машины, поскольку все локомотивы были на работе с поездами на станции "Балхаш" и среднеазиатское направление, в нечетную - на джезказганское направление, карагандинское и далее вплоть до московского.

Куда шли поезда, нас, ремонтников, не интересовало, наша задача заключалась в том, чтобы выдать под поезд исправный локомотив, чем мы занимались уже весь март, апрель и май пятьдесят девятого. Мы трое, Павел, Николай и я, в своем дизельном цехе обжились по-домашнему и считали, что нам повезло. Кто знает, как бы мы выглядели, скажем, в топливном или автономном цехе,

а тут отчего-то все стало близким. Близкими стали и другие хлопцы дизельного, отчего работа у нас спорилась. Мастер потирал руки и шел докладывать о готовности локомотива дежурному по депо, какой знал, куда локомотив запланировать, под какой поезд и какую надо вызвать бригаду. Но это уже были не наши заботы. Мы просто ждали окончания смены, шли в душ, сбрасывали робу и после мытья облачались в свое чистое и легкое, иногда даже под галстук. Любили его носить Павел и оба Виктора-баяниста, мы же с Николаем расфуфыренность не обожали, но отмечали, что она, паразитка, все-таки нужна. Местные девчонки в оба глаза обзревали наших пижонов и даже пытались сами завязать знакомство. Делали они это просто - здоровались и говорили: "Откуда это таких красавцев занесло в Алаколь?" Наши, конечно, не терялись, отвечали, что они в Алаколе уже целую вечность, а красавицы только теперь их заметили, в это летнее утро. А дальше разговор затягивался до самой ОХРы, и девчонки говорили: "Так вы ОХРовский народ, с вами и вовсе надо иметь знакомство..."

Впрочем, такой случай случился лишь однажды, и я не помню, встречались ли наши пижоны в галстуках с теми девчонками после. Павло как-то посетовал: черт знает, куда подевались те красавицы, лето ведь красное наступило. А я подумал: раз лето, значит, девчонки подались в город поступать в какие-то учебки, а то и просто искать свою судьбу. Алаколь в этом плане ничего не мог дать решительно, он не мог дать девчонкам даже девчоночьей работы, потому как здесь была лишь железная дорога, а она давала работу в основном мужикам. Была бы конфетная или швейная фабрика, можно было бы там пристроиться, но Алаколь ничего этого не имел, в чем и обеды себя молодым женским полом. Конечно, и здесь женщины работали - кто в столовых, кто в пекарне, кто в таких организациях, как ОРС, станция, вагонный участок, то же самое депо, где нужны были бухгалтеры, счетчики, статисты в группы учета, операторы, расшифровщики скоростемерных лент. Были в Алаколе и не "железные" организации, какие также давали работу женщинам. Были это шестая и двадцать первая геологические экспедиции, мелиорация, ПМК, автобаза, участок Акчатауского ГОКа с его расширенной и объемной базой со складами, столовой,

баней, детским садом. Почта, школа, аэропорт существовали сами по себе, и там тоже работали больше женщины. Аэропорт - так это было большое ровное поле близ Алаколя, куда один раз в день прилетали маленькие самолетики, брали на борт около восьми человек и улетали в Каражал, Джезказган, рудник Джамбул, тот же Акчатау с его горно-обогатительным комбинатом. В аэропорту был начальник этого самого аэропорта и кассир, какая улетала в командировки, и ей требовалась замена. Самолетики же курсировали ежедневно в одно и то же время, народу всегда было много, а крылатая техника по своей конструкции могла взять на борт в лучшем случае до двенадцати человек.

Нам дороже всего была наша "железка", на ней мы ездили в нужные нам города, когда того требовали жизнь или случай.

Так что работы для девчонок в Алаколе в целом было - не разгонишься.

В один из свободных дней, когда мы ушли на сорок восемь, наши баянисты Виктор Верба и Виктор Тривайлов как-то сказали за круглым столом в нашей старой известной столовой:

- Друзья, дорогие жеушники, а не кажется ли вам, что мы скучно живем? Пролетело уже почти три месяца как мы работаем, ходим по улицам Алаколя, а для души не находим успокоения, какого-то развлечения или просто встряски. Ну, в кино мы ходим, на танцы когда-никогда пробиваемся, а то все больше по ОХРе отираемся. После ночной смены так мы весь день отсыпаемся и только вечером умудряемся ударить в кинуху, а то и вовсе отсиживаемся дома - кто с книжкой, кто за письмом, а кто просто травит анекдоты. Не так ли, сироты вы несчастные? Надо же как-то, Абдрахманы, сделать жизнь интересной.

- Но как, Сегизбаи вы Тулегеновичи? - сказал я. - Что у вас есть на уме и шо вы предлагаете?

А вот тебе, Темирбай Дауленович, с твоим баяном надо бы и подумать. А почему бы нам не записаться в художественную самодеятельность железнодорожного клуба? Такая здесь есть, и руководит ею Алексей Петрович Черепков. Прямо сегодня идем и узнаем насчет этой самой самодеятельности, покажем наши таланты. Самого Черепкова можем и не застать, поскольку он машинист и мо-

жет быть в поездке, а директора клуба застать на месте мы сможем, он нам и обрисует всю картину. Как смотришь на это дело, жеушник Сагентай-Береке-оглы?

- Смотрю я на это совершенно положительно, - сказал я смущенно, - только в эту самодеятельность попадем мы трое, а остальной народ наш что будет делать, чем заниматься?

- А просто будут болеть за нас, будут ходить на наши концерты и соблазнять посторонних, мол, давайте послушаем наших друзей, какие на баянах такие топчут хорошие вещи.

- Что ж, и в этом есть смысл.

Откладывать поход в клуб не стали, ринулись на семнадцатичасовой сеанс. В клубе мы как раз и поймали Алексея Петровича и нескольких человек по самодеятельности. От всей нашей баянной тройки выступил Виктор Верба, какой доложил, кто мы, где живем и где работаем и что мы трое шарим на баянах. Училищ музыкальных мы не заканчивали, но тяга к баянам есть, нельзя ли нам записаться в вашу самодеятельность?

- В художественную самодеятельность, друзья мои, - сказал Алексей Петрович, - вправе записаться любой человек, только была бы у него на то охота. Мы здесь тоже не Шаляпины и не Тихоновы да Маланины, а дело свое делаем, как умеем. Самодеятельность - это же значит выступать со стихами и интермедиями, вести какую-то юморину, петь сатирические куплеты, какие в народе почетны. За баян я почти не сажусь, потому как у нас есть штатный аккордеонист, человек талантливый и разбитной. Трех баянистов у нас отродясь не было, а я здесь уже целых три года. Сходите, принесите свои баяны, я послушаю вас, и мы, может, даже определимся с концертом на ближайшее время.

Баяны принесли, уселись как порядочные и заиграли первое, что пришло в голову: "На сопках Манчжурии". Мы с Тривайловым вели мелодию на разных тональностях в верхней и нижней октавах, а Верба приспособивался к нам со своей широкой альтерацией. Алексею Петровичу понравилось, и он попросил еще что-либо увеселительное. Мы играли краковяк и "Подгорную", врезали даже карело-финскую польку, вещь довольно сложную, какую я едва

ли слышал, а не то чтобы играть. Оба же Виктора отчебучили ее по всем правилам, с быстрой пальцовкой, а я лишь успевал ловить какие-то аккорды.

Алексей Петрович остался нами доволен и даже сам взял в руки один из наших баянов. Играл он что-то волжское, играл красиво и неторопливо, ему вторили и оба Виктора. Волжские напевы были не случайны, потому как Алексей Петрович был с Волги, с саратовских краев, потому он знал и любил как саму Волгу, так и ее напевы.

- Итак, друзья, в самодеятельность я вас записываю. Начнем готовиться ко Дню железнодорожника. До него, правда, еще целых два месяца, но мы можем что-то дать и в середине лета. Неохота, чтоб народ скучал. Нашу самодеятельность приветствуют поселковый совет, ветераны войны и труда, школьники, потому как мы даем концерты и для них — с детской тематикой и детскими исполнителями. Довольными остаются все - взрослые и дети, а нам - почет и уважение. Нам, актерам-самоделщикам, чего надо? Аплодисментов, уважения и криков: "Браво! Бис!" Такое наш коллектив встречает постоянно, а это нас даже возвышает. По области мы не гремим, а район о нас знает. Настанет время, когда о нас и область узнает. Мы к тому не стремимся, но слава сама должна нас найти.

В общем, знакомство с самодеятельностью состоялось, мы остались довольны и, уходя, пожелали Алексею Петровичу исполнения всех его желаний, новых концертов и новых успехов. Остался доволен нами и Алексей Петрович. Какие он будет давать нам задания, мы не представляли, но, думали, как опытный руководитель, он найдет нам применение. Может, для сольного сопровождения, может, и для хорового, что с тремя баянами непременно будет иметь вес. Публика нынче у нас грамотная, она знает и чувствует музыку, тем более когда ее дают живую.

Я, правда, больше склонялся к лирике, к песенным страстям хора имени Пятницкого, Сибирского и Волжского хоров, прославленного Уральского, Воронежского и Пензенского. Мне удалось более точно сопровождать их песни и частушки, нежели брать что-то серьезное из репертуара Шульженко, Зыкиной, наших Розы Батановой и Бибигуль Тулегеновой. Алакольский аккордеонист Стасюкевич их вещи брал, но он был профессионал, не то что мы

трое. Я так вообще серьезных вещей играть не пытался. Колхозные вещи, как говорила моя сестренка, у меня получались, а городские - нет, почему я их просто избегал. Оба Виктора шарили похлеще меня, потому как жили в городских поселках, а я в своем Караегине чему мог научиться, даже имея отменный слух, что отмечала и моя сестренка. Сама она имела такой крепкий слух и красивый голос, что песня ее с моим подыгрыванием на караегинской сцене "Ой, гармошка, выручай" мне и сегодня помнится, такую я больше нигде не слышал. У старой песни были свои слова - замечательные, классические, но я приделал свои, какие мы и спели. Публика их приняла, точно не зная, что у песни свои хорошие слова и свой талантливый автор, а не я, простой караегинец, какого сестра называла не иначе, как "Ванька с пивзавода". Наверно, думал я, на пивзаводе, и впрямь, существуют подобные Ваньки, Петьки, Степки, какие неуклюжи и просты от своего вечного пива. Я не пил, но героем вовсе не выглядел, как, скажем, Михаил с Олегом, за каких, как я полагал, девчонки должны были друг друга таскать за волосы. По мне, думал я, не вздохнет даже горбатая, не то что обыкновенная девчонка. Красотой от природы не блистал, уши - как у ишака бухарского, нос - просто картошка, лоб - что поле аэродромное. Словом, урод.

А работа всех нас просто как-то выпячивала. О Викторе Вербе говорили, что он по электрике ас, а потому ему надо идти на помощника. И он пошел, куда его послало деповское начальство. Ехать никуда не требовалось, потому как курсы эти при депо и вел их вместе с другими машинистами-инструкторами наш новый знакомый Алексей Петрович. Электрику Алексей Петрович, говорили, волок, как Эдисон, и Верба проникся к нему уважением. Через какие-то месяц-два Виктор получил права машиниста тепловоза и в один из дней сел за левое крыло локомотива. На тепловозе так и говорили: первое крыло - это сторона машиниста, а левое помощника. Наши люди росли, и это нас всех радовало.

Больше радовало, что Павло, Никола, Федор, Тривайлов, тот же Верба с сентябрьским набором поступили заочно в Омский железнодорожный институт. Я их поздравил и готов был себя разрывать за то, что не имел десяти классов. Неуч, он и в Африке ве-

уч, костерил я себя, такому вообще нельзя ничего путевого доверить. Первого сентября я записался в школу рабочей молодежи, ту самую ШРМ, что так красовалась на школьной вывеске. Насчет среднего образования в депо следили строго и всех, кто не имел его, вызывали, песочили по первое число и обязывали учиться, пусть у тебя было хоть пять классов, но ты был молод и силен в здоровье и в технике. Кому за полста, конечно, не трогали, а тех, кто болтался между двадцатью и сорока, гнали в школу. Ну, меня гнать не пришлось, потому как хватило своего ума дотумкать надобность учения. Не всю же жизнь мне оставаться слесарем, надо подниматься по служебной лестнице. Это делает честь и мужчине, и человеку. Вот получу в шестидесятом аттестат, а там можно попытаться в институт на "железку". Пашут же в депо вском техотделе молодые инженеры, кто по замерам, кто приемщиком, кто по снабжению. Стану и я какой-нибудь шишкой на ровном месте, когда окончу институт, а пока приходится драить ресиверы да выхлопные коллекторы по локти в черной саже и мазуте, с такой же грязью и на лице. Конечно, душ после все отмывал, но ведь можно этого избежать, если взяться за ум и окончить десятилетку.

Учеба после работы давалась мне легко. Математику, правда, я и теперь не любил, но задания выполнял добросовестно, вытягивая иногда даже на четверку. Ну, на четверку я тянул случайно, потому как в математике был дуб дубом, но учитель, видно, просто делала скидку как труженику на производстве. Такую скидку делали в классе и другим, так что нам доставало знать хотя бы минимум. По другим предметам я шагал семимильными шагами, знал их на четыре и пять, что отмечала даже наш классный руководитель Ираида Никифоровна. Как преподаватель русского языка и литературы, Ираида Никифоровна почему-то читала мои сочинения всему классу, хвалила их и говорила, что всем бы желала такого слога и таких мыслей. Я, конечно, смущался, краснел и белел, но слушать свое сочинение приходилось со всеми.

Алексей Петрович о нас не забывал. В августе на День

железнодорожника мы дали большой концерт. В зале не хватало места, народ стоял у стен и толпился сзади, просто дыша друг дру-

гу в затылок. Хлопали нам невероятно, как, впрочем, и другим. Мы с Петровичем ударили его любимые волжские напевы, какие вообще произвели в зале фейерверк.

На танцевальных вечерах под трио баянистов девчонки нас вообще, казалось, готовы были расцеловать. Танцевали, конечно, и мы, баянисты, по очереди отставляя инструмент в сторону. Со своей работой справлялись два баяниста, мелодии не теряли своей красоты и звучности, также лились в зал широким музыкальным потоком. То один, то другой Виктор танцевали со своими девушками, а я - со своей, какую звали Галина. Всякий раз я выбирал только ее, а на дамский вальс она приглашала только меня.

После танцев Викторы провожали своих девушек, с какими танцевали, а я - свою Галину. Провожал до самой калитки небольшого саманного домика в четыре окошка, открывал калитку Галине, и мы тепло прощались, взявшись за руки, без поцелуев, лишь с душевными вздохами и учащенным сердцебиением. Таких встреч было немного, потому как я работал посменно, да еще ходил в "вечерку".

В шестидесятом "вечерку" я добил, получил неплохой аттестат и стал готовиться в свободное время в железнодорожный институт. Ираида Никифоровна, прознав о моих намерениях, посоветовала мне попытаться поступить в КазГУ имени Кирова, поскольку у меня есть данные для журналистского факультета и могут получаться хорошие статьи и очерки. Я поблагодарил Ираиду Никифоровну за теплые слова и за оценку моего, как она говорила, дарования и дал ей слово последовать ее совету. В тот же день отослал в этот самый университет имени Кирова заявление и аттестат.

Не буду распространяться, как я ждал вызова, как волновался над предлагаемыми сочинениями, как старался не наделать ошибок. Одну из них я все равно сделал, ишак бухарский, и получил четверку. По другим предметам у меня чередовались четверка с пятеркой, по английскому схватил пятак, что, может, и решило мой проходной балл.

Преподаватели и авторитеты вуза поздравили нас с поступлением, и мы весь месяц прослушали первые лекции факультета журналистики. Записывал я их тщательно и подробно, чуть ли не слово в слово. Кто-то следовал моему примеру, но большинство

просто слушали. А все, наверно, потому, что на факультете журналистики был немолодой народ, все трудяги, все работали со словом, и, кажется, только я один был из слесарей да моложе всех. У всех студентов-журналистов, работающих в редакциях, в печати или еще где-то, было все, кроме журналистского диплома, что и заставило их идти на журналистику. Потому, видно, они ничего и не конспектировали, зная и без преподавателей историю журналистики, ее длительный ход и дальнейшее развитие. Мне же, как пещерному по этой части, приходилось записывать все, потому как было все в новинку. Наверно, и другой студент, подобный мне, делал бы то же самое, так что себя я не осуждал за мое пристрастие к лекциям.

Месячная сессия мне многое дала. Теоретически я хорошо подковался, а вот практически еще не пытался. Соседи по столу показывали свои статьи и очерки, я искренне им завидовал, не представляя, как могу выглядеть в газете со своей подписью: Кузьма Карпенко. Вот удивятся караегинцы, какие знают такового, удивится, может, и Макпал Жунусовна, какая советовала мне идти на словесный факультет. Пожелание Ираиды Никифоровны так выполнил я целиком и полностью, за что и благодарю ее мысленно за рекомендацию поступить на журналистику. Получится ли из меня журналист через шесть учебных лет, не знаю, но то, что я буду дружить со словом, наверно, это будет точно.

Со мной рядом работали такие товарищи, какие прямо просились на газетную полосу, но профессиональные журналисты Алаколь обходили и объезжали, и эти люди, с кого следовало бы брать пример, так и остаются неизвестными свету, со своей хорошей работой, человечностью и семейственностью. Подумывал я черкнуть о них нечто, но пока не доходили руки, а больше - мой тупой ум, какой за первый курс университета пока ничему не научился. Что покажут следующие курсы, покажет время, а пока за статьи я не сиделся, отдаваясь иногда лишь стихам.

ГЛАВА 3

1960-ый год стал для меня значительным и памятным в том смысле, что я решил покончить с холостяцкой жизнью. С Галиной мы встречались иногда вечерами, а больше днем: она работала в депо в группе учета. В шестидесятом мне стукнуло уже двадцать три, а Галине - двадцать один.

Галина сразу же после десятилетки с несколькими подругами подали заявления в Алма-Атинский железнодорожный техникум и через два года его окончили. В депо люди с образованием и специальностью ценились, им тут же находились место и должность. Галина работала каким-то статистом, что это такое, я не представлял, но, раз есть такая должность, значит, она нужная.

Поговаривали с Галиной, как и где мы будем жить после свадьбы. Оба этого не представляли. Был выход - идти к каким-нибудь пенсионерам на квартиру. Таких пенсионеров в Алаколе было много - парные и совсем одинокие, каким требовалось самим доставать уголь и дрова, кочегарить свои печи, постоянно их чистить и топить. Такие пенсионеры были рады квартирантам, но их не находилось. Весь приبلудный молодой народ завсегда обосновывался в ОХРе, а бедные одиночные пенсионеры так и мучились со своими проблемами.

Я намекнул Галине про одиноких пенсионеров, мол, не лучший вариант, но все же выход. Она сказала: смотри сам, что я выберу, то она и примет. Ее согласие придавало мне сил.

При общем знакомстве с начальником депо и всеми мастерами цехов в первый день выхода всей нашей жеушной дружины на работу председатель профкома не выступал, но начальник депо сказал: по всем семейным вопросам обращайтесь к Жетпису Каримовичу, он вам посоветует, что делать, и как-то поможет.

Такой случай как раз мне и представился, и я вошел в кабинет председателя профкома.

- А, Карпенко, проходи, садись, рассказывай, какие проблемы у молодого поколения. Слышал, поступил в КазГУ да на такой престижный факультет. Молодец, одобряю. Шесть лет пролетят незаметно, а за это время все может произойти. Ну, скажем, надоест ОХРА и захочется семейной жизни, что человеку свойственно, когда он становится совершеннолетним. Быть одинокими люди не хотят, им нужно общение, пара, нужны жена, дети, что и делает семью полноценной ячейкой нашего общества. Мы это приветствуем и всемерно поддерживаем. Чем? Хотя бы с квартирами решаем вопросы. У депо есть в заначке несколько таких квартир, они пустуют, но за ними присматривают наши товарищи, проверяют замки, наличие окон, женщины иногда даже наводят в таких квартирах маршфет. Не знаю, как в других организациях, но депо решило удерживать кадры и таким вот способом, какой себя пока оправдывает. Какие проблемы у тебя, дорогой Кузьма Карпенко? Ведь не пришел же ты просто повидаться с председателем профсоюза, что-то у тебя наболело, что-то волнует?

- Волнует меня, Жетпис Каримович, как раз злополучный квартирный вопрос. Решил я, как вы говорите, покончить с холостяцкой жизнью и распрощаться с ОХРой. Два года она мне служила и берегла мой покой, а теперь вот настало время другой жизни. Мне уже двадцать четвертый пошел, далеко не мальчик, учусь к тому же, что будет легче дома, в семейном кругу. Подруга моя уже отучилась, работает, а я пока лишь студент, да на все шесть лет.

- Кто эта девушка? Из наших, алакольских?

- Да, работница группы учета, Галина Катулевич.

- Так я ее хорошо знаю, знаю всю ее семью - мать, отца, ее еще двух сестер и их брата, какой тоже работает на железной дороге. Отец ее и вовсе жизнь свою связал с "железкой" аж с тридцать седьмого года, коренной путеец, его организация называется ПЧ - путевая часть. Знаю, знаю я Катулевичей, матушка Галины в железнодорожном клубе работает уборщицей, иногда и контролером. Хорошая, работающая семья. Да, так ты женишься, и тебе нужна, естественно, как молодожене, квартира?

- Так точно. На первых порах я предполагал пойти к пенсионерам на квартиру, но Галина посоветовала обратиться к вам. Она в де-

по работает давно и больше знает о деповских порядках. Что вы можете сказать мне, Жетпис Каримович? Есть ли надежда или надо ждать какое-то время?

- Ничего ждать не надо, на вот ключи от квартиры на втором этаже двухэтажного одноподъездного дома. Комсоставский он и был в тридцать седьмом году, когда дом возвели. Жил в нем командирский состав станции Алаколь - всего четыре высокопоставленных хозяина. Раньше хозяин открывал дверь, и в общем коридоре у него располагалось три комнаты, была и собственная кухня. Дом четырехквартирным и остался, но теперь в нем живут двенадцать семей. Представляешь? В общем коридоре три квартиры, в какой живут по семье при общей кухне. Прочие удобства во дворе, как и в вашей ОХРе. Цивилизация до нас еще не дошла, и неизвестно, когда она дойдет до нас. Я задумываюсь, ну что это за наша политика - строить коммунальные дома с отдельными квартирами, но общей кухней и общим туалетом? Да разве такое было при Олеге, Игоре, Ольге, Дмитрии Донском, Иване, Калите и Иване Грозном, при Петре, Екатерине, Александре и всех Николаях вплоть Николая Второго? Даже крестьянин строил себе отдельную халупу с удобствами во дворе, и в городах не было такого вандализма, чтобы за одной общей дверью две-три-четыре квартиры с общей кухней и общим туалетом. Я не знаю ни одной страны в мире, чтобы в наш цивилизованный век для трех-четырех отдельных хозяев была общая кухня и общий туалет. Почему бы, скажем, даже в той комнате, что войдешь, какая имеет восемнадцать метров, строителям не отмерить метр в длину и семьдесят сантиметров в ширину, привезти кирпичей и поставить печь с плитой, колосниками и поддувалом? Вот в комнате у тебя и готовая кухня, где на плите можешь варить, печь, греть воду, чтобы купаться и купать своих детей. Почему этого не сделать? И люди остались бы довольны. Вот ты зайдешь в коридор, а там уже живут два хозяина, ты будешь третьим. Если вы перейдете чисто на электроплитку, то, может, других хозяев не будете видеть. А так люди живут сами по себе, друг другу не мешают, может, только обращаются иногда хозяйки, чтобы попросить соли или ниток. Слышал я такое. В целом я не понимаю советскую власть по делам коммунального жилья и просто не знаю, за что боролись

большевики. За власть? Они ее получили. За хорошую, красивую жизнь? Где она с этими коммунальными квартирами с общим коридором, общей кухней и общей, черт возьми, уборной?

Ну, ладно, Кузьма, я тут распалился, хотя тебе, как будущему журналисту, нелишне будет послушать, о чем говорит народ. Время, конечно, изменится, но что нам даст хрущевский век, я не знаю. Пока что он только дал целину. В целине, конечно, есть прогресс и будущее. Но я бы больше нажимал на строительство жилья для людей, хорошего, красивого жилья со своим отдельным ходом, со своей кухней и туалетом. В больших городах и малых, в деревне и на селе, и убрать с глаз человечества эти проклятые туалеты-уборные, какие у нас в стране еще сплошь и рядом. Я вот был в Германии по турпутевке, так не видел даже в селах ни одного туалета, подобного российским. А мы вот пока живем неизвестно каким веком. Да еще с античных времен люди умели прятать туалеты, располагая их в отдельных помещениях и живя в отдельных квартирах со всеми своими удобствами. Мы так не иначе как уподобились питекантропам, какие научились прикрывать себя широкими листьями и шкурами зверей. Ладно, дорогой Карпенко, ты человек грамотный, будущий журналист, и с тобой приятно побеседовать по душам. Ключи я тебе дал, теперь сходите с Галиной и обследуйте свое жилище. Лучшего пока депо не имеет, а дальше время покажет.

Ну, не знал я нашего председателя профкома... Грамотный дядька и хорошо видит наши общественные неполадки. В словах и мыслях Жетписа было много горькой правды. Человечество, видно, и правда, не строило домов с общей кухней и общим туалетом, где иногда надо и очередь занимать. О том же говорил и Жетпис. У нас же в СССР так это заведено.

В целом же я был на крыльях и помчался в группу учета к Галине. Она удивилась моему появлению в рабочей робе, мы постояли у двери ее кабинета, я отдал ей заветный ключ от нашей комнаты. Галина смутилась, покраснела, но пообещала после работы навестить наше будущее жилье.

Я работал до конца двенадцатичасовой смены, а мысленно был с Галиной. Наверное, на квартиру она пошла вместе с сестрами, чтоб

не скучать одной, могла даже уговорить мать. Нашу связь и дружбу она не скрывала от родителей. Меня они еще не видели, но, наверно, срок этот уже наступил, и я сделаю первый шаг, когда предложит сама Галина. Она же пока молчала, а я со своей питекантропской застенчивостью нахально напроситься не решался. Коль я нравлюсь ей, то пусть приглашает, а если я у нее только для времяпровождения, то тут ничего не поделаешь, надо чего-то ждать, а если что - просто наступать.

После работы я подошел к калитке Галины, на лай собаки она вышла сама, и мы постояли какое-то время у ее дома. Что ж, квартира хорошая, сказала она, два больших окна почти в рост человека, полы паркетные, чего не имеет ни один дом в Алаколе. Что общая кухня - не мы первые, не мы последние. Не знаю, когда будем намечать свадьбу, решай сам, я, в общем, согласна пойти за тебя, расписаться и жить, как живут все молодые.

- Так я у тебя еще ни разу не был, мать и сестры твои меня знают, а вот братан твой и батько обо мне представления не имеют, может, они захотят узнать, кто я, откуда, есть ли братья-сестры, отец-мать, каких надо пригласить на свадьбу, раз мы планируем в будущем совместную жизнь.

-В предстоящее воскресенье и приходи, если ты будешь не на смене, дома наши соберутся все, а ты можешь прийти даже с каким-нибудь другом, какой выступит вроде свата. Так испокон делалось на Руси, так делается и теперь.

- Хорошо, в воскресенье у меня смена как раз отгул очная, чем и воспользуюсь. Кого-то из своих гавриков возьму, поручу быть сватом.

- Ну и договорились.

В воскресный день я пришел с Павлом. Нагладили, как мог, сорочку мне подобрали с галстуком, да еще такую аховскую. Туфли надраивали чуть ли не всей ОХРой, а потом Виктор Верба предложил надеть свои новые, какие в ходу еще не были. Примерил - подошли, надел именно их. Пашка тоже чепурился - ОХРА не должна ударить лицом в грязь. Нашлась у пацанов и для него обнова, так что пошли мы в гости как огурчики.

Виктор Верба предупредил, чтоб не забыли купить на базаре

букет цветов, мол, так положено у цивилизованных людей. Сделали мы с Павлом все, что нам советовали, и вошли в Галину калитку вполне торжественно. Собака рвалась и бесилась, но будка ее была далеко от входа в дом, так что свободно встретили вышедшую на улицу Галину, вошли в дом, поздоровались со всеми, и Павло вручил Галине большой букет белых и красных роз. Семья удивилась такой процедуре, матушка приняла букет и отдала кому-то из дочерей, та засутилась, втыкая цветы в трехлитровую банку с водой.

Павло завел разговор о том, что нас привело. Семья все поняла, отец Галины Илья Матвеевич только спросил, есть ли у меня отец-мать и еще кто-то из домашних. Я рассказал: отец погиб, матушка жива и работает, кроме меня в семье еще двое братьев и сестра двадцати одного года.

А дальше был организован обед, были на столе вино, водка и отменная закуска. Выпивали, говорили о жизни сегодняшних молодых. Мол, живут год-два и расходятся, когда даже дети появились. Что им не хватает, никто не знает, а семьи распадаются. Об этом говорил сам Илья Матвеевич, мы слушали с Павлом и говорили что-то о несерьезности нынешних молодых, о том, что мы, жеушники, не такие, нам можно доверять любую работу и любую человеческую судьбу.

Павло не скупился на слова. Мол, Кузьма так и вовсе серьезный товарищ, и играет на баяне, может в любой праздник развеселить. Так что зятем будете довольны, потому таких еще поискать нужно. В ОХРе парней - аж девяносто гавриков, а какой подойдет вашей Галине? Да никакой, потому как все курят, закладывают "родимую" через край, на работе не рвутся в передовые. А Кузьма другой, хороший, дружить умеет и на помощь всегда придет. А главное, он учится в университете! Причем в главном на всю страну, как в Москве университет имени Ломоносова.

В общем, сватовство состоялось, Галина согласилась выйти за меня замуж, на том мы и расстались. В ОХРу пришли уже, когда Николай давил клопа - спал без задних ног. Мы с Павлом в хорошем подпитии обсуждали детали нашего сватовства. Семья хорошая, работающая, небогатая, без всяких трюмо, стенок и шифонье-

ров, все по-крестьянски просто. Живут, конечно, сытно, но в шелка и бостоны с шевиотами не кутаются, потому как время нынче такое. Мы тоже еще не освободились от жеушных шинелей, какие служат нам во все холода. Крепость у них истинно солдатская. Ни снег, ни дождь их не берут, на шинели можно спать, ею можно одновременно и укрыться.

Насчет того, когда делать свадьбу-загул, я сказать ничего не мог определенного, потому как толком не знал, как, где и когда. А потом, надо ведь привезти в Алаколь и мою семью, какая в поездах никогда не ездила. Надо как-то отпрашиваться с работы, кого-то оставлять вместо себя. Найди замену - так и гуляй, Ванька, никто тебе слова не скажет и не осудит. А в противном случае производство будет простаивать, чего ему не положено.

Говорили с Павлом еще о многом, пока не решили: давай давить, утро вечера мудренее. Николай по-прежнему спал своим блаженным сном, вскорости в объятия Морфея отдались и мы с Павлом.

ГЛАВА 4

Ну, свадьбу мы отгуляли красиво. С моей стороны был весь жеушный персонал - все пятнадцать душ, с Галиной стороны - ее группа учета во главе с начальницей, пожилой теткой. Веселье сопровождали оба Виктора, а я к баяну ни разу и не прикоснулся, чтобы блеснуть перед тестем и тещей, какой у них талантливый зять.

Было лето, было тепло, и, конечно, пляски устраивали на улице во дворе. Также пели известные песни о любви, про жениха и невесту и даже про добрую тещу. Я знал, что вся моя команда свои подарочные деньги сложила в какой-то конверт и преподнесла его Галине. Что там и сколько, меня не интересовало - пусть, думаю, разбирается с этим моя молодая жена, это ей положено по штату.

Когда все засобирались, ушли на свою новую квартиру и мы с Галиной. В комнате было чисто и пусто, ничего, кроме кровати,

маленького стола и двух табуреток. На маленькой полке несколько тарелок, пара ложек и поварешка, на столе чайник, кастрюля и сковорода. На кровати с панцирной сеткой два мешка с матрасом, одеялом и двумя подушками. Галина начала стелить постель и, присев на кровать, достала подарочный жеушный конверт. Там были деньги в разных купюрах, целая куча. Галина сосчитала их и сказала:

- Щедрый у вас в ОХРе народ! Можно верблюда купить! Завтра пойдем с сестрами по магазинам и возьмем все необходимое. Большую кастрюлю надо, сковороду, а прежде всего - утюг. Остальные деньги положим на книжку, заначка нам не помешает, а может, что-то хорошее и полезное присмотрится.

- Ты хозяйка, так что, друг мой, смотри сама, где и что тебе надо. Спроси у родителей, может, им надо помочь. Нам зачем столько? Ведь они отвалили на целых два верблюда... А нам, кроме мелочи, сейчас ничего не требуется. Ты, Галчонок, разбирайся с этим сама, деньги я никогда не считал, я только мог их зарабатывать на целине и отдавать матери. Что она с ними делала, не знаю, я лишь приобрел себе новый баян, а всем прочим матушка распорядилась. Давай так и будет. Зарплату я буду, как положено, отдавать тебе, а ты уже будешь сама распределять статьи расхода. Женщине всегда виднее, где узкие места, где что плачет и где какую дырку надо закрыть. Я этому вряд ли научусь, а женщина, жена тем более, должна чувствовать расходы своим нутром. Во всяком случае, так должно быть.

Утром моя молодая жена на электроплитке приготовила чай, поставила на стол гостинцы со свадебного стола. Все было вкусно и питательно, а чаю я выпил несколько чашек. Ну, какой же я казахстанец без добротного чая? Чай я любил всегда, пил его в ОХРе и на работе в деповской столовой. Пил летом и зимой, не признавая киселей и компотов. Если только спешил куда-то, то опрокидывал - их, но бывало это редко. С чаем я дружу, о чем и сказал Галине.

- А еще, друг мой, я не могу обходиться без первого. Всякие котлеты, гуляши, вареники да пельмени я в любой момент поменяю на тарелку борща или супа, любого, какой существует в нашей кулинарии: рисовый, пшенный, гороховый, фасолевый, ячневый. Пельме-

ни с варениками съем с удовольствием, но -запивая бульон прямо из бокала, а не из чашки с ложкой. Люблю я коже или казахскую сурпу. Люблю бешбармак, конечно, вещь классическая, но я люблю запивать его сурпой. Местное население, как приходилось часто видеть, этого почти не делает, просто ест бешбармак руками, а не столовыми приборами, запивая его в итоге вкусным чаем. Но меня насчет питания переделать невозможно, потому, Галчонок, придется тебе терпеть меня таким всю нашу жизнь.

- Ну, Кузьма-Кузембай-Ордабек-оглы, такая страсть к питанию

- разве это недостаток? Это скорее больше твой плюс. Супы всякие я тоже обожаю. Борщи - так это моя слабость, мать с отцом их любят, как и я. Пельмени и вареники мы тоже всю жизнь делали, но привыкли есть их без всякого бульона, а больше со сметаной. Но, коль ты любишь с бульоном, Темирбай, буду делать с бульоном. Но бульон надо чем-то жирным заправить?

- А по-нашему, по-крестьянски, зажарь свиное сало с лучком и бахни их в бульон! Отменная вещь получается, поешь - и впрямь после того любить хочется...

- Ну, тебе, Темиргали, я вижу, от всего любить хочется. Вы все такие, ОХРовцы, боевые?

- Может, и не все, главное, что мы не изношенные.

За разговорами пришло время бежать на работу. Выйдя на улицу, мы увидели алакольский народ, какой спешил к своим рабочим местам. Мы с Галиной тоже поторопились, но пошли не по дороге, а по путейским шпалам, по каким ходили и ОХРовцы. Шли между путями, но там всегда была мелкая щебенка, никогда не было грязи, чем Алаколь славился как бы не на всю Вселенную. На между-путье встретил я и своих ОХРовцев - Николу, Павла, обоих Викторов-баянистов. Шли они впереди нас, но останавливать их я не стал

- у них, может, свои разговоры.

В депо я свою Гульчатай довел до группы учета, а сам подался на второй этаж. Здесь была наша классическая деповская раздевалка, где мы перед работой снимали с себя чистое и облачались в робу. После работы и душа все повторялось, но, наоборот - мы чистые, отмытые и причесанные спускались вниз и шли в свою ОХРу. Мы

- это, конечно, весь ремонтный народ, какого в депо была не одна

сотня, составляющая, как было известно, со всем деповским народом целую армию работников в семьсот душ. Ни одна организация в Алаколе не имела такого громоздкого рабочего контингента, а депо имело, что и делало ему честь.

В нашем дизельном встретил я Павла и Николу, поздоровались.

- Ну, как, молодожен, дела?- наскочил на меня Павло,- Как встретили тебя новые стены?

- Нормально встретили.

- Так ты совсем не пил, пригубил там чуток, а нас качало крепко, так что шли домой, поддерживая друг друга.

- Жениху, Павло, запретно наклюкаться, а так я бы с вами ударил по самую макушку.

- Как жена оценила всю свадьбу и весь наш жеушный народ? Может, сказала про себя: "Алкаши вы долбаные..."

- Ничего подобного. Она хорошо знает жеушный народ, любит его и всегда приветствует. Вот не выбрала же она себе в мужья какого-то стороннего алакольца, а выбрала меня - ОХРовца, что делает ей честь, так что не кати, Павло, на мою жену баллоны. Она знает многие достоинства ОХРовцев, а нашу пятнадцатигавриковую группу вообще ценит как трудяг, весельчаков, гармонистов и солистов, какие показывали свой класс на концертах Черепкова. Последнее время, правда, Алексей Петрович что-то сузил свою концертную деятельность. Наверно, нет времени, потому как поездов море, а он-таки классный машинист, какой еще и помощников готовит и обкатывает их.

По сути, мы привыкли к его концертам и не знаем, кто еще может дать нам лучшее. При службе на корабле он все пять лет занимался в художественной самодеятельности. Давали они концерты моряков и в доме офицеров Севастополя, где Алексей Петрович и служил всю свою послевоенную морскую службу. Он все Черное море обкатал, дошел даже до Новой Земли. У него много артистического таланта, вот даже на баяне шарит. Таким бы людям в артисты идти, а Петрович предпочел почему-то железную дорогу. Ну, после дембеля в его Саратовском и Ртищевском регионе больше всего, наверно, ценилась "железка", вот он и пошел учиться сначала на кочегара паровоза, а потом стал помощником и машинистом. В пятидесятых годах у них

пошли тепловозы, так освоил тепловоз, и по заданию советского железнодорожного начальства его направили в Казахстан, непосредственно в железнодорожный Алаколь для передачи тепловозного опыта алакольским товарищам. Нас вот прислали, прислали и его, так что теперь у нас с ним схожие судьбы.

МПС и Казахской железной дороге видно, кто и где нужен, отчего в Алакольское депо наслали народу и с Ростова, и с Гудермеса, вот Петровича из Саратова. Прислали несколько выпускников Томского железнодорожного института, какой окончили инженеры депо Беспалов, Михнюк, Конюхов, Федотов, Заваров, Заварцев и другие. Депо знала даже Москва, присылавшая свои поздравления за перевыполнение плана перевозочного процесса. Тонно-брутто-километры выражались в миллионах, за что Москва и благодарила все депо Алаколь и его начальство. Телеграммы из Москвы нам зачитывали на планерках, мы, конечно, хлопали, переглядывались и ждали, что сейчас прочтут слова и о награждении отличившихся деповчан денежными премиями в десять или даже двадцать рублей, но таких слов в телеграмме не было, значит, не было и никаких вознаграждений.

Ну, Москва, думали мы, она и в Африке Москва, Алаколю до нее - что свинье до неба. Пашут хорошо - и ладно, это их долг, поблагодарить всесоюзно можно кого угодно, а вот денежки дать в виде премии - тут у Москвы кость тонка.

Так распалялся наш Павло. Мы слушали его и во всем поддерживали. А чего? Ведь во многом он был прав. Чего этой Москве не бросить бы алакольцам несколько длинных тыщенок рублей за безаварийные перевозки грузов? За то, что поезда от Алаколя идут в обе стороны по графику и без срывов, локомотивы их тащат всегда исправные, что плюс ремонтникам. А локомотивные бригады так вообще надо награждать за каждый проведенный поезд, потому как поезда всегда перегруженные, тяжеловесные - и попробуй провести их по графику на однопутном участке. Путь-то на Моинты, на Балхаш, на Жарык однолинейный, а это страшно затрудняло работу локомотивных бригад. Будь двухпутный участок, не надо бы было останавливаться на станциях и разъездах для пропуска встречного поезда, отчего эти остановки, однако, приходилось делать, на что

тратились время, скорость, откачка тормозов и зарядка всего поезда воздухом, необходимым для текущего торможения и экстренного.

Не знаю, что думали в Москве насчет однопутного участка Караганда - Алма-Ата - Агбасар, только мы, как железнодорожники, знали, что это непорядок. Не такой уж и бедный Советский Союз, чтобы не построить эти нужные стране вторые пути. Ладно, что война только пятнадцать лет назад как закончилась, но пора бы уже и расправлять крылья.

- Я думаю,- продолжал Павло, - Москве ближе и роднее ее близкие регионы, пострадавшие от войны. Железной дороге там досталось особенно, потому как фашисты бомбили больше ее. Потому как по ней перебрасывались войска, техника, эвакуировался народ из захваченных немцами территорий. Вот руки до Казахстана у Москвы пока и не доходят, но все равно через какой-то десяток лет, а то и раньше Москва встрепенется - и у нас начнут строиться вторые железнодорожные пути. Железная дорога - это же артерия жизни, друзья, так что внимание ей будет уделяться. Не знаю когда, но будет.

Я почему-то понял, что это не Пашкины мысли, а скорее его институтских преподавателей, какие, действительно, умеют мыслить аналитически. Сам Павло до сего вряд ли додумался бы, хотя мыслить и говорить умеет. Я его понимал и во многом поддерживал. В ОХРе мы вообще хорошо сдружились и помогали друг другу, чем могли. Я приносил ему письма из Украины, из его Веселовки, выбирая их из вороха корреспонденции, которую почтальонка высыпала из своей сумки на ОХРовский стол при входе. Конечно, Павло делился всеми новостями из дома, из деревеньки, кто женился из друзей, кто разошелся, у кого появились детки. Деревня после освобождения ее от немцев в сорок четвертом сейчас хорошеет и дыбит-ся, колхоз богатеет, как и его люди. В деревне уже вырыли большой ставок, в который запустили воду и рыбок. Народ Веселовки летом купается в этой ставке, а любители ловят рыбу. Ее в ставке много - может, потому как вода пресная. "Пора бы тебе, Павло, и в отпуск приехать, - писали родители. - Целина давно уже состоялась, а ты где-то там пригрелся, может, даже у какой-то молодки, и вот столько лет домой не кажешь лица".

- Нет, друзья мои, плохие мы все-таки сыновья. Ну чего не дернуть домой, когда был на целине, пахал в Ковыльной, вообще на всей Кустанайщине? Отпуска-то у меня были... Так нет же, упирался рогом, чтоб деньгу заколотить и домой отослать, потому как там еще беднотой дышали. И отсылал, получая из дому чуть ли не слезные телеграммы с благодарностями. Разве плохо, когда родители плачут от радости? А кто эту радость им давал? Я, их сын. Теперь вот непременно поеду с первым же трудовым отпуском.

Конечно, думал я, будь холостым, напросился бы с Павлом и я. Теперь-то я, конечно, повязан семейными узами, нарушать какие не дозволено ни одному женатику на земле. Конечно, Галина может меня отпустить, но как я ей потом буду в глаза глядеть? Вот если бы согласилась и она со мной нагрянуть к Павлу, вот был бы фурор! Поговорить, конечно, можно, начав с того, что мы молодые, нигде никогда не бывали, ничего на свете за свою жизнь не видали, из Алаколя никогда не выезжали, особенно она - не сделавшая из села и одного шага. Как родилась в Алаколе, так и выросла в нем до возраста невесты, а теперь и вовсе - жены. Почему бы не совместить нам обоим трудовой отпуск и не податься с Павлом на Украину, к нему домой? Зарплату получим и отпускные, тем более что у нас на книжке - куры не клюют. Ехать, говорил Павло, надо через Харьков, Киев, какой-то Тетерев и какой-то Фастов до Коростеня, а уже с Коростеня на автобусе через Ушомир, Могильно и Веселовка нарисует-ся. Деньги лишние не помешают, может, она что-то присмотрит в самом Киеве, где придется быть и ожидать поезда на Коростень. Останутся - привезем обратно и бросим их на книжку.

С такой мыслью я и жил все послесвадебные месяцы. Жене ничего не говорил - не знал, с чего начать разговор. Ведь кто знает этих женщин, что у них на уме. Вот я предложу Галине-Гульчатай вариант поездки с Павлом, так она может со своей женской позиции сказать: езжай и не возвращайся, а возвратишься - забудь этот дом и эту квартиру. Ведь было же нечто подобное в Алаколе, о чем даже громко говорили во всей ОХРе. Женщин, по сути, надо крепко знать, а я чего знаю о своей Гульчатай? Знаю, что красивая, ну истинная королева, работающая, добрая, покладистая, щедрая буквально на все, любит семью и сестер, веселая, где на-

до споеет, а то и спляшет. Все это внешне, а внутренний мир ее каков? Кто о том знает? Да, может, она и сама не знает, а я буду навязываться со своими идеями о поездке. Нет, надо лучше изучить мою Гулю, прощупать, чем она дышит, а потом уж предлагать идею поездки. Не знаю, сколько пройдет времени, хотя придется и ждать, и догонять, как говорится, а потом, может, даже наверстывать упущенное.

А послесвадебное время совсем не стояло на месте. Пробежало лето, и подкатил истинно золотой октябрь. На деповской доске объявлений вывесили список отпускников, среди каких были Павло и, как ни странно, мы с Гульчатай. Дома Галина спросила:

- Видел, Темиргали, отпускной список?

- Видел, Гульчатай Калкеновна, и просто не знаю, как нам быть и куда себя деть.

- А чего бы тебе не попроситься с Павлом? Ты хоть на сантиметр из Казахстана выезжал за свою жизнь?

- Шутишь, Балкен Калкеновна. Кроме своего Караегина и Степняка, я нигде не бывал, белого света не видал, и как он выглядит, понятия не имею.

- А я, думаешь, лучше твоего? Я так вообще дальше депо и улиц Алаколя не бывала. Спасибо, хоть Алма-Атинский техникум подвернулся, так хоть свою столицу увидела такой зеленой, красивой и несравненной.

- Между прочим, Павло давно уже предлагал мне податься с ним. Я бы с дорогой душой, но как тебя одну оставить дома?

- А зачем оставлять? Пусть обоих нас и забирает. Что мы, его объединим, что ли?

- Ой-ой, Балкен Калкеновна! Да дорогой ты мой человек! Я прямо сейчас бегу к Павлу и обрадую его такой вестью, если это не шутка.

- Ну, ты даешь, Аманжол Абдукаримович. Какие тут могут быть шутки? Все правда и все серьезно. Пусть это будет наше свадебное путешествие, мы его, думаю, заслужили. Мы с тобой столько лет прожили на белом свете, Тулеген, а не видели нашей красавицы-Москвы и всего, что есть близ нее и за нею. Надо же хоть когда-то вторгаться в жизнь и видеть ее изнанку.

Бежать к Павлу не пришлось, он к вечеру нарисовался собственной личностью.

- Привет, друзья мои, мои дорогие молодожены. Как думаете провести свой первый совместный отпуск? Как бы ты его провела, Галя-Галина, красивая дивчина?

- Да кто ж его знает, Павло, сразу тут и не придумаешь.

- А чего думать? Давайте все трое махнем ко мне, на родную Украину, в мой Коростень и в мою Веселовку. Скучать не будете, у нас любят дорогих гостей, любят всех приезжих, но их почти совсем нет. Вас так вообще примут в объятия, потому как вы молодая семья, да из какого-то далекого Казахстана, о каком школьники только знают по учебникам, а пожилой народ и представления не имеет. Мои родители примут вас с душой, поскольку вы приедете со мной, какого они с началом целины вообще потеряли.

- Я, Павло, согласна, думаю, согласен и мой Ромео. Говори, когда собираться, чтоб я могла что-то наготовить на дорогу, курочек там поджарить, блинов испечь, взять хорошей копченой колбаски, свежего хлебушка, испечь несколько лепешек. Ехать придется не два дня?

- Пять суток! И питание, конечно, не помешает, чтоб не разоряться на ресторанные расходы. Насчет когда ехать, я подскажу, даже отобью домой телеграмму. Ну, вы так обрадовали меня, что я готов даже плясать.

ГЛАВА 5

Каким путем вез нас Павло из Казахстана, не представляю, только почему-то наш поезд тормознулся в Саратове, откуда мы добрались до Ртищева, а оттуда уже поезд поволок нас в Поворино, Лиски и еще какие-то станции и города до самого Харькова. В Харькове мы тормознулись как бы часов не на восемь в ожидании поезда на Киев, а уже оттуда, по словам Павла, через Тетерев и Фастов мы доберемся до Коростеня.

В Харькове удивил нас с женой вокзал, красивей которого, думал я, на земном шаре просто быть не может. Не может быть подобной красоты! Не знаю, какие там вокзалы в Москве, потому как наши поезда и близко не завернули в белокаменную столицу, только, думал я, московским вокзалам тоже не сравниться с харьковскими. Тем более, как говорят, в Москве этих вокзалов как бы не целый десяток. А коль их много, то лепили их без харьковской красоты и отделки.

Наконец, добрались мы до Киева, где в ожидании поезда на Коростень прошли по киевским улицам. Не знаю, какая еще есть на свете красота, как Крещатик и все киевские улицы с их дворцами и памятниками. В магазинах моя Гульчатай на все рвала глаза и присматривалась к швейным изделиям, что-то примеряла, и что-то ей заворачивали в плотную упаковку. Я был лишь наблюдателем того, как моя вторая половина доставала денежки из бюстгальтера. Такой метод хранения денег наверняка себя оправдывал, только я о нем раньше не знал и теперь размышлял, что такое может придумать советская женщина.

Потом с Киевом мы тоже распрощались и укатили на Коростень, где нас встретила целая делегация Пашкиной родни. Нас обнимали, целовали, мою жену так вообще чуть ли не на руках носили. Молодые рассматривали Гульчатаеву одежду, прическу и обувь, желая, видно, понять, что же это все-таки - человек из Казахстана. Видно,

посланница из Казахстана всем понравилась, почему ее и окружали всяческим вниманием.

Оказывали внимание и мне, как другу их однополчанина, какой уехал из деревни на казахстанскую целину. Расспросов было много до застолья и во время царственного обеда. Наливали самогоночку, вкус какой, как я определил, лучший, чем у нашей русской "Московской". Павло так шепнул мне: "Не бойся, мы на ней росли и выросли, вон какими мужиками стали. У нас так самогоночку пьют сплошь и рядом, только от милиции надо прятаться, когда гонишь, - не приветствует она самогонщиков, штрафует почему зря".

На другой день Павло решил поводить нас с Галиной по своей деревне - показать школу, где он учился, клуб, где он уже парубком ходил на танцы, ну и на ставок, который вырыли без него и заполнили пресной водой из соседней речушки, посмотреть, а то и искупаться, поскольку солнце октябрьское, а светит и греет оно не хуже августовского. Не знаю, когда на Пашкиной родине приходят холода и наступает зима.

Мы с женой согласились, потому как все равно делать нам было нечего. И правда, прошли мимо школы и мимо клуба, подошли к ставку, где плескалась чистая вода. Павло опустил в воду ладонь и сказал:

- Ей-богу, вода теплая, как чай. Давай, Кузьма, помочим пятки, все-таки земляки мои сработали этот ставок без меня, так что обновить его треба прямо сейчас.

Разделись до плавок и поплыли до самой середины. Жена моя, тебя подсолнух, любовалась нашими увлечениями на воде, нашими телами и разноцветными плавками.

- Пойдем, Кузьма, ударим дома по тридцать грамм, согреемся, да и стариков обрадуем - они любят, когда я прошу у них налить стопарь, - предложил Павел, когда оделись.

Дома все получилось, как Павло и планировал. Налили нам по тридцать грамм, потом еще столько же, и к вечеру мы с Павлом уже готовы были затянуть "Шумел камыш, деревья гнулись". Жена моя не пила, но с Павлом вспоминали ОХРу и наши нередкие перепады с грусти на веселые нотки.

Следующий день посвятили мы вояжам Павла по его родствен-

никам. Добрались до деревушки Роза, в какой проживала сестра Павла, удивительно: тоже Роза. Затем мы посетили Богдановку, где проживал братец Павла Степка. В Ушомире мы посетили его сестру Катерину, а в самом Коростене - сестру Устинью. Принимали нас везде радушно, непременно сажали за стол с горилкой, от чего мы с Павлом не отказывались. Павло нас до этого как-то предупредил, что горилка будет повсюду, отказываться от нее - значит страшно обидеть хозяина-хозяйку, выказать неуважение. Этого допустить мы не могли, потому ели, что подавали, и пили, чего наливали. Гульчатой моя только пригубливала, но и это выражало свою степень уважения. Разговоры же велись разные, но больше о целине и нашем Казахстане, о каком они лишь знали, что он расположен совсем не у Черного моря и что там якобы совсем нет воды, а кругом сплошные поля и степи и что там много разводят овец, как в Австралии, и лошадей.

Конечно, мы смеялись их познаниям о Казахстане и говорили о великих казахстанских реках - Иртыше, Ишиме, Нуре, Или, Тенте - ке, Дарье, Айсе, о больших рыбных озерах - Балхаше и Алаколе, о Каспийском море. В общем, мы убеждали наших собеседников, что Казахстан не бедная страна, в нем такие большие промышленные города, как Караганда, Темиртау, Павлодар, Усть-Каменогорск, такие медные города, как Джезказган и Балхаш, славные своей красотой и южным своеобразием Алма-Ата, Джамбул и Чимкент. "Живем мы, дорогие вы наши хлебосольны, - говорил Павло, какому поддакивал и я, - в благодатной стране, так что жалеть нас не надо".

В оставшиеся дни мы ходили в веселовский клуб в кино и на танцы, где я отличился на их баяне. Танцевали под мои наигрыши азартно и весело, играл я даже то, о чем меня просили. Были это казачок, полька, какие-то другие веселые мелодии. Молодежь Веселовки умела веселиться, как, наверно, умела хорошо жить и работать. Играл я вальсы и танго, в общем, скучать не давал никому. Пела молодежь и хоровые украинские песни, какие я тут же схватывал и мастерски сопровождал на баяне. В танцах кружилась и моя Галина, какую парни приглашали по очереди просто из вежливости, а может, просто из любопытства - из какого-то далекого Казахстана приехал человек.

Веселовка знала, что Галина - моя жена, проникаясь уважением к ней и ко мне. Любопытства, однако, у девчонок и парней к моей подруге всегда было нескрываемое, я так радовался тому, а Галина уже выкручивалась сама. У нее тоже что-то спрашивали, может, о казахстанских обычаях, о том, как дружат молодые, как они выходят замуж и как ведут себя их мужья. У меня, правда, парни ничего не спрашивали, потому как я был такой же, как они и как их Павло, а потому что я умел играть их украинские песни, вообще делали мне честь и уважение. Несколько парней даже преподнесли нам с Павлом по стопке, отчего мы не отказались, став для них вообще своими.

Когда ты в беззаботье и в безделье, время тянется удивительно долго и мучительно. Точно так тянулось и наше отпускное время. Вояжи, танцы, песни - все это повторялось, но ведь последующие дни куда-то надо было девать. По хозяйству помочь было у меня на уме и у Галины, но Павло сказал, что в доме никакой работы нет, старики всю ее проделали. Корову встретить, подоить, напоить - это родительская епархия, они ее никому не доверят. Вот только если ради интереса посмотреть свет да съездить в областной Житомир... Я был согласен, но Галина отказалась, не советовала и нам с Павлом, сказав, что дорога в областной центр не ближняя, мы и так пять суток бултыхались по поездкам, столько же времени придется тютехать и на обратной дороге. Павло пожал плечами и сказал: в том, наверно, есть свой резон.

В дальнейшие дни мы с Павлом посещали ставок, хотя вода в нем совсем не была теплой, как чай, а Галина оставалась дома и помогала матушке Павла. Она чистила картошку, мыла посуду и полы в комнатах. Матушка запрещала ей делать все это, но Гульча моя была настойчива.

Веселовка стоит у самого сплошного леса, по какому, говорили, ходил со своим партизанским отрядом даже сам Ковпак. Павло водил нас с Галиной в этот лес. Грибов не находили, да и не искали, потому как мы с моей Гульчатой в них ничего не понимали. Павло, конечно, знал в грибах толк и даже сказал матери, чтобы она приготовила из сушняка свежий грибной суп, что матушка и сделала. Вкус супа был божественный, под какой Павло предложил tradi-

ционные его тридцать грамм. Пили и матушка, и отец, да и мы трое. Галина эти тридцать лишь пригубляла, и ей хватало стопки на все посиделки.

Как бы ни было нам весело, скучно и грустно, отпускное время все равно бежало. Возвратиться домой, правда, хотелось пораньше - туда, где родной дом, работа, друзья. Павел, как я видел, тоже стал тяготиться нашим застоем. К Казахстану за пятилетие он уже привык, там работа и друзья, с которыми вместе съедено немало каши. Готовились к отъезду мы не спеша, но все-таки готовились.

Перед отъездом Павло сказал нам с Галиной:

- Кузьма, Украина все-таки моя родина, здесь я родился, здесь учился, здесь познал жизнь. Я прослышал, что в Кременчуге строится или даже уже построен автомобильный завод грузовых автомобилей, на какой я бы хотел посмотреть, побывать и, может, даже поговорить о работе на нем. Делать свое будущее все равно надо, так, может, я начну его с этого автозавода. Давайте помчим через Кременчуг. Узнаем, что надо, и помчим в свой Казахстан, в наш Алаколь, где мне надлежит кантоваться еще два года. Но они пролетят быстро, когда завод, может, только еще начнет выпускать эти самые автомобили "КрАЗы".

С Павлом мы не спорили. Не знаю, какими путями тащил нас поезд, только прибыли мы на станцию "Ромодан", где следовало сделать пересадку на Кременчуг. Сделали, пересели, поехали, прибыли. Небольшой уютный городишко, утопающий в зелени и красоте по эту сторону Днепра. На другой стороне так красовался еще один город - Ковров, какой славился в стране вагоностроительным заводом, выпускающим большие железнодорожные вагоны: железнодорожники называли их полувагонами. В Кременчуге же нам сказали, что автозавод - это только проект, какой вырастет на базе нынешнего какого-то механического завода не за один год.

Нам осталось только сесть в поезд, какой примчал нас в Полтаву, а оттуда мы неведомо как выбрались на главный путь, какой притащил нас в Москву, а уж из Москвы мы попали в Казахстан, минуя уже знакомые Лиски, Поворино, Ртищев да Саратов. Павло в этом маршрутном деле был подкован лучше нас с Галиной, отчего мы полностью положились на его действия.

Через пять суток мы были в своем Алаколе, в каком Галина чуть ли не обняла алакольский вокзал. Рады были возвращению и мы с Павлом. Никто нас не встречал, да и понятия не имели о нашем приезде. Павло поспешил в свою ОХРу, а мы направились в двухэтажку, в свою светлицу, какая приютила нас с первых дней нашей совместной жизни.

ГЛАВА 6

На работу мы, как и прежде, ходили по шпалам и междупутью весь оставшийся шестидесятый. А в шестьдесят первом дорогу я мерила уже один - Галина ушла в декрет. Со всеми делами дома она справлялась сама, не требуя никакой помощи ни от родителей, ни от сестер.

На работе ремонтников обязали подготовить ухоженный и чистый локомотив под поезд, каким будет проезжать через Алаколь якобы сам Хрущев. Карагандинский локомотив в Алаколе отцепят, алакольцы должны будут подцепить к вагонам Хрущева другой тепловоз, и он потащит его до следующей узловой станции. Там будут делать то же самое вплоть до Алма-Аты, куда и направляется товарищ Хрущев.

Такой локомотив мы подготовили, он стоял на стремени чуть ли не отутюженный. Весть о прибытии Хрущева в Алаколь разнеслась по поселку моментально, на перрон вокзала пришло много народу. Поезд Хрущева прибыл шестнадцатого марта, стоянка трех или четырех вагонов была краткосрочной, пока менялись локомотивы, однако Хрущев вышел на перрон, сопровождаемый крепкими военными. К Хрущеву допустили председателя поселкового совета Алиханова Туякова и секретаря партийной организации Васькова. Хрущев пожал им руки и сказал громко в толпу, что целина сделает нас всех богаче, наше поколение будет жить при коммунизме.

Мы с Павлом стояли недалеко от тамбура и хорошо видели лицо

Хрущева. "Упитанный дядька, - шепнул Павло. - Такой и правда может дожить до коммунизма". Когда поезд уходил, на локомотив поднялся какой-то военный, покатил вместе с нашей локомотивной бригадой. На тепловозах была стандартная пружинистая откидывающаяся седушка, на ней военный и пристроился. Какая задача была у него, мы могли только догадываться - вести без срывов поезд, без толчков и рывков.

Поезд ушел, и мы облегченно вздохнули. Павло отчего-то возмущался:

- Опять Москва и этот Хрущев о мифическом коммунизме долдонят. Ну, коммунизм - это когда у тебя полный дом всего, что ты хочешь. Большая квартира, телевизор, машина. Живи, где хочешь, отдыхай, где хочешь, учись, где хочешь, и работай, где хочешь. У нас в стране разве может быть такое в ближайшие двадцать лет, о чем говорил Хрущев? Нет, не коммунизм будет, а онанизм, какой доведет людей до истощения. Не верю я всем этим предсказаниям нашей партии. А ты, Темиргали-оглы?

- Не верю и я, Сагентай-бей. Уж слишком какой-то простой получается коммунизм, какой доступен чуть ли не всему человечеству. Насчет коммунизма, кажется, говорил и Ленин, только он говорил просто: "Коммунизм - это есть советская власть плюс электрификация всей страны". Видишь, как конкретно говорил Ленин. Власть и электрификация! Власть у нас есть, а электрификация? В Алаколе люди еще пользуются керосиновыми лампами, особенно в частных домах, потому что существующий на нашей электростанции локомотив дает ток только для депо. Двадцать первая геологическая экспедиция, станция, дистанция, ПЧ, ШЧ, НГЧ имеют свои дизельные генераторы, которых хватает только на производство, а не на освещение квартир. На улицах Алаколя так нет ни единого фонаря, как то видим в городах. Вот освети всю страну, дай людям тепло и свет, дай человеку то, что он хочет, вот тогда и можно говорить о коммунизме. Но, видишь ли, у коммунизма, как говорит партия, оказывается, аж целых две фазы, из каких первая - это социализм, а вторая - это уже коммунизм. Первая фаза якобы уже нами построена, осталось лишь налечь на вторую. Целина, по словам Хрущева, как раз и вписывается в эту вторую фазу, остается только внедрить ее

повсеместно и крепко развить. Читал, что пишут наши газеты? Принцип коммунизма: "От каждого по его способностям, каждому по его потребностям". Усекаешь? По его потребностям! Да, черт возьми, дайте мне хотя бы велосипед, так я не буду ходить по шпалам, а буду ездить на работу по улицам - быстро, удобно, не надо спешить. Где он? За него же надо отвалить, отчего я останусь без штанов. Нет, коммунизм - это пока не наша теория. Родилась-то она у нас, но так скоро нам ее не осилить.

-Да, все ты правильно говоришь, Кузембай, но спорить с партией мы не должны. Пусть она кувыркается со своим коммунизмом и в шестьдесят первом, и в девяносто первом, только мы будем делать свое дело и свою работу. Будет она играть на коммунизм - хорошо, значит, и мы строим коммунизм, не стоим в стороне.

После проводов хрущевского поезда мы с Павлом пошли в ОХРу. Я пошел просто проводить его. А по правде, давненько я здесь не был и даже соскучился по нашей комнате и нашему балкону. В Пашкину и когда-то мою комнату без стука вошла дежурная по общаге тетя Поля и спросила у меня:

- Ты ничего не знаешь?
- А что я должен знать, тетя Поль?
- Так у тебя часа два назад дочка родилась!
- Ну, вы даете, тетя Поль, такие добрые вести сообщать...
- Вот и сообщила, потому как вы там с Хрущевым беседовали, а мы узнаем, что творится в нашем Алаколе.
- Так. А что, тетя Поль, надо делать в этом случае мужикам?
- Брать конфеты, шампанское, букет цветов и идти в больницу проведать роженицу. Конфеты, шоколадки и цветы отдашь жене, а шампанское передашь любой медсестре, они там сами разберутся. Можно даже "пузырь" коньяку взять, медики его больше приветствуют, тем более если у них доктора-мужики работают, что нынче нечасто бывает.
- Ну, Кузька, молодец, замастрячил дочку! Давай рвем в магазин, как советует тетка Полька, а там посмотрим, как выглядит твоя дочь и твоя Галка.

В магазине взяли все, что советовала тетя Поля. Галка еще не вставала, цветы и конфеты с шоколадками приняла, а коньяк и шампанское мы отдали медсестре, которая нас впустила и показала ре-

бенка. На кого похожа девочка, мы с Павлом разглядеть не успели, дочка спала, а Галина сказала, что вылитый мой портрет. Ну, коль так, мы пожелали Галине быстрее возвращения домой, а сами пообещали молиться за ее здоровье и здоровье дочери.

На этот раз в ОХРу не пошли, взяли бутылку коньяка, на чем я настоял, и пошли в мою хавиру. Закусона в доме хватало, тем более что я прихватил еще и магазинных пельменей. Хозяйственный Павло сам налил в кастрюлю воду, поставил ее на электроплитку. А я резал хлеб, колбасу, селедку, копченое сало. Вода в кастрюле закипела, и Павло опустил туда пельмени. Через какое-то время Павло достал один пельмешек, надкусил его и сказал:

- Продукт к эксплуатации готов, давай будем трапезничать.

Коньячок оказался отменным, потому как на бутылке красовались пять звездочек. Закусили сначала копченым салом, потом селедочкой. После третьей стопки налегли на пельмени, какие тоже оказались отменными. Коньяк мы оприходовали, но на столе была такая деликатесная мужская закуска - сало, колбаса, те же пельмени, и Павло вострепнулся:

- Брат, не ударить ли еще маленький “пузырек” коньячку? У тебя и магазин под боком, может, рискнем?

- Ну, Павло, ты меня, как женщину, уговариваешь. Конечно, вали в магазин и хватай “пузырек”, средства вон на окне лежат.

Павло убежал, а я остался со своими мыслями. Дочка, три восьмисот. Вес для девочки неплохой, сказала медичка, только не застудите, поскольку на дворе март, а он такой заразительный. Солнце греет, припекает, оделся в легкое - и засопатил, зачихал, что для ребенка вообще опасно.

Хорошо, а дальше? Девочка - значит, больше мамина дочка, это было испокон века. Кто за девочкой больше следит? Конечно, мама, когда она купает ребенка до самого первого, а то и третьего класса, когда растит ее до пятого-седьмого класса, а с восьмого, когда ребенка перевалило за 14-15 лет, у матери вообще все мысли только о дочери, какая уже знает подруг и улицу, танцы и молодежные вечеринки... В восемьдесят первом дочери моей исполнится двадцатник, а нам с Галиной - всего лишь по сороковнику с гаком, и все равно за дочь мы должны будем оставаться в ответе.

Во-первых, ее надо будет где-то учить, потом следить, кем она станет, а потом у нее появятся друзья, подруги и, конечно, мужчина, какой должен будет составить с ней семью. В семье появятся дети, а это новые заботы. Хорошо, если муж, то есть отец детей будет трудяга, честный человек и любящий семью во всем настоящий хозяин дома, какого не сломят никакие жизненные неурядицы. Мало ли чего бывает в семье?.. Не знаю, не знаю, что ожидает мою дочь, только парня все-таки легче воспитывать. Кстати, дочь еще не имеет имени. Ну, Галина, наверно, придумает, когда будет оформлять документы на ребенка.

Моим дальнейшим мыслям не дал крутиться появившийся Павло.

- Только о твоей дочери и разговоров даже в том же магазине. Ну, рождение ребенка - это же пополнение алакольцев, какое радует всех. Чем нас будет больше, тем больше будет строиться жилья, детских садов, школ, будет расти население - будет расти и поселок.

- Ну, насчет будущего нашего Алаколя пусть думают высокие власти, а мы давай лучше причастимся.

Чекушечный коньячок мы приговорили и распрощались. Павла я вывел за свой высокий порог и довел до самого магазина, какой уже был закрыт.

- Ей-богу, Кузьма, не предусмотрительные мы с тобой мужики, твою мать! Ну, чего бы не взять полный жбан? Так нет же, порядочными себя считаем, боимся перебрать. А ОХРовцы как гужуют? По-черному! Бывает, даже не узнают друг друга. А потом ведь все восстанавливается, наваливается работа, и все входит в свою колею. Почему ОХРовцев тянет к “пузырю”? Да одиночество! Вот они и собираются вместе, чтобы не скучать, кучкуются, а коллективное кучкование и ведет к хорошему выпивону.

Распрощавшись с Павлом, вернулся домой. Прилег и опять стал перебирать мысли, какие перебил мне Павло со своим долбаным “пузырем”... Да, девочка - это первично мамина дочка, она за ней ухаживает и болеет за нее с пеленок, даже когда дочка уже сама становится бабушкой. Ну, а сын? Это извечный мужик, за каким папаша присматривает более мамаш. За ним, 15-17-летним, нет такого пригляда, как за дочерью. Отцу больше важно, чтобы

сын учился и отслужил армию. После армии у сыновей и голова варит мудрее, и сам сын становится более рассудительным, даже расчетливым. Он задумывается над смыслом жизни и старается не приспособливаться к ней, а сделать ее лучше. Для этого он учится на заочке, на курсах, углубляет свою профессию и старается быть всегда на виду. Тихони, затворники не ценятся в обществе, так было всегда, такое есть и теперь. Что ж, раз Бог не дал сына, будем с Галей воспитывать дочь. Какой она станет, покажет время, а пока она только ребенок, какому и дня не исполнилось.

На работе меня поздравляли и даже качали. Это не иначе как означало: надо бросить на пару “пузырей”. Я бросал, охотники в командировку в магазин находились тут же. Как там дальше шли дела, я не интересовался, участия в выпивоне на работе не позволял себе никогда, ну, а те, кто в цехах - автоматном, топливном или скоростемерном, ударить себе позволяли, о чем начальство не ведало ни прежде, ни теперь. Главное, что работа не застаивалась, все делалось конкретно и оперативно, тепловоз за смену доводился до кондиции, о чем и докладывалось, скажем, старшим слесарем мастеру, а тот уже знал, что делать дальше.

Через неделю мы с Павлом пошли в больницу за Галиной и ребенком. По дороге Павло остановил легковушку, о чем-то поговорил с шофером и сунул в руку какую-то денежку. Парня-шофера мы не знали, но он пригласил нас в кабину, и покатали мы к больнице. Галина удивилась такой встрече, я взял ребенка на руки, примостился с Павлом на заднем сиденье, а Гульча моя пристроилась рядом с шофером.

У нашего дома шофер высадил нас и умчал своим маршрутом, а мы разложились у себя в комнате. Павел убирал табуретки к стене, а молодая мамаша положила на кровать ребенка, какой тихо спал и не подавал голоса.

- Слушай, Карпенко, завтра надо тебе мчать в магазин и выбрать красивого цвета коляску. Пусть пару годков ребенок поспит в коляске, а потом мы ей приобретем кроватку. Как считаешь?

- Завтра же этим и займусь. Надо бы мне об этом было позаботиться раньше, так у меня соображение не сработало, а ты мне не напомнила. Завтра будем исправлять ошибку. А сегодня где ребенок будет спать?

- Да со мной же и будет, у стенок, она же еще просто комочек.

- Ну и ладно. А пока надо бы послать товарища Крашанова в магазин, чтобы обмыть твой приход с новым человеком, чтобы порог был чистым и чтобы никакая нечисть в дом не входила.

- Так делайте. Закуска, я вижу, в доме есть, нан бар, нераспечатанная пачка пельменей бар, колбаса бар и даже копченка бар. Так что, мужики, действуйте.

Павел улетел точно на крыльях, а я стал любоваться дочкой. Смотрел, какие у нее губы и нос, хотел посмотреть, какие у ребенка уши, но он был запеленат по самый подбородок. Уши меня интересовали больше всего, потому как у меня были не иначе как у ишака бухарского.

- Насчет имени, Кузембай, я хочу дочу назвать Верой. Пусть будет у нее вера в нашу любовь, в нашу дружбу, в пятерки в классном журнале, в поступление в институт, вера в себя и в своих родителей, вера в людей, в будущего мужа, в своих будущих деток. Как смотришь на это имя, Тугамбай Калкенович?

- Да положительно смотрю, и очень правильное имя выбрала - у меня на то бы тям не хватило. Я бы ударился в современные Насти да Наташи, Кати да Мотати, Рая из сарая, что поет, играя. Валя, Римма, Света, что дразнят сигаретой. Аня, Лена, Маша, что не варят кашу. Тоня, Феня, Лида, что всегда с обидой. В общем, поняла, какие страсти я мог бы придумать, не опереди ты меня.

Тем временем Павло явился и не запылелся. Жена не пила - нельзя кормящей матери, а мы с Павлом по стопке, но давили, благо закуска соответствовала всем требованиям хорошего выпивона. На посошок опрокинули по-последней и запили крепким чаем.

Потом я пошел провожать Павла и вновь довел его до магазина, но заходить в него не стали. Не стал настаивать на маленькой чекушке и Павло, чтоб раздавить ее в ОХРе, потому как он понимал: прокурорский надзор в доме. Он уважал меня и Галину и быть яблоком раздора не хотел. Ну, ударили бы мы еще - не вода же и не компот, а “родимая” в сорок градусов, и эти самые градусы валят человека с ног.

В святое утро, когда мы едва попили чаю, к нам скопом явились Павло, Никола и оба Виктора, вкатывая в нашу комнату красивую

детскую коляску, за какой мне следовало сегодня идти. Понял: это Пашкина работа, и я хотел его обнять, паразита, чтоб кости трещали, но в благодарности лишь молча пожал ему руку. Рассаживать гостей было не на что, потому как в доме было всего две табуретки.

Виктор Верба сказал:

- Слушай, как там тебя на работе друзья кличут, Кузембай-Калкен-улы, мы с собой принесли все, ты только организуй, на что нам сесть и стол. Две табуретки времен очаковских и покоренья Крыма я вижу, а остальным товарищам на что приземляться?

Да и правда, ишак бухарский, о чем я думал прежде? Ведь знал, что могут придти гости, просто проведать, может, о чем-то поговорить. Не иметь в доме стульев - да свет белый не ведал такого убожества. Нет, господин Карпенко, ты не хозяин, ты простая на свете приживалка.

- Давайте, друзья мои, искать выход. Вы, Викторы, сядете на табуретки, какие я завтра же и спалю, я сяду на футляр баяна, а Павло с Николой сядут на перевернутые чемоданы. Как смотрите на такой выход?

- Положительно смотрим, - сказал Верба, - у русского мужика голова всегда варит. На деле, Калкен, надо обустроиваться и надо прибарахлиться. В магазине есть стулья, есть кресла, диваны, башли на бочку - и квартира будет выглядеть квартирой. Теперь-то вас трое, и надо, чтобы в доме все радовало. Как считаешь, Галина?

- Правильно, считаю. Деньги я бросаю на вашу бочку, а вы коллективно и приволоките эти кресла и диван, и моя мечта - шифоньер. Можно в депо взять машину и все это хозяйство разом приволочь. Как считаешь, Абдулла Карпенко?

- Точно так же. Видишь ли, век живи, век учись. Я совсем еще молодой муж, и по хозяйственной части голова у меня еще не варит. Хорошо, добрые люди подсказали. А теперь давайте рассаживайтесь, как договорились.

Друзьям ничего не оставалось, как рассестись, что стояло у ног. А первое слово все-таки взяла Галина:

- Я завидую ОХРовской дружбе, завидую вам, друзья моего Кузембая. Вас сдружили училищные годы, теперь вот и ОХРовские.

Наверно, нет ничего дороже настоящей мужской дружбы. Давайте поднимем тост за эту дружбу. Я пригублю лишь символически, потому как кормящей матери непозволительно алкогольное.

Выпили, крикнули, закусили, налили по второй.

- Распространяться не буду,- взял слово Павло,- я для Кузьки с Галиной - свой человек, потому как мы исколесили Украину, когда ездили ко мне в гости. Они месяц были у меня дома, познакомились со всей моей семьей, с моими сельчанами, какие просто полюбили гостей из Казахстана. Конечно, казахстанцы лицом в грязь не ударили, дружили со всеми, бывали на деревенских вечерах, а Кузембай даже проявил свои таланты на баяне. Было весело, хорошо и памятно, отчего наша дружба стала еще крепче. Так давайте за эту дружбу и поднимем тост.

Конечно, подняли, а я так подал руку Павлу. Коляска, конечно, это его работа, какая предназначалась мне. Стол, что на столе и в сумках у стола, опять же, не иначе как Павлово действие. Компанию же себе Павло уговорил, какая мне была особенно близка: Никола, баянисты, сам Павло. В училище мы тоже сходились ближе, чем с остальным народом, а в ОХРе так и вовсе наша дружба кристаллизовалась в братство. Павло, и впрямь, стал родным человеком - как брат, и Никола тоже мне был близок очень. В ОХРе в своей комнате он рассказывал о себе, о своей Белоруссии, о том, как попал на целину и как работал на ней до училища. С Викторами меня связывали баяны, связь эта с каждым концертом становилась все прочнее, порвать какую могла лишь только наша четырехгодичная отработка, когда каждый из нас и любой выпускник училища будет иметь право покинуть депо и в целом Алаколь. Но до этого еще надо прожить еще год. Всех моих друзей ничего в Алаколе не держало, а вот я закабалил себя женитьбой, и, кто знает, захочет ли жена моя уезжать от отца и матери, от сестер и брата, от родного депо и из родного ей Алаколя. Если по правде, то и я к ним за эти годы прикипел. Тут вечерку окончил, тут и в КазГУ поступил, какой надо волочь целых шесть лет. Не знаю, куда пойдется после университета моя деповская персона, но, черт возьми, и депо-то стало родным. Вот стало родным и все. Я о том даже написал в московский "Гудок", где статью и опубликовали. На-

чальник депо хвалил, сказал, что даже из Сортировки, из отделения дороги звонил сам НОД и тоже хвалил статью слесаря Карпенко. Звучит же: Карпенко...

ГЛАВА 7

Утром жена разбудила меня, напоила чаем и спросила, помню ли, я о чем говорили она, мои друзья и я сам? "Все-таки это же ОХ-Ровцы, а они жмотиться не умеют. Посмотри, сколько бутылок высосали..." Действительно, только на выставку их ставить. Насчет же того, о чем говорили - конечно, я помнил. Ну, ударили мы по-мужски, но ОХРовцы умеют держать норму!

Шагая на работу по привычным шпалам, думал о том, как выпросить машину, чтобы гамузом привезти чертов диван, шифоньер, два кресла. Деньги на них Гульчатай моя бросила, мне оставалось только организовать покупку и привозку. На работе мне о том же говорили Павло и Никола. Решили: сегодня день отработаем, а завтра до ночной смены у нас времени будет, как у дурака махорки, им и воспользуемся. Зайдем в мебельный магазин, купим что надо и с первой же грузовой машиной увезем, за денежки тебя шофер и в Магадан повезет. Не надо ходить по деповскому начальству, кланяться, просить машину, писать заявление. У нас ведь как? Производство ничего тебе не сделает без заявления, написал - так еще и оплаты в бухгалтерии за эксплуатацию автомобиля в личных целях.

Я так с нетерпением ждал окончания смены, торопил завтрашний день. Понимал, что Гульчатай ждет не дождется, потому надо выполнять ее желания. Главное - у нас есть, на что все это купить. На коляску братва положила свои средства, за что я просто кланяюсь перед ними. Это их своеобразный подарок другу, какой из всей ОХРовской братвы обзавелся семьей и ребенком. Остальные пока влачили свою холостяцкую ОХРовскую жизнь, конца какой никто пока не видел. Танцевальные вечера давали только дружбу, но не

сводили на любовь, что заметил и Павло, характеризуя такое положение своим толкованием:

- Видишь ли, Темиргали, у ОХРы, мне кажется, северный климат, а когда холодно, любить не хочется. Спроси у любого чукчи, и он тебе точно такое скажет. Откуда в ОХРе будет тепло, когда там нет ни одной женщины? Раньше, когда нас на свете не было, существовали отдельно школы для мальчиков и девочек. Ты представляешь это? Это какому же идиоту такое могло прийти в голову? Что пугало учредителей этого педагогического варварства? Что мальчики и девочки при совместной учебе начнут детей рожать? Скорее только это могло пугать учредителей раздельного обучения.

Насчет раздельного обучения Павло правильно подметил. Мы его не захватили, но, говорят, в городах нечто подобное было даже в дни нашего детства. Как они выглядели, эти чисто мальчиковые и девчоночьи школы, не представляю. Говорят, нечто подобное есть и сейчас в некоторых арабских странах. Ну, арабы, они наполовину пещерные, потому как придавлены своей изумительно пребожественной религией и обычаями, непонятными цивилизованному человечеству...

После душа, уже отмытые и наостренные на подвиги, договорились встретиться в ОХРе, а оттуда уже втроем пойдем в мебельный магазин. После чая я сказал жене, куда иду и чем буду заниматься. В магазине мы выбрали, что было лучшее, а Павло пошел на разведку за машиной. Пока он ходил, я присмотрел для себя и журнальный столик. Не знаю, какотреагирует Гульчатай, но столик мне приглянулся. Продавец деньги за все приняла и поблагодарила меня. Вскорости появился Павло с шофером. Четыре мужика с работой справились оперативно, только шифоньер не стали класть на спину, а по предложению шофера мы с Павлом везли его стоя, поддерживая с обеих сторон, отчего шофер вел машину истинно шагом. В разгрузке шофер тоже принимал участие, хотя мы его о том не просили. Диван поставили у длинной стены с ковриком, а кресла примостили с обеих сторон журнального столика. Шифоньер приткнули рядом с диваном. Красота! Четыре венских стула у стола и по одному у кресел вообще придавали какой-то колорит богатства и шика.

Шофер уехал, а нам ничего не оставалось, как спрыснуть покупку. О том позаботился Павел, доставая из своего пакета содержимое. Мы наливали и выпивали, а жена просто гладила тот же диван и шифоньер, садилась то в одно кресло, то в другое, гладила и полировала журнальный столик, положив на него несколько чистых пеленок. Ну, коль у жены такое настроение, значит, жизнь наша пойдет без перекосов. Чего нам делить? Зарплату я ей отдаю, премии тоже, на что она мне как-то сказала:

- Слушай, Аубакир Тулегенович, ты отдаешь мне все деньги, но ведь надо оставлять и себе на карманные расходы. С друзьями встречаешься? Встречаешься. После чего вы делаете вылазки по пивным заведениям. Ну, в пиве вы себе не отказываете, кроме пива вы и ударяете по сотке-другой. Ты не считаешься трезвенником, как все вы, ОХРовцы, но ударяете всегда в меру, никого из ОХРовцев я не видела ни на ушах, ни на бровях, как вы кличете упивание до потери пульса.

- Ну, если ты так считаешь и твой муж на хорошем счету, то дай энное количество рубликов, и я останусь доволен тобой и судьбой, какая подарила мне такую жену.

Март пролетел, нашей дочке исполнился месяц, а двенадцатого апреля радио объявило о полете в космос гражданина нашей страны Гагарина. О том в поселке стали судачить все, а бабки так ворчали: не следовало бы человеку летать к Богу. Он, мол, сам прилетает к людям, дает им дождь и солнце, растит хлеб и дает его людям. Я слушал радио, Гульча тоже не отрывалась от репродуктора, в итоге чего мы поняли, что мы впереди планеты всей, что за нами надо гнаться и гнаться.

Летние месяцы я работал, а осенью нас вызывали на сессию. Съездил я на нее, защитился и перешел на второй курс. Второй курс - это уже серьезно, значит, я надолго зацепился. Вот простой слесарь, простой Ванька с пивзавода, а воткнулся же в университет. Это говорило, что я не тят-ляп, что могу что-то шарить даже в журналистике. Лекции я также тщательно записывал, а дома мне оставалось только прочесть, чтобы возобновить память. Так было и на этой сессии, так будет, наверно, и на следующих. На память свою я не надеялся, а вот на записи - постоянно, от-

чего я конспектировал чуть ли не слово в слово. Не сказать, что я был тупой, как сибирский валенок, но все равно памяти своей не доверял. Конечно, передо мной сидели асы, журналисты, словесники, какие имели дело с ручкой и бумагой, а я не более как с гачным ключом, с ресиверной салфеткой да с коллекторным скребком. Тепловоз я знал, как "Отче наш", а вот по журналистике ни разу не вытянул на "отлично". "Хорошо" были у меня в зачетке сплошь и рядом, а пятерки меня обходили стороной, что говорило о моей природной пещерности. Однако, как я понял, шел я не хуже других, кое-кого даже опережал.

Удивляло меня в моем депо лишь то обстоятельство, что я был уже на втором курсе, а руководство депо сие несколько не волновало. Пашешь, ну и паши, два года тебя тому не зря учили. Мне же казалось, руководство просто должно бы было как-то встрепетаться и вспомнить о слесаре Карпенко, какой "вечерку" в депо окончил и вот уже на втором курсе университета. Товарищ грамотный, можно бы какую-нибудь работенку подыскать в техотделе или в отделе снабжения, можно бы и по тепловозной части придумать, скажем, подучить на приемщика, лишь бы человек не крутил гайки и не драил ресиверы.

Никто об этом не думал ни в шестьдесят первом, ни в семьдесят первом, когда я отшаманил слесарем целых двенадцать лет, окончил свой КазГУ и с дипломом журналиста пахал еще целую пятилетку. За это время сменилось два начальника депо, и ни у одного из них не екнуло сердце все о том же передовом слесаре дизельного цеха Кузьме Карпенко.

Думаю, наверно, это и правильно. Будь у меня на руках технический диплом, меня могли бы куда-то определить, а с гуманитарным кому я нужен? Школе, газете, издательству?.. А тепловоз - это техника, притом передовая в середине двадцатого века, когда в космосе уже летают спутники и люди. Обиды на начальников депо я не держал. Они же меня не гнали в КазГУ? Не гнали. А потому, сын мой, не возникай.

Свою слесарную дизельную работу я выполнял исправно. Учил уму-разуму вновь принятых рабочих, какие тепловоз видели впервые и просто на него с вилами бросались. Была это в большинстве

колхозно-совхозная молодежь, какая окончила школы и подалась из своих деревень на поиски счастья и чинов. Некоторые с техникой осваивались быстро и ловко, другие же считали тепловоз своим исчадием. Конечно, я с позиции ветерана депо и бывалого слесаря разубеждал их и доказывал величие тепловоза против прежнего паровоза, какой ушел на вечную стоянку в особые места страны. Меня слушали, понимали и обещали так же полюбить тепловоз, как любим его я и мои товарищи.

А нашей с Гульчатой дочурке исполнилось уже десять лет. Она в сентябре семьдесят первого пойдет в четвертый класс, а это уже налагало на родителей дополнительную ответственность. Требовалось достать новые учебники, тетради, цветные карандаши, пенал, модный портфель. Всю эту заботу мамаша взяла на себя и просто просила меня не вмешиваться, они, мол, с дочкой разберутся сами. Я просто готов был плясать от радости, что с меня снимается такая отцовская обязанность. Как Вера училась, я знал лишь со слов жены, в школе ни разу не был, да меня туда никто и не приглашал. Мамаша ходила, но не по вызову за поведение или двойку, а для принятия благодарности за такую талантливую дочь, идущую по всем предметам на сплошные пятерки. Про себя думал: мои гены дочка не взяла, иначе кувыркалась бы на тройках и четверках, на каких кувыркался я все школьные годы.

В моем же дизельном цехе за десятилетие, конечно, произошли изменения. После окончания института Павло ринулся на ридну Украину, но не домой, в Веселовку, а почему-то обосновался в Кривом Роге, работал на железной дороге и, кажется, даже преподавал в каком-то железнодорожном техникуме. Никола также защитился и трудился, но рядом - на карагандинском заводе РГТО. Завод ремонтировал транспортное оборудование, каким и являлись тепловозы. С Николой мы встречались часто, вспоминали нашу ОХРовскую жизнь, да и всю нашу жизнь в Алаколе. Несколько раз я даже ночевал у Николая. Имел он четырехкомнатную квартиру, жену Лену, дочку Оксану и сына Олега. О Павле он знал только одно - что тот тоже женат, жена Людмила и двое сыновей.

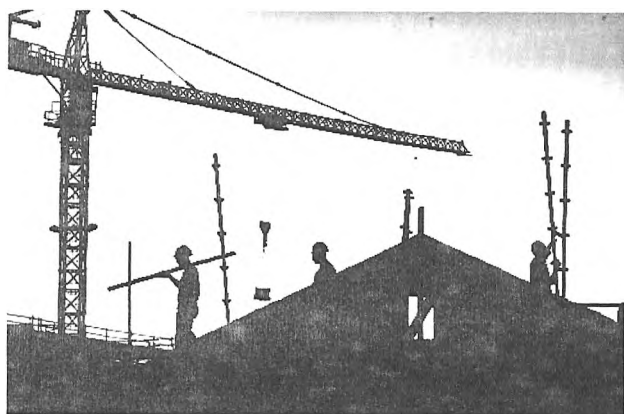
В том же Кривом Роге почему-то очутились и оба Виктора. Верба водил поезда, то же самое делал и Тривайлов. Почему их понесло

именно в Кривой? Да потому скорее, что в Алакольском депо был замом по эксплуатации некто Язвенко, родом из этого самого Рога. Отработав свои институтские три года, Язвенко вернулся на родину и сумел соблазнить алакольских депожителей.

Из всей пятнадцатигавриковой жеушной братии в Алаколе остался я один. Бывший староста тоже возвратился в Татарию и также штурмовал татарские железнодорожные высоты. У него жена Лиза и сын, а дальше мы ничего не знали решительно.

Временами задумывался о своем житье-бытье. Все мои друзья разъехались, делая себя и свою судьбу далеко от Алаколя. Наверно, так по жизни и должно быть. Ну, что бы тут делал тот же Павло, когда у него в жилах кровь Богдана Хмельницкого и Тараса Шевченко? Или Федор Гелазиев с отпечатком брызг казанской Волги и негленной поэзии Мусы Джамила и его незабвенной "Моабитской тетради"? Ну, а мне так, наверно, сам Всевышний велел ласкать старый алакольский клен у дома, где я жил уже круглый десяток.

В Алаколе мне стало близким все - школа, железнодорожный парк, клуб, где мы познакомились с моей Гульчатой. Здесь родилась наша дочь Вера. За десять лет я стал коренным алакольцем и не знаю, изменю ли я когда-нибудь этой близкой мне станции.

ЧАСТЬ III

А ГОДЫ ЛЕТЯТ, НАШИ ГОДЫ...

ГЛАВА 1

Жизнь наполнилась различными событиями политического и жизненного характера. На слуху был великий престиж страны с полетом в космос Гагарина, его поездки по миру, встречи с большим количеством людей. Так продолжалось целых семь лет, и вдруг сообщение о полете Гагарина на обычном военном самолете, крушение этого самолета и гибель Гагарина. Страна оплакивала своего героя, похоронив его в Кремлевской стене. А через три года - полет нового космического корабля "Союз-Н" аж с тремя космонавтами на борту сразу. Были это Волков, Добровольский и Пацаев, летали они по космической орбите не один день, все шло хорошо, настало и время приземления. Корабль нормально приземлился на парашюте, перед посадкой космонавты даже подавали голос, что у них все нормально, но, когда спускательный аппарат приземлился и его открыли, космонавты были мертвы, хоть и еще теплые. Им делали искусственное дыхание - не помогло. Так страна и космическая наука потеряли боевых своих испытателей.

А наша жизнь, хочешь-не хочешь, шла своим чередом. Руководитель художественной самодеятельности Алексей Петрович Черепков обо мне не забывал. Иногда я сопровождал песни индивидуальных солистов, но больше мы выступали с Алексеем Петровичем вдвоем с нашими вещами на двух баянах. Алакольцы привыкли к нам, всегда крепко приветствовали и даже просили повтора "Волжских напевов". Ну, напевы эти не кончались, как не кончалась и сама Волга, у нее появились новые напевы, какие мы подхватывали, подрабатывали, разнообразили пальцовку, альтерации и ускорение.

Все у нас получалось нормально, что удовлетворяло публику, удовлетворяло и нас. В 1973-м в Казахстане вышло постановление об организации новой Джезказганской области и в ее составе так-

же нового, Алакольского района. Не знаю, о чем думало казахстанское правительство, только алакольцы прыгали от счастья и обнимали друг друга. Ну как же, теперь не надо ездить по своим делам в прежний район, к кому относился Алаколь, за целых сто пятьдесят верст. Разоряться приходилось и на технику, и на автобус, а наши худшие в мире дороги, не знающие асфальта, вытрясали не только мозги, но и душу. Теперь же с организацией района и новой области наверняка положение начнет улучшаться, начнут асфальтироваться дороги в самом Алаколе, какой об этом асфальте не имел ни малейшего представления. Алаколь по-прежнему утопал в грязи и пыли, не знал тротуаров и автобусного движения по поселку, какой рос и ширился назло времени, веку и всем чертям.

Не знаю, что в том помогало, только в 1971-ом в Алаколь прибыла большая строительная организация ГОРЕМ-29 со своим рабочим населением аж в целых пятьсот душ, со своими вагончиками для жилья, со всей своей большой и разнообразной техникой и своим неунывающим боевым народом. ГОРЕМ расшифровывался как головной ремонтно-восстановительный поезд, задача которого на тот период была строить вторую железнодорожную ветку Караганда-Алма-Ата. Наверно, у страны были большие экономические, производственные и политические задачи, какие вынудили большой Кремль строить эту самую ветку железнодорожного пути. ГОРЕМ уже отсыпал насыпь, техника ровняла ее, маневровый тепловоз пригонял поезд с восемью платформами рельсо-шпальной решетки, ГОРЕМовское начальство заказывало в железнодорожном отделении в Сортировке и в самом Алаколе длительное "окно", в течение которого прекращали движение на этом строительном участке, а путеукладчик делал свою работу, друг за другом клал решетку, передвигался по ней, укладывая последние звенья. Кончались звенья, кончалось и "окно", разрешавшее поездам мчаться по своим направлениям.

Такая строительная катавасия в Алаколе и на перегоне продолжалась всю пятилетку, вторые пути были уложены, и поезда теперь мчались из Караганды и Джезказгана в Алаколь, отсюда - на Моинты-Сарышаган-Чиганак до Чу, а оттуда уже на Алма-Ату и на Азиатское направление. Работа была сделана большая, поезда по-

шли с повышенными скоростями и с повышенной грузоподъемностью, идя друг другу навстречу, проскакивая станции, обгонные пути и разъезды.

Чем еще прославился ГОРЕМ, так тем, что остальные его люди строили в Алаколе высотные дома. В первом микрорайоне было построено двадцать двухэтажных трехподъездных домов на восемнадцать квартир каждый, красовались в этом поселении детский садик и торговый центр. Второй микрорайон состоял из таких же трехподъездных домов, но уже в три этажа. Было их всего шесть, но картину Алаколю придавали изумительную.

С организацией района в Алаколе, наконец, начали подшаманивать улицы, покрывая их асфальтом. Появились и тротуары, только выложенные толстыми квадратными плитками. Укладывали их какие-то районные организации, ГОРЕМ в работе не участвовал, да его и не просили об этом. Район строил и свои высотные дома, от каких Алаколь просто преображался.

А в 76-ом руководство депо переселило меня в новый дом, в котором было тепло, вода и канализация. К тому же, меня перевели из слесарей в инженеры по снабжению. Я и не знал, как плясать и кого благодарить, только дело было сделано. Семья моя теперь смотрела на меня как на начальника, а дочка так сказала, что мною можно даже гордиться. ШРМ окончил, университет, теперь вот в начальники выбился.

На досуге задумывался: правильно ли идет моя жизнь? В депо, наконец, обратили на меня внимание, поздно, правда, но лучше поздно, чем никогда. Что делать в снабжении, я знал, знал, что требовались малые и длинные командировки, а поездки за запчастями для локомотивного парка так накладывались на целые недели. Работу, однако, я делал и никак ею не тяготился. Главное для меня, чтобы в кладовой было все, что требовалось для жизни локомотивов и деповского народа, какому нужна спецодежда, железнодорожная форма и обувь, рукавицы и салфетки для ремонтников, мыло, порошок, локомотивные и житейские электролампы, пробки, предохранители, словом, всякая нужная дребедень.

А еще в 76-ом нашей дочери исполнилось пятнадцать. Она ходила в восьмой класс, общалась больше с матерью, а я хоть и гово-

рил с Верой, но все равно был как сбоку припека. Какие у них были с матерью разговоры, я не знал, но темы для бесед они находили. Возраст у дочери переходный, а он заставляет следить за детьми более пристально. Я лишь боялся одного - чтобы дочь, глядя на подружек, не начала курить. Такое уже где-то бывало, и наши СМИ того не скрывали. Насчет же ударить винца - я не боялся, потому как дома никогда не пил, не пила и жена, хотя в трюмо запас спиртного имелся всегда. Просто так вот имелся, и все. Жена даже однажды сказала мне:

- Вот, Темиргали, мы с тобой вместе уже шестнадцать лет, и ты ни разу не пришел домой на бровях. Ты не жадный, к деньгам относишься равнодушно, все мне отдаешь, хоть в кармане у тебя всегда звенит, но ты ими не пользуешься. Что за синдром в тебе?

- Синдром - нет друзей. Пьяница, как говорят, их всегда найдет. Кучкуются же добрые молодцы по подъездам, по гаражам, по сараям поддают там до чертиков. Ты же сама это видела. Я, наверно, другой человек и кучковаться с ними не могу. Ну, о чем я с ними буду говорить? Если уж выпить, то интересно о чем-то поговорить. Мне бы поговорить о Есенине, о Лермонтове, о "Горе от ума" Грибоедова. И еще о современных писателях, о Павле Корчагине, о "Молодой гвардии" и даже о том, "Кому на Руси жить хорошо".

- Так это же древность, Азамат, чего тревожить Некрасова?

- Ну и что же, а они отчего-то у меня на памяти. Я вот их читаю, и мне самому хочется что-нибудь свое ударить. Стихи меня мало удовлетворяют, хочется ударить большую прозаическую вещь про нас с тобой, про нашу Веруньку, какая даже тебя ростом обогнала, про Николу и Павла, про обоих Викторов с баянами. Как ты смотришь на посыл таких мыслей?

- Положительно смотрю, Тугамбай-бей, так начинай теперь, пока совсем не состарился. Теперь у нас две комнаты, иди в свою и жарь там свои записи хоть сутками. Кормить-поить я тебя буду, а ты только пиши, когда будешь дома. Теперь у тебя нет: день-ночь и на сорок восемь, зато есть командировки на пять раз по сорок восемь, а то и с прицепом. Я и сама хотела, чтобы ты что-то написал, потому как в газетах я читаю твои статьи и очерки, какие отдают жизнью и для кого-то нелегкой человеческой судьбой. В целом, я

вижу, ты понимаешь человека, знаешь природу человеческого общения. Если все это сложить, то у тебя может получиться книга. Конечно, Азамат, надо начинать писать уже сейчас, пока свежа память и пока еще живы герои - твои друзья.

Да, озадачила меня Гульчатай. Мои ночные бдения над стихами и другой писаниной ей знакомы, потому она правильно советует удариться в большую книгу. Как она должна выглядеть, не представляю, но вот что писать - я знаю, прикидываю, даже примеряюсь. С чего начать, я тоже знаю, но как дальше раскручивать моих героев, куда их тискать, какие слова вложить в их уста - пока все туманно.

А в семьдесят седьмом мне стукнул сороковник. В гости пришли сестры Гульчатай с мужьями и с детьми. Родителей жены мы похоронили в семьдесят первом и в семьдесят четвертом. Первым ушел из жизни Илья Матвеевич, потом, через три года, последовала за ним и матушка. Прожили они нелегкую жизнь, но радовались счастьем и бытию своих детей.

На семейном моем юбилее говорили скупые слова, но душевные, наливали и выпивали, как положено. Мужик так должен почувствовать вкус горилки, этот вкус все равно есть, о чем говорил в свое время Павло.

После трех или четырех стопок душа у гостей просила песни и простора, что я и давал им на своем баяне. Сестра Галины Антонина так вообще распевалась звонким своим голосищем, что меня удивило - куда смотрит Черепков? Ведь самодеятельность намного бы выиграла, будь в ней такие голоса. Пели и мы, свояки, что-то мужское: "Три танкиста, три веселых друга, экипаж машины боевой". Дочка песен не пела, кажется, она вообще их не знала. Может, в молодых тусовках что-то у нее и прорезалось, только на юбилее отца она молчала, как рыба. Конечно, у молодых свой резон и свои заскоки, потому с них и не надо ничего спрашивать.

Никаких танцев под баян не делали, просто попели и говорили разные разности. Прежде всего, обсуждали новость о приезде в Алаколь поезда, какой будет заниматься теперь уже электрификацией Караганда-Алма-Ата. ГОРЕМ будет копать глубокие вертикальные шурфы и ставить в них тринадцатиметровые опоры на пе-

регионах и десятиметровые - на станции, на какие потом электронщики будут навешивать сплошной медный троллей, по какому в будущем побежит ток, какой снимает для себя токоприемником электровоз. Так нам, неучам, говорили приезжие товарищи, и мы уже знали, что электровоз - это сила, красота и мощь, к тому же он не даст ни дыминки, что делают тепловозы, выбрасывая в наше драгоценное воздушное пространство море огня и дыма, каким дышат люди, птицы, живые существа планеты. Это же тысячи тепловозов только в СССР, а в других странах - Китае, Японии, Америке, Индии, Франции, Германии, Корее, Англии, да во всем Африканском континенте! Так от дыма тепловозов и паровозов человечество со временем может просто задохнуться, не придумай оно электричества и электровозов.

Пока же электронщики складывали у себя катушки с тяговым проводом, поступающим платформами чуть ли не ежедневно. Тяговики трудились, чему мы только завидовали. Трудиться силовики умели, также оперативно наверняка они будут навешивать и свой троллей. Но пока о том только велись разговоры, захватившие и все мое юбилейное сообщество.

Компанию провожать пошли всей семьей. На дворе играл март, было тепло, солнце припекало, но снег не таял. Наверно, все-таки было ему рано капать и всплывать, потому как было только седьмое марта. Снегу было всюду по колено, и он даже не пытался как-то размякнуть и посереть. Он оставался белым и просто лежал в Алаколе сплошным белым покрывалом.

После проводов наших гостей я засел за писанину, а женщины мои о чем-то толковали. Двери в комнатах настежь открыты, потому слышал голос жены:

- Доча, тебе уже десять и шесть, очень опасный возраст. Опасный в том плане, что на девушек обращают внимание не только сверстники. Есть такие двадцатилетние красавцы, что просто душа тает. Ты у меня красавица, Золушка, богиня, принцесса, отчего я боюсь за тебя. В нашей женской доле и судьбе жизнь, бывает, столько наворачивает негативного. Вот увидела красавца подтянутого, стройного, высокого, одетого с иголочки - и сердце растаяло, растаяло, хоть ты тресни. Я бы только просила тебя, доча, будь

дальновидной, будь сдержанной, всегда держи себя в узде. Можно знакомиться, гулять, любезничать с красавцем, можно и поцеловаться, но, главное, надо уметь постоять за себя, не давать парню распускать руки и позволять лишнего. Мы, доча, ценны для мужа, когда не знали до свадьбы и до росписи в загсе, что такое мужчина. Нам, женщинам, надо брать пример с арабских и азиатских женщин, какие берегут себя до первого своего мужчины, то есть мужа. Конечно, для этого надо иметь мужество и большую силу воли. Вы, молодые, конечно, можете сказать, что нынче век другой и время другое и всякие жизненные законы не подходят к нынешнему времени. Может быть, может быть... только ведь человек всему основа на земле. Обычаи, характер, долг, поступки, юридические и конституционные законы - все ведь придумано человеком, так и любое поведение человека от него же и зависит. Главное, доча, научись себя беречь, в семнадцать, двадцать и в тридцать, пока не встретится тебе единственный твой, предначертанный тебе судьбой. Мне было двадцать один, когда я узнала твоего отца, а ему уже было двадцать три. Так ни он, ни я понятия не имели, что такое незарегистрированная любовь. Конечно, время нынче другое, но не люди меняют время, а время - людей. Советую тебе, доча, быть сильной, мужественной и гордой. Пусть твои подруги ложатся хоть под медведя белого, а ты будь чистой, не обלאпанной, будь светлой - Золушка своего царевича всегда дождется.

Как слушала и воспринимала нравоучения матери наша дочь, не знаю, только понимал, что она соглашалась с нею, говорила "да" и, может, что-то мотала себе на ус.

Шестнадцать - это уже не детский возраст, думал я, ум должен работать, и хотелось, чтоб слова матери не влетали в одно ухо, а из другого вылетали. Пусть чего-то наша дочь не поймет, но хоть что-то да должно в ней зацепиться. Ну, хотя бы то, что надо беречь себя - для мужа, для семьи, для детей. Сколько в Алаколе несчастных семей? Да не сосчитать! А почему? Потому, как жаловалась одна из Галкиных подруг, что в молодости сильно любила молодость, любила веселья и шумные компании, любила мальчиков, а они - ее, всем было весело и приятно вместе, а когда вышла замуж, муж тут же и предъявил претензии: кто был до меня первый и почему?

Ну что тут скажешь, когда на воре шапка горит? Вот муж и уходит к какой-нибудь другой, какая не шарахается по танцулькам, тусовкам, а строго ведет себя в обществе, учится, пусть не учится, но работает в коллективе, на глазах у общества, какое все видит и все может сказать о человеке.

Есть мужики, говорила подруга моей жены, какие и вовсе притыренные, каким дай десятиклассницу или институтку, но с природой десятиклассницы, только тогда он будет счастлив и проживет с женой до глубокой старости. Нет, говорила она, довоенные мужики, какие ступали сегодня на свой сороковник, все равно из-за угла мешком прибиты. Вот падай ему немятую розу, и все. А где ее взять такую, когда в жизни столько случаев с ветрами, холодами, морозами и неожиданным потеплением? От них и роза вянет.

А жена и после говорила дочери: береги себя, будь чистой, будь небесной и божественной. Мужики таких видят и любят, они их даже нутром чувствуют, хотя у тебя не написано в глазах, что ты чистая богиня. А подруга моей жены при встречах снова говорила:

- Мужик - это все-таки не божественное создание, а чертово. Сколько в мужике недостатков? Курят, пьют, бабничают, деньги домой не приносят, к детям равнодушны. А почему? Потому как они чертом деланы! А с черта чего ты возьмешь?

Как жена их разубеждала, понятия не имею, но знаю, что она с ними не соглашалась и, наоборот, мужчин защищала. Ну, если попался по жизни один-два, то нельзя же всех мерить по одной мерке. Есть такие мужики, на каких только белый свет и держится. Посмотри на тех, кто с войны пришел, кто стоит у станков да водит поезда. Это же герои, это же добытчики хлеба и денег, нашей дружбы и братства, нашего человеческого достоинства. Все равно мужиков мы должны любить, всех и поголовно, потому что без мужиков не было бы нас, женщин. Не надо вдаваться в технологию, биологию, что первично - яйцо или курица, только Бог, по версии света, прежде всего породил мужчину, а потом уже женщину, так что мужчина во всем должен быть первым.

Такое заключение жены мне понравилось, почему я и думал, что жена у меня умница, хотя и без высшего образования, а только со среднетехническим. Теперь уже и ей сороковник подходит, так что

об учебе надо забыть. Она и так работает начальником группы учета, ей этого хватает, работу она знает и как бы не целый двадцатник ведет свою группу - не к коммунизму, а по жизни, по работе. К коммунизму-то Хрущев торопился, теперь уже нет ни Хрущева, ни коммунизма, остался простой народ, какой сам устраивает свою жизнь. Устраивает, правда, по указке все того же КПСС и большого Кремля, любителя наград Брежнева и всех приближенных к нему стариков, которые еще делали Великий Октябрь и гражданскую войну, братались с Щорсом и матросом Кошкой и даже с теми, кто был на русско-японской войне 1905 года. Руководство Кремля почему-то не обновлялось, держалось на всяких Сусловых, Косыгиных да Демичах, которых старость не только гнула к земле, но и толкала под землю. Таков был сам Брежнев и вся его кремлевская компания.

А годы, и правда, летели, как угорелые. В восемьдесят первом нашей доче, нашей красавице Вере исполнилось двадцать лет. Двадцатник для женщины - это уже что-то, в Алаколе многие ее подруги и сверстницы были замужем и даже имели детей.

Наша доча окончила учебку и в озерном Балхаше работала воспитателем в алакольском детском садике. Как она расправлялась со своими башлями, меня не интересовало. О том знали только мама и доча. Свою зарплату я отдавал своей Гульчатай и думал: может, они с дочей решают втихую какие-то свои вопросы о будущей свадьбе нашей Веры?

Пока же все было тихо и мирно, мои женщины вели свой образ жизни, я - свой, со своими стихами, писаниной, с моей будущей книгой, наброски какой я все-таки делал. Благо что женщины не вмешивались в мои дела, не пытали, чем я занимаюсь и что пишу.

ГЛАВА 1

Жизнь шла своим чередом. Я мотался по командировкам, доставал все, что требовалось для производства, тем более, что электронщики и ГОРЕМ завершили электрификацию железнодорожного пути Караганда - Чу, от какого до Алма-Аты поезда волокли пока тепловозами. Может, на будущее будет предусмотрено электрифицировать ветку Чу - столица страны, если, конечно, у Москвы на то хватит башлей, каких требовалось для электрификации вагон и маленькая тележка.

А электрификация и правда закончилась, что и увидели собственными глазами многочисленные алакольцы, когда в один из теплых дней пришли на торжество отправки в рейс первого электровоза. На торжестве присутствовало все начальство Алаколя и даже гости из Сортировки, какие и руководили всем этим движением. Как водится, перед электровозом ВЛ-80 перерезали ленточку; машинист с опытом и первым классом, наш Алексей Перович Черепков дал продолжительный локомотивный гудок. Поезд тронулся, набирая скорость. Со станции Моинты его подхватывала другая бригада из Сарышагана, с передачей поезда чиганакской бригаде, а та уже - чуйской. Таков был путь поезда до его последнего пункта назначения.

Случилось все это электрифицированное торжество в 82-ом, когда нашей доче исполнилось уже два и один.

- Двадцать один, - говорила жена, - это же, Сегизбай, уже третий десяток пошел, а наша доча никак не определена. Она у нас ведь одна, потому за нее и такая душевная боль. Вот не ходит на танцульки да всякие молодежные тусовки, кроме как в кино с подружками, не курит и не пьет, как некоторые ее сверстницы. Словом, ведет себя монашкой, и я просто боюсь за ее судьбу... У вас там в депо нет, что ли, порядочных парней в вашей ремонтной

и эксплуатационной среде? Ну ладно, ты снабженец, в техотделе обитаешь, но ты ведь с ремонтниками и с эксплуатационниками общаешься, неужто ни одного порядочного не встретил? А ведь в нашем депо народу-то больше, чем полтыщи, из каких мужики составляют большинство: предприятие-то специализированное, предназначенное водить поезда и ремонтировать локомотивы. Раньше были тепловозы, а теперь - электровозы. В депо ведь и электровозников молодых прислали, так где они?

- Ну, Гульчатай, ты меня просто озадачила. Есть молодые парни, так не буду же я сводить их с дочкой! Знаю еще, что пришел из армии какой-то паренек: служил в каких-то Малай-Сары и год в Алма-Ате, а после дембеля прознал про алакольское депо и про Алаколь, где пошли электровозы, и вот решил посвятить себя железной дороге, водить эти самые электровозы. Живет пока в деповском общежитии, какое никак ОХРой не назовешь, потому как там народу раз-два и обчелся, причем там сбродный народ - женщины и мужчины. Не пойду же я в общежитие узнавать об этом солдате и приглашать к себе в дом для знакомства! Молодые сами же как-то знакомятся, как-то дружат, как-то влюбляются, а потом и женятся. Пусть наша дочь сама себе пробивает дорогу.

- Все это правильно, Темиргали, но ты что, облысеешь, если зайдешь в это общежитие и познакомишься с его народом? Заодно узнаешь, чем общежитие живет и в чем нуждается. Ты же снабженец и все должен знать по своей профессии!

- Ну, ты даешь, Гульчатай! Все, что надо, пусть знает начальство и ставит меня в известность, а я уже буду по своим каналам добывать потребное.

- Все это правильно, но ради нашей дочери ты не можешь прозондировать почву об этом самом солдатики: кто он, откуда, кто его родители, есть ли братья-сестры?

- Нет, Гульчатай, эта работа не по мне. Пусть все идет своим чередом. Коль есть у дочери судьба, она и сведет молодых вместе...

Наверно, я убедил свою Гульчатай: больше она по этому поводу разговоров не заводила. Не заводила ни в 82-ом, ни в следующем году, когда наша Вера как-то сама познакомилась с этим самым демобилизованным солдатом. Звали его Валерием, со стран-

ной фамилией Длинный. Не знаю, на каких танцах они познакомились, и на танцах ли вообще, только дружба у них была крепкая, да такая крепкая, что в марте отыграли мы дочери свадьбу, расписали их, а в ноябре того же 84-го наша Вера родила дочку, назвали Мариной.

Жили молодые с нами же в большой комнате, а мы с Гульчатай - в своей восьмиметровой спальне. Нам никак не было тесно, мы всегда сидели с нею на диване рядом и даже как-то согревали друг друга. Что было неудобно для меня, так это мои чертovsky мысли, какие будили меня среди ночи и заставляли сливать их на бумагу. Свет я не включал, тихо вставал в темноте и шел на кухню, где и отдавался творчеству. Благо, я никому не мешал, да и меня никто не донимал.

Вера иногда вставала к дочери - наверное, кормила ее грудью, а потом снова все затихало. Зять Валерия часто не было дома, потому как он работал помощником машиниста электровоза и пропадавал в поездках.

Как-то при встрече с Алексеем Черепковым я спросил, почему это тогда, при первом рейсе на электровозе, в помощники ему дали бывалого и опытного машиниста Виктора Бугаева? Не нашлось помощника?

- Да нет, дед Кузьма, это начальство так решило: мол, первый электровозный рейс, потому надо сажать на локомотив опытных людей. Мы-то все тепловозники, но ведь всех нас переучили в дортехшколе. Электричество мы знали, потому как его и на тепловозе хватало, а тут электровоз, совсем бывалая техника, какую нельзя было опозорить при первом рейсе. Вот и посадили на локомотив двух опытных машинистов, какие при каких-то технических неурядицах найдут способ безболезненно устранить их... А ты, Кузьма, слышал, уже дедом стал?

- Да, стал счастливым дедом. Счастливы и дочь, и бабка моя, и мой зять.

- Знаю я его, потому как сам его и обкатывал. Боевой мужик, хотя ему всего лишь двадцать шесть. Работу любит, ценит дружбу. Хороший у тебя зять! Считаю, такие нечасто попадают, особенно в наш нынешний, не иначе как прагматичный век...

Время по-своему бежало. Командировки, работа, отчеты, причеты сокращали дни и ночи, а они накладывались на годы. Вроде не успел оглянуться, как внучке Марине исполнилась тройка, а мне - так круглый полтинник. Отмечали без шума и толкотни. В дело так эту дату никто и не заметил, и даже в техотделе все промолчали и даже не пожали мне руку. Конечно, они не знали о моем Дне ангела, я их в известность не поставил - не потому, что надо было разориться на коньячок и после работы коллективно, тут же в техотделе ударить, а потому как молчало само депо и сам отдел кадров, какой должен был о своем народе знать все. О ком-то он, может, и знал, но бывшего слесаря и теперь инженера по снабжению просто не замечал. Виной тому, конечно, был кадровик, но что я ему мог сказать?

О родных зятя я у дочери не спрашивал, лишь со временем его родословная стала нам известной. Оказывается, отец Валерия умер; живы были мать, сестра и брат. На свадьбе их не было, потому как Алаколь от места, где они проживают, отстоит, как Лондон от Нью-Йорка, добираться надо сутками. Родня Валерия сделать этого не могла, потому свадьба прошла без них.

Не знаю, на каком счету я числился в деповских списках, да и в целом по всему депо, только профком вызвал меня к себе, извинился за позднее поздравление с полтинником и вручил ордер на двухкомнатную квартиру в четвертом доме микрорайона. Заявление на квартиру писал зять, где указывал, что жить им впятером со стариками неудобно, сложно и непрактично по нынешним временам. Хотел бы он сам вручить зятю ордер, но Виталий в поездке, и пусть обрадуют его ты или твоя жена, а то и вовсе дочь, какая станет ему еще ценнее.

Так все и получилось. Ордер я отдал жене, жена - дочери, а та уже сделала это при всех за обеденным столом. Зять удивился такому подарку, взял в руки ордер и приложил его к губам. Сделала то же самое и Вера, и даже дали поцеловать его Марине, какая по-своему его и обслуживала.

Переездом в новое жилище занимались без меня, потому как черт понес меня в далекую командировку. По возвращению мы навестили с Гульчатай наших детей и внучку. У них в доме красно-

васлась новая обстановка, которую молодые приобрели сами, без меня и без Гульчатай. Это и правильно: у молодых свои вкусы, наклонности и потребности, им и карты в руки. Что важно, у них поставили железнодорожный телефон, какой стоял у меня как бы не все тридцать годов. Локомотивщик без телефона просто существовать не может, потому как по телефону его вызывают в поездку.

В воскресные дни дочь и мама долго переговаривались по своим трубкам - решали, наверное, вопросы житейского бытия, а может, Вера спрашивала у матери, как приготовить то или иное блюдо, на какие моя Гульчатай была просто мастерица. Вере тоже, наверное, нравится встречать мужа чем-то вкусным и необычным, потому как локомотивщики в пути следования пользуются сухомыткой, а в отдыхаловской столовой едят то, что предлагает казенная столовая. Пельмени, вареники, манты, плов, кашу манную и кашу рисовую в отдыхаловских столовых не готовили, предлагая традиционные борщи, супы, котлеты да гуляши, когда с чаем, когда и с компотом.

А всухомытку в дорогу что возьмешь? Ну, колбаса, ну, сало, яйца, пирожки к чаю, иногда жена на блины с оладьями разорится... Они хорошо идут с чаем или со своим компотом, какой увозишь в термосе, а на столовскую еду, какая существует при любой отдыхаловке, где локомотивная бригада обязана перед следующей поездкой отдохнуть, может даже поспать, надежда слабая. Существовали эти отдыхаловки при любом депо, и при паровозах, и при последующих локомотивах. После поездки бригада должна отдохнуть, это было нерушимое правило...

К 90-ым годам нашей внучке исполнилась шестерка. Она была шустрой и отпетой, как говорила Вера, в детском садике верховодила, словом, была непоседливым ребенком. В садик Вера, разумеется, водила дочку сама. В выходные дни Вера иногда звонила бабе Гале и просила встретить внучку по дороге, потому как она сама просится к бабе и деду. У них по-прежнему для нее много сохранилось игрушек, появились новые, на какие дед не жалел денег. Что-то покупала и бабушка, так что внучке скучать не приходилось.

Бабушка выходила на балкон, видела внучку и махала ей рукой, чтобы она не шла по дороге, а шла близ оградок, что были у

каждого дома. Конечно, баба не выдерживала и мчалась навстречу внучке, брала ее за руку и приводила в дом. В доме кормила самыми изысканными яствами и пила отменным соком, а потом разрешала ей играть, как она хочет, вплоть до того, чтобы ходить на голове - наверное, наша Марина умела делать и это. Случалось, что внучка оставалась и с ночевкой, отчего договаривались с Верой. Конечно, все это было не по моей части, потому я принимал все дела и задумки моей Гульчатай как должное.

В 91-ом нашей внучке исполнилась семерка, но в школу ее не взяли, потому как ее семерка падала на 8 ноября. Печально, конечно, но решили, что школа свое дело знает туго, потому Марина пойдет в первый класс переростком - не сильным, но все же переростком в девять месяцев. Повели девочку в школу коллективно, сдали учительнице, которая и посадила ее за последнюю парту, потому как девочка была выше всех в классе и могла застить доску и все там написанное, когда бы сидела на первой парте.

По дороге из школы размышляли: в 2001-ом Маринка закончит десятилетку, и надо будет определять ее в какую-то учебку. Что ее интересует - не говорит, кем бы она хотела стать - понятия не имеет, да и что можно иметь в первом классе? И мы вряд ли чего знали, когда мы пошли в первый класс. Тут и после десятого голова ходит кругом, потому как не придумывает, в какой бы институт направить свои стопы. Я так три года отдал целине, и только потом друзья сблатовали в училище. А не будь училища, куда бы ты, господин Карпенко, наострил свои лыжи?

Нет, все-таки мы поздно умнеем, думал я. После училища в ШРМ только и колыхнуло идти на журналистику, какой не отдал ни одного дня, пусть диплом и имею. Почему? Потому как оказался тупой по этой части. Сейчас, когда разменял пятерку и иду уже по длинной шестидесятке, вдруг начала прорезаться страсть к писанине. А раньше ты где был, прореха на человечестве? Чего ты делал до пятидесяти лет, отродье питекантропское?

И правда, что ты делал, скажем, сознательные тридцать лет? Что ты делал весь 60-ый год, весь 70-ый и теперь вот 80-ый? Работа, командировки - все это понятно, но на досуге почему бы не взяться за книгу в тридцать, в сорок, в пятьдесят? Потому как ду-

бина, а в голове не мозги, а коровий навоз. А еще журналистику закончил... Да как тебя, тупорылого, туда допустили?!

Вообще, костерил я себя по всем правилам. Считал - делаю правильно. Гульчатай о том не знала, да и незачем ей о том знать. Писанина - это мое личное дело, к семье, к обществу не относится, вреда никому не приносит, только лишь мне лично, обедняя мой ум, мою душу и мое бытие...

А в 96-ом из РГТО пришла горькая весть о том, что умер мой дружбан, мой ОХРовец Никола Дудич. Умер - и все, якобы в автобусном кресле. Весть я получил поздно, когда Николая уже похоронили. Телефона его жены я не знал, отчего не мог даже выразить соболезнование.

Что ж, разговаривал я с собой, тебя, дружок мой, не стало. Павел и оба Виктора не писали, да мы и в целом забыли о существовании друг друга. Слухи доносили, что Виктор Верба якобы покинул Кривой Рог и обитал где-то на самом Дону или на его притоках. О Тривайлове я тоже ничего не знал, и даже не знал, где он обитал. Павло оставался на месте; о Язвенко я тоже ничего не знал, и не знал, на "дембеле" он или нет. По годам он вроде уже должен быть пенсионером, но как на деле - не представлял.

Решил, как только судьба занесет меня в Караганду, навещу семью Дудичей, попрошу отвести меня на кладбище, чтобы поклониться дружбану и вспомнить все, чем жили, как дружили, как помогали друг другу. Скажу Николе так: живу я хорошо, в доме все есть, жена у меня - находка на всю жизнь. Есть у меня дочь, есть зять и есть внучка, какая деда любит, как любит дед и ее. Внучке уже целых двенадцать, скоро будет засматриваться на сильный пол, чего так боится мама Вера, какую воспитали уговорами и всякими примерами, какие женщине просто противопоказаны, пока она слишком молода. У Веры был совсем другой век, у Марины тоже свой век - атомный, электронный и донельзя космический. В этом веке и люди другие, у них, кажется, и мысли набекрень...

А в 97-ом мне стукнула круглая шестерка с нулем. Поздравлять меня в целом было некому, потому как наши дети, поставив нас в известность, умчались на новое место жительства, каким стал для них Новоалтайск. До наших детей туда уехали еще в 92-ом не-

сколько алакольцев, какие писали, звонили и даже приезжали к родственникам на побывку в гости и рассказывали об их российской жизни, где на пенсию мужики уходят в шестьдесят, а женщины в пятьдесят пять, тогда как в Казахстане "дембель" для мужиков наступает в шестьдесят три, а для женщин - в пятьдесят восемь. Локомотивщики в России уходят на свой заслуженный в пятьдесят пять, при поездном стаже в двенадцать с половиной лет, тогда как в Казахстане при том же стаже локомотивщику надо упираться рогом до полста девяти. Есть и еще одно условие для локомотивных бригад: у тебя поездного стажа тридцать и более лет, но тебя по медицинским показаниям сняли с поездной работы, и работаешь на другой какой-нибудь работе. Тебя все равно в пятьдесят девять не демобилизуют, потому как есть условие Казахской железной дороги: последний год перед пенсией, то есть с пятидесяти восьми и до пятидесяти девяти локомотивщик должен отрабатывать на локомотиве.

Локомотивщик и рад бы это сделать, так ведь медицина не дает добро на поездную работу. Вот и приходится локомотивщику с тридцатилетним поездным стажем пахать до государственных для всех мужчин - до шести и трех. А поездной стаж для локомотивщиков в Казахстане такой же, как и в России - двенадцать с половиной лет. В России, имея локомотивщик такой стаж, но работая на другой работе, когда товарищу исполнится по возрасту две пятерки, его торжественно выводят на заслуженный, поблагодарив за труд и сказав: вы свой отдых заслужили своими поездными годами, потому как у локомотивщика работа вредная, как у шахтера, у плавильщика стали у мартена, у сварщика, у летчика, у стюардессы, у балерины...

Поездке детей мы возражать не стали, тем более, что наш зять был кровным локомотивщиком, и он уйдет на "дембель" в России в пятьдесят пять. В эти же годы уйдет на свой заслуженный и Вера, и будут два молодых, в общем, пенсионера воспитывать и растить дочку и сына, какой появился на свет в Алаколе в 90-ом году. Надо будет давать ума Маринке, а там подтянется и сын Артемка. Жилье у Веры с мужем было хорошее, но в общей секции на два хозяина. У Веры была трехкомнатная квартира со своей кухней,

ванной, туалетом, у следующих хозяев - то же самое, но хавирка была двухкомнатная. Хозяева жили сами по себе, друг другу не мешали, потому как делить-то было нечего, кроме общего коридора и общего балкона.

Пенсионная катавасия для локомотивных бригад в Казахстане, вынужденных уходить на пенсию в пятьдесят девять и даже в шестьдесят три годочка против российских пятидесяти пяти, с 94-го по 96-ой сорвала с алакольского депо тридцать две бригады, какие подались отчего-то в Кемерово и на Алтай. Подался в Смоленск начальник депо Кореннов и следующий за ним начальник депо Лапшов, подавшийся, правда, в Германию: у него жена была немка. Зять наш не стал рвать со всеми в Кемерово, а обосновался поближе - в Новоалтайске, какой отстоял от Алаколя всего в каких-то сутках езды. Мы с Гульчатай пока детей своих не навещали, но собирались сделать это при первом же нашем отпуске.

Такой отпуск нам и представился в 98-ом году. Ехали через Караганду, Астану, Павлодар, Кулунду, Ребриху и Барнаул, из Барнаула - через Обь, и был Новороссийск.

Жили наши дети красиво и дружно. Квартира - в четырехэтажном общем доме из красного кирпича, красивая, большая, уютная. Что удивило, в доме не было газоснабжения: газ заменяли четырехконфорочные электроплиты. Подумал - наверное, это достижение века, поскольку, как это не раз писалось и о чем не раз говорило телевидение, газ не раз взрывался, принося разрушения и жертвы.

Как мы заметили с моей Гульчатай, дочь наша Вера жила своей хорошей жизнью. Детки ее росли, учились, муж пахал в поте лица, водил поезда на Черепаново, на Ребриху и на Бийск, бывало, и на Новокузнецкое направление через Батунную и другие станции. Их дочери Марине уже шел четырнадцатый год, а Артемка осваивал свой второй класс. Мы иногда гуляли с детьми, какие показывали нам Обь, большой мост через нее, по какому был въезд в Барнаул. В Новоалтайске дети показывали школу, где они учатся, пришкольный парк и большой спортивный комплекс, куда они оба ходили, по сути, не проявляя себя ни в одном спорте. Ходили просто так и делали то, что заставлял тренер.

Свободное время мы с Гульчатай посвящали алтайским магазинам. В них было все, и даже "Птичье молоко". Вообще, Алтай продуктами не страдал, а насчет тряпок, как говорила моя Гульча, кутайся в них с ног до головы в любое время и хоть до китайской Пасхи. Я себе ничего не присматривал, сделав исключение какому-то блатному карманному блокноту и изысканной авторучке. Гульчатай же что-то смотрела, выбирала, примеряла, но остановилась на каких-то мудреных туфлях, кажется, московской фабрики. Алаколь наш так был завален китайским да турецким товаром, какой привлекал себя только внешне. Я и хотел перед отъездом на Алтай прибрахлиться новыми туфлями, перебрал их как бы не с десятков, но ничего путевого не нашел: на вид были красивые, прочные, моднячие, но, черт возьми, чего же все они без каблуков? Сплошная красивая ребристая подошва, но без каблуков. Обуешь - не туфли, а домашние тапки. Сказал о том продавщице.

- Забудьте, что были при коммунизме. Сейчас обувь выпускают вот такую, молодежь ее любит и носит.

- Так мужчина должен выглядеть мужчиной - хороший костюм, хорошие туфли на каблучке, какие украшают обувь, костюм и мужчину, какой и высокий, и подтянутый.

- Вот о том вы скажите китайцам, а мы продаем то, что нам поставляют...

Правда, ну что же это за туфли без каблуков? Я так всю жизнь прожил, а такого убожества с обувью, как сегодня, не встречал. Наверно, тут виной всему СНГ, потому как он дал волю всем республикам делать то, что они считают для себя нужным. Нужны туфли без каблуков, вот и хватают их у китайцев, у каких что ни возьми, все тут же разваливается. Куда смотрят наши покупатели, не представляю: таких дельцов в советское время услали бы в Магадан на повалку леса. Сейчас ничего никому не скажешь, никому не пожалуешься, потому как жаловаться некому, ведь повсюду частник! А частнику - хрен по деревне, делает, что он хочет. Покупает и продает, что ему нравится, а нравится ли народу, его просто не волнует.

Пришлось поехать-таки в старых истрепанных башмаках времен очаковских, на какие зять посмотрел и покачал головой:

- Дед, пойдем, выберем тебе стоящую вещь, на эти жалко смотреть!

- Знаю, дорогой мой, но у нас все завалено Китаем и Турцией, потому ничего путевого и не смог выбрать на дорогу.

- Мы возьмем нашего российского производства, вплоть до Москвы и самого Питера...

Что мы и сделали. Туфли были аховские, мне нравились, с хорошим каблуком, какой действительно красит и возвышает мужчину и его костюм. Китай и Турцию мы с зятем не встретили, потому как у Алтая хватало ума не покупать китайско-турецкую дребедень. Костюмы ихние, правда, выглядели шикарно, на них молодежь бросалась и покупала, но мы с Гульчатай воздержались, потому как нас хорошо одел еще старый коммунизм и брежневская эпоха.

Как бы хорошо ни было у детей, а домой все равно тянуло: в Алаколе свои родные улицы без машин и выхлопных газов, был свежий воздух и свои такие милые и добрые Абдрахманы, Сегизбаи и Макпалы с Гульчатаями, каких просто хотелось всех обнять - вот обнять, и всё, как обнимают любимых людей. Наверно, в нас с Гульчатай была наша алакольская природа, какая и влекла нас всегда к себе. Я о том даже подумывал написать нечто расширенного очерка, но навалились другие дела, и очерк остался где-то в загоне...

А по возвращению из Алтая руководство депо проводило мою Галину-Гульчу-Гульчатай на пенсию. Депо она отдала около сорока лет и, конечно, заслужила свой отдых. Что-то дарило своей работнице депо, что-то ее сотрудники по отделу; говорили похвальные слова и желали не отрываться от своего коллектива и вообще от депо, которому отдана молодость да вся жизнь.

Дома обсуждали эпизод проводов. Он не нов, потому как стариков в депо - кинь палкой в собаку, в старика попадешь. Довоенного народу в депо хватало, в их число входил и я.

Как я ни крутился, как ни старался делать все для депо, чтобы оно трудилось и процветало, в 2000-ом подошел и мой судный день, и на одной из общих деповских планерок мне также зачитали приветственный адрес с моим уходом на пенсию. Де-

по я отдал сорок один год, был душой производства и коллектива, душой алакольцев и художественной самодеятельности. Словом, мы должны равняться на стариков, потому как они жили в войну, в целину и после целины, они делали все, чтобы жизнь наша была краше и богаче. Начальник отдела кадров еще что-то говорил обо мне хорошее, приятное и возвышенное, что заставляло меня даже краснеть. Ну как же, кадровик не упустил случая сказать, как мы приехали из училища в Алаколь, как обживались в ОХРе, как пришли в депо и выбрали себе работу по душе. А после наш новый пенсионер пошел в ШРМ, закончил его и поступил аж в КазГУ. Ну, в человеке был заложен творческий талант, какой и заставил идти на журналистику. Однако наш пенсионер в журналистику не пошел, а остался в родном депо, да остался на всю жизнь, что можно поприветствовать и отдать должное...

Словом, хвалили меня крепко. Что-то следовало сказать и мне друзьям в науку, молодым - в назидание. Мне ничего не оставалось, как прочесть мое стихотворение, над каким я провел предпенсионную ночь. Конечно, поменжевался, посмущался, поблагодарил кадровика за теплые слова в мой адрес, какие я, может, и не всегда заслуживал. ШРМ - это хорошо, потому как депо заставляло учиться всех, а КазГУ - так повелела жизнь. Однако я верен остался депо, потому как это был мой дом, а все вы - моя семья. Этому я посвятил свое стихотворение:

Эх, доползли и до меня шестьдесят с тройкою,
Какие мне и "дембель" с собою принесли.
Хотел бы я приветствовать их скупыми строками,
Но строки те приснились мне, а потом ушли.
Что мне вспоминать о своей житухе?
Родился пред войною, с войною жил и рос,
Видел в детстве голод, холод и разруху,
Затем они исчезли, а я с судьбою рос.
Как-то жил, учился, видел хлеб и небо,
Поднимал со всеми пласт и целину,
Передовым целинником, как многие, я не был,

Но в стихах я все же прославлял страну.
 Теперь вот мне прославить хочется депо,
 Его цеха, столовую и нашу проходную.
 Прославить коллектив - он дорог, как никто,
 Он держит нашу честь и доблесть молодую.
 Коллектив когда-то нянчил паровозы,
 Грузы поставляя во все концы страны.
 На смену паровозам пришли и тепловозы,
 Их тоже и ласкали, и обнимали мы.
 Теперь примчались к нам и электровазозов сплотки,
 Депо их разглядело и приняло с душой,
 Как солдат пред строем одевал пилотку,
 Что вчерне означало: все будет хорошо.
 И коллектив трудился, не жалея силы,
 Трудится и нынче - всей страны пример.
 Я бы вместе с вами трудился б до могилы,
 Но ко мне нагрянул мой незабвенный сэр,
 Какой и есть мой "дембель" - может, и нежданный,
 За что свое депо и вас благодарю.
 Мы встречаться будем с вами не однажды,
 Потому как всех вас я искренне люблю.

Конечно, хлопали мне даже остервенело, особенно молодой народ, какой знал меня как снабженца и ветерана. Что я пишу стихи, наверно, узнали только теперь и по-своему удивились старому другу, какой еще что-то смыслил в литературе и даже изображал из себя Пушкина.

ГЛАВА 3

Жена удивилась моим пустым рукам, встречая с такого деповского торжества. Сказала:

- Только речи, поздравления и ничего более?

- Наверно, сейчас такое не предусмотрено. Бог с ними! Главное, я на "дембеле", всё остальное наживем. А чего нам, собственно, и надо? Ковры у нас есть так целых три, паласы есть, всякие диваны с креслами - заставились. Всякие сервизы все дочке отдала: нам, старикам, они ни к чему, а молодые найдут им применение. Как нам их сроду не найти, потому как всё было сделано при коммунизме, а тогда народ умел работать и держать свою марку.

- А на меня вот разорились, ковер преподнесли, сервиз вон какой подарили...

- Ты - женщина, тебе и должны больше уделять внимание. А мы кто такие? Привидения в штанах.

- Но мужик, он ведь и в Африке мужик. Что сделает страна без мужика? Да ничего не сделает! У мартена стоять надо? Надо. Водить поезда надо? Надо. В шахтном забое уголек добывать надо? Надо. А стоять на границе, защищать родные рубежи надо? А кто же это будет делать, как не мужик-солдат? А ты говоришь - привидения... Да на такие привидения молиться надо!

- Хорошо, Гульчатай, я во всем согласен с тобой. Мужик должен цениться в стране, как и женщина. Я бы так завалил мужиков деньгами за то, что они в шахте, у мартена, ведут поезда, машины и самолеты, стоят с автоматами на границе, с кораблем на море, с ракетами защищают небо и свой близкий космос...

- Много ты хочешь, Темиргали! Слесарь, что ремонтирует электровазозы, сколько получает? Правильно - хрен да маленько. А женщины, скажем, те же электровазозные обтирщицы? Если не

слезы, то капли от них. А наши бухгалтеры, расчетчики, финансисты, техотделовские работники? Вот ты, например, инженер по снабжению. Сильно ли ты завалил меня деньгами за всю свою производственную жизнь? Сможешь ли ты, тем более, мы с тобой рвануть, как это делают иностранцы, в Грецию, в Турцию, в Таиланд, в Сирию, в Египет? Да земля провалится, а мы с тобой там никогда не побываем, потому как карман пустой... Конечно, не голодаем, голые не ходим, сыты, одеты в красивое и даже изысканное, в доме и телевизор, и проигрыватели, видеоплеер с разными "Играй, гармонь", Кадышевыми и Бабкиными. Иностранцы говорят, что на пенсии они только жизнь начинают, потому как путешествуют по белу свету и видят самые экзотические города и страны. Конечно, на пенсии времени сколько хочешь, вот и смотри белый свет, что иностранцы и делают. А наш Иван может ли позволить себе такое? Вот мы, Тугамбай, можем?

- Да ни в жисть, Гульчатай! Тут не до хорошего, так хоть бы на один из крымских курортов попасть, как было это при Союзе, где мы с тобой бывали не раз: в Ялте были, отдыхали, в Алуште в доме отдыха дельфинов на море наблюдали, в Севастополе любовались Черным морем и кораблями. И в Евпатории отдыхали в доме отдыха. В Москве отдыхали, в Питере жили у знакомых. Ездили к твоей родне в Нарву, в Кохтла-Ярве, в Куйбышев, в Воронеж. Отдыхали в Белоруссии, Минске и в Молодечно, дважды отдыхали в Сухуми, дважды в Кисловодске, бывали в Пятигорске на месте дуэли Лермонтова, бывали там же и на его первом погребении, сохраненном нашими предками для потомков. Ну, а у себя мы в Боровом отдыхали. В Манкенте на отдыхе пятки мочили. В Капчагае купались? Безусловно. Ну, а в Новосибирск нас носило, в Абакан, Черногорск, в Минусинск, в Шушенское носило? Носило. По Вильнюсу блукали... Где мы с тобой за свою жизнь только ни побывали!

- Где-то ты шарашился и без меня, Темиргали...
- Правда, что-то было и без тебя, когда отпуска не совпадали.
- В целом мы объехали пол-России, за что скажем спасибо тому времени, какое звалось СССР. Правда, вот удивительные есть на земле люди! Кому мешал великий СССР? Ведь иностран-

цы здесь и пальца не приложили для разрухи великого Союза. Они сами тому удивились, что СССР взял и тут же исчез. Такая огромная страна в триста миллионов человек взяла и развалилась на составные части, какие теперь живут сами по себе. Москва кувыркается со своим народом, Киев - со своим, Минск - сам по себе и свои лапти плетет. Ташкент со своими людьми так не всем дает хлопок, Азиатский регион строит свою жизнь и свою экономику, выращивая хлеб, скот и детей будущего. А нам, простым крестьянам, чего остается? Просто принимать, что есть, что дают нам время, общество и политика.

- Вот ты, Гульчатай, правильно обо всем рассудила. Нам, нынешним, не суждено звезды хватать с неба. У нас, у простых людей, свой маленький мир. Богатства нам не надо, его не было прежде, когда мы оба трудились. Для жизни у нас было все: дочь вырастили и выучили, обуты, одеты и сыты были всегда. Не было только легковушки, но мы к ней и не стремились. Никола Дудич стремился, он ее и взял; Павло не стремился, потому как у него лыжи все время были наострены на родину. Так что жизнь мы прожили хорошо.

- Хорошо живут и наши дети, дай Бог им здоровья, другого мы и желать им не будем. Будет здоровье, остальное они добьются сами. Мы же свою жизнь сделали? Сделали. В люди выбились? Выбились. Теперь вот мы оба пенсионеры, можно сказать, отбросы общества. Это на мой старческий взгляд, а в целом, как мы видим, страна не забывает своих стариков, постоянно повышает пенсии, к торжественным дням депо приносит подарки. Жить, в общем, можно, только все-таки жалко стариков, с какими я встречаюсь в магазине, в бане, да и на наших дворовых посиделках. Послушаешь бабок, столько у них болезней разных и недугований... А все потому, что в молодости не следили за собой, отдавая себя только производству, Хрущеву и коммунизму с целью, а потом и Брежневу, увеличивая его награды. Вот скажи, что Брежнева понесло в Афганистан, где он столько положил молодых жизней советских солдат? Чьи интересы он защищал? Ведь не Советского же Союза?

- Тут, Гульчатай, своя политика, в какой нам не разобраться и

не понять. СССР отдал концы без всяких революций, без всякого Великого Октября. Ленин создал СССР, а потомки взяли и разрушили его. Семьдесят лет советские люди высоко несли знамя Ленина, а вот такие, как Ельцин с компанией, это знамя и угробили. Не знаю, будет ли в том когда-либо разбираться история, только сейчас все тихо и мирно. Все живут, все жуют, у всех стран новое СНГ - свое небо, свои границы, свои столицы, свой мир, своя политика, свой характер и своя душа. Может, в том тоже есть свое достижение. Может, большой СССР просто изжил себя, потому как изменилось историческое тысячелетие... Был у нас век Олега, Игоря, Ольги, Дмитрия Донского и Александра Невского, Ивана Колиты и Ивана Грозного, прочих Иванов до Петра Великого, прочих Екатерин и Елизавет с Александрями да Николаями, вплоть до последнего Второго, а потом уже наступил большевистский век Ленина, какой продержался до самого нового летоисчисления, до нашего двухтысячного. Ну, а тут свои же политики и сделали великому СССР харакири, порезав и поделив его на части...

- В целом ты прав, Темиргали: все это политика, какая простому народу недоступна. Говорить можно о том сколько угодно, лишь бы только нас не трогали. Мы вот живем, хлеб жуем, жизнью и пенсией довольны. Чего нам еще надо? Хочет страна строить капитализм - пожалуйста, пусть строит, пусть во всем правит частник, даже человеческой душой. Живет же мир частным сектором, и ничего, справляется, даже на Луну летает, собираясь даже на другие планеты...

Подумал: бабка моя тоже умеет мыслить аналитически. Не знаю, какие у нее товарки на посиделках, но моя бабка особенная, какая может фору дать любому. Конечно, о писанине своей я с ней не делюсь, да, думаю, это и правильно, потому как творчество всегда было во все века индивидуально. О "Войне и мире" Толстой ведь не делился с женой или Тургеневым, или с Некрасовым, или с Герценом, так и я не намерен посвящать свою жену в свои творческие планы. Благо, что моя жена не интересуется просто из женского любопытства: чего это я ночами черкаю и черкаю?

А в 2007-ом мне стукнула круглая семидесятка. Об этом наверняка знали мои братья Иван и Анатолий, какие примчались в Алаколь из Караегина, другой - из Степногорска. Пришла со своею семьей сестра Галины Светлана, и, что удивительно, пришли поздравить аким Алаколя и его заместитель. Приглашать такую элиту у меня самого просто не хватило бы духу, но, как это часто происходит само собой, высокие товарищи пришли сами поздравить меня. Такой большой свет в своей квартире я не ожидал, но аким и его заместитель были удивительно просты и учтивы. Аким произнес поздравительную речь:

- Семь десятков - это все-таки красивый юбилей. Старики говорят, когда в твоём дне рождение есть семерка - это значит к счастью, это значит, человек будет счастлив и проживет долго. Кузьму Андреевича мы знаем давно - он ветеран депо и всего железнодорожного транспорта, он активный участник художественной самодеятельности и даже поэт, стихи какого мы читали в районной газете. Ну и что важно, Кузьма Андреевич не отрывается от общественной жизни, поддерживает и агитирует многие акимовские начинания.

Нечто подробное говорил и заместитель акима, накинувший мне на плечи изумительный чапан с такой же изумительной шапкой. В таком красивом цветном одеянии я оставался до конца моего юбилейного вечера, не снимая его даже после провода гостей. Братья мои, конечно, остались с ночевкой, потому как нам было о чем поговорить и что вспомнить. Братану моему Ивану в то время стукнуло аж две семерки, а Толик еще считался пацаном, потому как ему едва перевалило за две пятерки.

На другой день семейно посидел и поговорил с братанами. У пенсионника дела шли хорошо, дочери писали и звонили. Только вот дом был пуст и скучен без жены, поскольку ту уже лет пять как прибрал Бог к себе. Вновь найти бабку непросто, потому как они вот не доживают до его возраста, а шестидесятилетние не слишком рвутся ухаживать за стариком, готовить ему да обстирывать, топить печь да выгребать золу. Так это все Иван проделывал сам уже много лет, и где этот конец его мучений и одиночества, братан мой не знал. Правда, нечасто братан оставался один

со своим временем и со своими мыслями - приходили друзья по старой работе, по целине, сидели, говорили и даже по-стариковски ударили "пузырек". Такие встречи нравились, потому как они скрашивали одиночество и возбуждали. Приходили друзья с "пузырем", а то и с двумя, когда собиралась за столом тройка. Песен не пели, а говорили много - о том, что было в далекой молодости и что есть теперь. Разница существенная...

Билеты на поезд я покупал братанам сам, от их денег отказывался и даже матерился за то, что они мне эти деньги старались впихнуть в карман. Братанам ничего не оставалось, как только благодарить меня и приглашать к себе в гости. Теперь, мол, и ты пенсионер, так что тебя ничего не держит, потому приехать к братанам надо непременно...

С Гульчатай рассуждали: сойдет март-апрель, наступит лето, а там, поближе к осени, надо планировать поездку к детям. В Алаколе-то нам чего делать? В кино уже как лет двадцать не ходили, да его уже и не показывают по клубному экрану, потому как его заменил домашний голубой экран. Телики были у всех, у самых крутых даже по два стояло в доме - один для детей, другой для взрослых. Дети смотрели свою программу, а взрослые так выбирали свою. Мы, правда, в своей семье до этого не дошли, а, наверное, надо бы.

Гульчатай моя с детьми разговаривала часто и густо. Звонили ей сама Вера, зять, набрасывалась на телефон Маринка. С внучкой у нее были особые разговоры - тайные и долгие. Я засекал время и просто не знал, где можно столько находить тем, мыслей, слов. У них же это с внучкой получалось. Бывало, звонила и сама Гульчатай. Случалось это на дни рождения детей и внуков. Оставить их без поздравления баба Галя не могла - не той она была крови, чтобы такие даты пустить на самотек. Я к трубке не прикасался, все поздравления шли от нас обоих. Я лишь однажды позвонил лично внучке и попросил ее почаще самой вызывать бабу Галю, какая от звонков своей внучки просто светлела, млела и молодела. Марина обещала делать это чаще, поскольку ей и самой приятно говорить с бабулей, какая знает все алакольские новости: кто из ее друзей женился, вышел замуж, у кого появились дети...

А Марине, как мы знали, уже было двадцать три; она удачно окончила институт культуры и работает в какой-то культурной сфере. Пока не замужем, но, по ее словам, дурное дело нехитрое, так что ее счастье от нее не убежит.

ГЛАВА 4

Наша "пенсионка", как жаловались некоторые наши пенсионные друзья, навалила на них уйму свободного времени, с каким они не знали, как справиться и куда его приткнуть. Мужики во дворе, правда, находили отдушину - рассаживались за длинным дворовым столиком, сколоченным из обычных досок, но хорошо строганных и хорошо подогнанных друг к другу, и коллективно бились в домино. В другой раз разбрасывали карты в "подкидного дурака", отчего время короталось и летело в тартарары. Компанию друзьям я составить отказывался, отчего меня называли "общипанным интеллигентом". Почему "общипанным", я представления не имел, о чем даже спросил у своей Гульчатай.

- И я не знаю, Темиргали, что они имеют в виду. Возьми да спроси у них сам!..

Ничего, конечно, спрашивать я не собирался, просто здоровался с их компанией и уходил навестывать свои старческие ежедневные три километра в одну сторону Алаколя - на телевизионную вышку. Обратно шел тем же путем, что в сумме составляло шесть километров, на что уходило час с небольшим. Шел я нормальным прогулочным шагом, по нормальной асфальтированной дороге, какая подводила до всего телевизионного комплекса, огороженного высокой металлической оградой с табличкой на воротах: "Посторонним вход запрещен". Конечно, я был посторонним, и намерений зайти в это заведение у меня не было.

Маршрут же в три километра мною был освоен и использовался уже много пенсионных лет. По телевидению, правда, показы-

вали пенсионеров, у каких маршрут укладывался аж в двенадцать километров, на что тратилось час в одну сторону и час в другую. Говорили, что здоровье требует жертв, на что и тратилось пенсионное время ходака. Другие пенсионеры, подтянутые и стройные, и вовсе занимались стайером, не ходя, а пробегая какую-то свою дистанцию. Себе же бега я не позволял, потому как у меня было не крепкое сердце рабочего человека, а, правда, "общипанного интеллигента", какой в своем спортивном одеянии, наверное, и выглядел общипанным.

После моего возвращения с прогулки жена спрашивала:

- Appetit нагулял? Питаться будем?

- Конечно, будем. Appetit, и правда, после такого вояжа прибавляется. Молодцы все-таки телевизионщики, какие рекламируют зарядку, хождение, стайер в разных ипостасях! И правда, я чувствую себя после прогулок просто окрыленным, отчего мне и писать хочется.

- А мужики по сараям да гаражам кучкуются и дают "родимую". Вреда они никому не приносят, но их жены катят на них баллоны: мол, ладно бы они одним "пузырем" обошлись, так они ведь домой на бровях приползают, а то и вовсе стойку на ушах делают. Какой жене это приятно? Ладно, что ты у меня не такой, за что я тебе к пельмешкам даже налью тридцать граммов и себе столько же. Если уж совсем понравится, можем повторить, отчего и приговорим все пельмени...

Жену в этом плане оставалось только расцеловать, что я и делал. А по дальнейшей части жена занималась своими делами, а я листал и читал написанное прежде. Что-то нравилось, что-то вычеркивал. Ну зачем удлинять произведение? Ну, сделать его коротким, компактным, как "Герой нашего времени" у Лермонтова, "Отцы и дети" у Тургенева или "Капитанская дочка" у Пушкина... Привел бы я сюда и "Горе от ума" Грибоедова, но там стихотворная форма, но какая сжатая, какая понятная и какая полностью раскрывает всю задумку автора. Вот у кого надо учиться писать, у этих великих людей своего времени! Ну, чего это Толстой растележил на целых два или три тома своей "Войны и мира"? А "Анна Каренина"? А взять того же "Петра Первого" Толстого, но

уже нашего времени? Так эту чертову книгу надо на плечах носить, потому как она толстая и весомая, как мешок соли... Нет, я такого допустить не могу и буду писать коротко, как того советовал, кажется, Чехов.

А пенсионное время все равно бежало. В 2011 году дочке Вере стукнуло пятьдесят. Мама поздравляла ее по телефону, желала всего наилучшего и здоровья в первую очередь. Поздравлял и я как отец: я был более сдержан, желал счастья и здоровья им и их детям.

А детки нашей дочери тоже росли. Маринке стукнуло уже двадцать семь, она была замужем, жила отдельно, и у нее росла трехгодовалая доча Настя. Муж у Марины хороший, бывалый разбитной мужик, который был старше ее на десять лет, а потому знал жизнь, знал любовь и умел ценить ее. Внучку нашу он истинно носил на руках, свозил ее даже посмотреть белый свет, под какой на первый случай почему-то попала Корея, возвратившись из какой, ее Дима подарил ей изысканную "Вольво" или что-то другое, но иностранное. На "Мерседес" ее машина не была похожа, но в целом была классная и не равнялась распространенным "Жигулям".

День рождения нашей дочери падал на 16 марта, потому в холодрыгу мы не стали выезжать на Алтай. Все-таки мы старики, говорила моя жена Вере, и любим тепло, уют и покой. Вот наступит лето, тогда можно и ожидать нас, можно поболее у вас покантоваться. У нас, у стариков, все нормально, Алаколь цветет и пахнет духом добра и достатка, духом дружбы, довольства и труда. А сын нашей Веры Артем в том же 2011 -ом пришел из армии и трудился на "железке" - водил поезда, но помощником. Жил у родителей, был холост и, кажется, заочно постигал какую-то науку. Железнодорожная ли она была, я не знал, некогда было поинтересоваться, но что связана его учеба с железом, это было точно.

Муж Марины владел какой-то фирмой по продаже автомобилей и еще чего-то, часто бывал в командировках, вплоть до Москвы. Дела у него шли отменно, почему отменной была и жизнь нашей внучки. За нее мы болели особенно, потому как она была первая мамина доча, ходила в алакольский детсадик и часто пропадала у деда с бабулей. Внучка наша смотрела на мир и на нас с бабушкой всегда восхищенно, как умели делать это только дети.

Она говорила, что в садике ей почему-то не хватало какого-то тепла, а у бабы с дедом ей хватало с избытком.

Свои свободные вечера после прогулок я отдавал баяну. Вот просто садился и брэнчал. Конечно, брэнчат на струнах, но я кнопками выдавливал то песнь, то брэнчание. Удовольствие, однако, получал, удовлетворялся и умилялся. Все-таки музыка тоже была моей страстью. Алексей Петрович Черепков уже не так удовлетворялся художественной самодеятельностью: то ли постарел белый свет, то ли постарели мы сами, только самодеятельности мы уже не отдавались с такой страстью, как это было прежде.

Петровичу в 2011-м стукнуло восемьдесят два, мне - семьдесят четыре, а нашему другу Бугаеву - две семерки. Народ в целом мы были немолодой, годы гнули и нас, но творческую марку в самодеятельности все-таки старались держать и вроде неплохо ее держали. Бывало, что акимат приглашал нас на какие-то общественные торжества, и мы давали свои концерты. Пели в хоре все, и Бугаев тоже, а мы с Черепковым сопровождали все песни в два баяна, что публику возбуждало и шокировало. Два баяна - это все-таки была концентрация духа музыки, песни и души исполнителей, что хорошо видел, чувствовал и воспринимал зал.

Наши индивидуальные музыкальные проходы дуэтом на баянах публику всегда возбуждали: она понимала музыку от классических нюансов до современной интерпретации и где-то даже просила на бис. Мы не отказывали, потому как были люди исполнительные, к тому же, мы получали и свое удовольствие. Нам, старикам, чего еще надо было? С Петровичем мы как-то обрабатывали новую музыкальную постановку с костром на сцене, изготовленным из электродов, распущенных веток и красного материала с миниатюрным вентилятором. Народ сидел у костра на закате дня и пел нечто деревенское, как "На закате парень ходит возле дома моего, поморгает мне глазами и не скажет ничего". Потом решили эту песню заменить на "Дайте в руки мне гармонь - золотые планки, парень девушку домой провожал с гулянки". Представляли, как это будет выглядеть и как будет восприниматься зрителем. А "На закате ходит парень" решили сде-

лать первоначальной, выходной на сцену парами, гуляющими под ручку с баянистом впереди шествия-гуляния, посередине и с замыкающей парой. Одеты все в деревенское одяние с цветастыми фартуками и длинными юбками, а мужики - в вышитых рубашках, в сапогах, куда заправлены брюки, и в цветастых кепках с цветком у козырька. Постановка получалась красивая, но временем забытая, что и возбуждало бы публику...

Пока своими планами о своей самодеятельности мы с Петровичем не делились и не знали, осуществим ли когда-либо наши задумки. Минул год 2012-ый, минул и 2013-ый, а у нас все оставалось по-прежнему. В 2012-ом так мы дали концерт в честь 75-летия нашего незабвенного Алаколя, в 2013-ом - в честь Дня железнодорожника, а в 2014-ом нас пригласили на 1 Мая в наш райцентр.

Алакольский район был ликвидирован еще в 1997-ом году, как и его Жезказганская область. Чем они мешали государству - не понимали, но считали: раз государство так решило, значит, так надо. Исчезли с карты Казахстана и Тургайская область, и Молодежный район в Карагандинской области, исчезла и Семипалатинская область. Исчезли, наверное, и другие области и районы, но алакольцам был близок и дорог свой Алакольский район и своя Жезказганская область.

В новом райцентре нас хорошо принимали, потому как мы здесь бывали не раз и также давали свои концерты. Райцентр был втрое меньше Алаколя, и отстоял он от железной дороги на добрую сотню верст, однако это не смутило ликвидаторов областей и районов. Алаколь, однако, жил, строился, украшался, рос и так же водил поезда, что ему и предназначалось страной, железной дорогой и всем его существованием.

Как складывалась моя жизнь в целом? В мае 2012 года умер мой брат Иван; в 2013-ом мы ездили с моей Гульчатай к детям на Алтай, где нас ждали и где у нашей внучки Марины на руках была уже вторая дочка, какая еще не отрывалась от материнской груди. Брели и мы правнучку на руки, сравнивали, на кого она похожа - на маму или на папу. Выходило, что на них обоих... Главное, что в ней была та же красота, что у мамы и папы, и в ней

был дух нетленной жизни алтайского создания. В апреле 2014-го этому созданию исполнился годик, и планировали навестить всех их в лето-осень этого года. Правнучка Карина уже будет видеть нас и, может, даже будет лепетать: "Деда" и "Баба". Но пока на дворе был только май.

ГЛАВА 5

Не знаю, не знаю, как будет в дальнейшем складываться моя жизнь, только в 2014-ом мне исполнилось две семерки. Посидели с женой, погоревали, что годы бегут, наши годы... В том же марте 2014-го Гульче моей так исполнилось семь и пять: тоже не детские годы, но что поделаешь?

Мои семь и семь так ознаменовались выходом в свет в карагандинском книжном издательстве моей пятой книги в тридцать экземпляров. Все первые я делал в полета, но последнюю решил в тридцать: ну, половину раздарю друзьям и родне, а вторую половину куда девать? У меня и первые четыре книги лежат без движения, я просто не знаю, куда и кому их сунуть. Вот теперь и пятая появилась, прозаическая. Итого - два стихотворных сборника, роман, книга очерков и последняя прозаическая повесть. Гульчатай сказала: не жалко средств на эти книги. Деньги; конечно, нас кормят, поят и облагораживают, а книги - это останется память обо мне. В мои семь и семь не надо слишком надеяться на величие нашей медицины, какая, конечно, помогает, когда ты захихал или подхватил грипп. А сколько таких, какие просто заснули и не проснулись, как, скажем, случилось с моим братаном? Вот ничего и не говорил, ни на что не жаловался, просто заснул и не проснулся... Точно так же было и с мужем известной нашей певицы, который тоже не проснулся.

Насчет того, как бы мне протянуть еще несколько лет, поделился с моей Гульчатай, на что она мне резко сказала:

- Не занимайся инфантилизмом! Сколько Бог даст, столько и протянешь... Чего это тебя на потусторонний мир потянуло?

- Так мне же, Аделаида, уже две семерки, а это опасный возраст. Кто из наших алакольцев дотянул до этих лет? Я, Петрович да Бугаев. Кувыркаются, правда, еще с десяток каких-то замороженных, но их по Алаколю не вижу, да они от немогущности своей и на свет белый не выходят.

- Может быть, но вас пока Бог и время сохраняют - так устроена ваша жизнь.

- Это, наверно, и правильно с одной стороны, а с другой, Ангела Меркель, годы-то у меня нешуточные...

- А у меня? У меня семь и пять - это девчоночьи годы?

- Нет, конечно, но все-таки меньше моего. Тебе до моих лет надо еще телепаться да телепаться целых семьсот дней, а за эти семьсот так я буду тереться уже у самой восьмерки. Есть разница?

- Разница, конечно, есть, но несущественная, так что оставь свои приبلудные мысли. Мне вообще, Иоганн Вайс, не нравятся твои заскоки насчет долголетия. Чего нам говорить о нем, когда мы ведь под Богом ходим? Кому-то дано прожить восьмерку, кому-то девятку, а кому-то и всю сотню. Показывают же по телику таких долгожителей? И ничего, выглядят они геройски, помнят детство, юность, молодость и всю войну, какую им пришлось пережить. Был ранен, а выжил и вот даже до ста лет дотянул...

- Ну, исключения в жизни бывают, только они вряд ли нас коснутся. Живем мы в каком месте? Да на тыщу верст от нас нет ни одного кустика, нет ни одного деревца! Поезжай в Жезказган, в Саяк, в Кургальджино, в Тараз, в Шымкент - увидишь там хоть один лесочек сродни таежному? Да ни в жисть! А в предгорьях Алматы есть леса, в самом Алматы - сплошной лес, как и в других южных городах. Хорошие леса в Кокшетау, Боровом регионе, в районе Зеренды, а так в округе Костаная, Тобола, Атбасара, Есилья, Акмолы, бывшей Тургайской области не встретишь ни единого деревца, чтоб срезать ветку и отгонять ею мух и комаров.

На деле все так и было, есть и будет всегда. Может, потомки будут умнее и богаче нас, они и высадят в неоглядной степи целые рощи и превратят свой край в таежный рай. Степи-то в Казахста-

не сколько пустуют? Кроме хлебных полей, остальные не знали ни лемеха, ни плуга, ни бричных, ни машинных колес. Такая наша огромная держава, где только на одной Карагандинской области можно разместить всю Францию...

В наш атомный и электронный век, думается, люди не слишком могут заживаться. Ну, я и мои друзья протянули за семерку, так мы-то довоенные, "тридцатники", у нас и гены-то остались с того времени, когда человек только-только увидел трактор и автомобиль. Дышал он каким воздухом? Да дышал он чистым небом, небом солнца и луны, духом чистой земли и степного поветрия с запахом мака, зеленых трав и волнистых ковылей. Он выходил в степь, рвал первый степной лук и щавель, какие давали живительные щавельные щи. Вот оттого человек и жил долго, потому как не дышал, как теперь, угаром автомобилей всех марок и всех размеров...

Словом, себе я желал только одного - протянуть, чтобы я разорился еще хотя бы на одну книгу, вот эту. Может, она и станет для меня последней, а может, воскресит спящие во мне мозги и силы, какие подвигнут еще на творчество и еще на какую-нибудь, только уже необыкновенную книгу типа "Войны и мира". Мне же, правда, больше по душе "Герой нашего времени", в плане какого я хотел бы создать своего героя, и тоже нашего времени, но отстоящего от времени Печорина, Максима Максимыча и Бэллы ровно на два столетия.

В целом, как я заметил, моя долгожительская проблема стала донимать меня с той поры, когда мне стукнула круглая семерка. Ну, было хорошее застолье, пришло даже акиматовское руководство: они сделали мне презент своим внезапным появлением. Ну, акимат меня знал, как и знал Алексея Петровича с Бугаевым по художественной самодеятельности, да и вообще, как ветерана труда по депо. Приехали и мои незабвенные братаны. Были слова, поздравления и подарки. Чего человеку еще нужно? Мне лишь требовалось время, чтобы создать и издать эти самые пять книг, какие вот теперь лежат передо мной. В них я вложил, что знал, о чем думал, о чем мечтал, что прожила моя семья и я сам от рождения и до сегодняшних седых волос, каких осталось на моей голове, поддающихся прическе, девятнадцать или двадцать волосин.

В целом же, если хорошо подумать, жизнь у меня прожита большая. В 2014-ом так и вовсе мне стукнуло семьдесят семь. Вспоминаю какую-то цыганку, какая нагадала моей Гульчатай, что семерка в жизнь человека приносит богатство, долголетие и счастье. Ну, богатства как такового я не нажил, не имею даже велосипеда, не говоря о легковушке, какие сейчас имеют мои друзья Черепков и Бугаев. У Черепкова так еще и велосипед имеется, на каком он рассекает воздух по Алаколю, делая свои вояжи по друзьям, магазинам и к какой-то тетке за молоком, у какой он каждую неделю снимает трехлитровую банку.

Молоко, говорит Петрович, спасает человека от голода, от холода и от кашля, простуды и чихания. "Моня" - это такой продукт, от которого укрепляются все мышцы, молодеет лицо, и человек просто растет. Ребенок от молока груди матери какой становится? Правильно - большим, красивым и рослым. Год пососал эту самую мамину "моню" и тут же начал ходить за ручку, а то и сам лично вдоль дивана, кровати, кресел. "Моня", в общем, целебный напиток, какой надо пить от рождения и до смерти.

Мы верили Петровичу и в чем-то даже сочувствовали ему. Ну, во-первых, он уже как бы не лет девять живет без жены, какая покинула этот свет, своего дорогого Петровича и своих трех деток, почив не в Алаколе, а в Алматы, в столичной лечебке; в Алматы она и похоронена. Что обидно Петровичу, вслед за женою умер и взрослый сын, работавший отменным телевизионщиком и программистом. Теперь остались у Петровича две взрослые замужние дочери со своими детками. Дочери навещают отца в Алаколе, как и отец навещает их в Алматы.

Коснулась беда и другого моего друга - Виктора Бугаева. Странное совпадение: у него тоже две дочери и сын. Он сам, жена и одна дочь красиво и счастливо проживают в Алаколе, а вторая дочь со всем своим семейством - в нашем Боровском Акколе. Там же, в Акколе похоронен и сын Виктора Ивановича Бугаева, который родился, учился и всю жизнь прожил в Алаколе, работая офицером в алакольской милиции, но коварная болезнь сразила его не дома, а в Акколе, где он просто гостил у сестры. Смерть была, как и у моего брата: заснул и не проснулся...

Такие вот у меня друзья по художественной самодеятельности, по нашей извечной "железке" и по родному депо, какому мы трое отдали по целому сороковнику, и даже с прицепом. Когда сходимся на самодеятельности, смотрю на Петровича - ему восемьдесят пять, на Бугаева - его поджигает восьмерка, круглый восьмидесятник, а мне пока 77. Но почему они выглядят молодо и боевые, как электровеники, выглядят, как новый огурец, а я между ними, как старая заскорузлая репа? А все, наверно, потому, как у них по трое детей, а у меня с Гульчатай одна наша Верунька. А почему? Да потому что у меня, наверно, такие гены, не дающие организму живительных сил...

Ну, рассуждать о том можно сколько угодно, только в этих самых генах наверняка существует какая-то закономерность. Ну почему бы Гульчатай не родить хотя бы двойню? Нет, одна вылупилась - и все, а там, и правда, хоть вой на луну. Так что человек - создание непонятное, скрытное, неизученное и тайное на все века. Как бы наука ни развивалась, полностью человека она понять не может. Уж какие он гены взял с собой, вступив впервые на Землю, будучи на заре своего рождения и пещерным, и питекантропом, и неандертальцем, и первобытным человеком, умеющим добывать пищу и спланиваться... А когда добылся огонь, жизнь человека вообще пошла в гору: он застенялся ходить голым и начинал понимать дружбу, коллективизм и семейство, рождавшее близких по духу и по крови людей. Нет, человек все-таки сложное природное создание, чего отрицать, наверно, никто не намерен.

А о своей персоне я все-таки думаю. Думаю, как бы мне и вправду родить героя нашего времени, героя 2000-го и даже первого его двадцатника. Ведь он совсем не тот, что был при Лермонтове, при всех Александрах и Николаях, при ленинском и сталинском режиме, при хрущевской и брежневской оттепели. Сегодняшние правители вклинились в новый век и в новое летоисчисление, они создают и украшают землю, но они создали и такое оружие, какое может породить великую войну, какая уничтожит человечество и все живое на Земле. Такое предвидят ученые и экстрасенсы, астрологи и выжившие из ума люди.

В целом, все это проделки и выдумки западных заумников, о чем иногда приходится читать и в нашей прессе. Ну, Запад на выдумки мастак, потому ему и прощаются все его предвидения. Слабонервных нынче не слишком найдешь, но Запад старается.

В целом, заканчивая это повествование, скажу, что у нас с моей Гульчатай-Галиной, со всеми ее виденными и невидимыми и просто надуманными именами, о чем мы давно договорились именовать себя так, старческая наша жизнь идет в своем русле, как, наверно, и у тысячи наших алакольцев. Пенсионный достаток нас устраивает: мы не шикуюем, но лишние денюжки у нас водятся, чем мы и помогаем нашим детям. Они же ругаются, брыкаются, потому как в помощи не нуждаются - им хватает и своих средств, потому как все они работают. Алтай, тот же Новоалтайск любит тех, кто трудится, а потому и воздаст им должное.

Новоалтайск мы с моей бабкой навещаем регулярно, радуя наших детей, наших внуков и правнуков. Марине в этом 2014-ом исполнится тридцатник, Артемке - двадцать четыре, нашей Вере - полста и один, а ее мужу Валерию - полста три. До пенсии им обоим пахать да пахать, что они и делают. Валерий по-прежнему водит поезда, и "дембель" у него предстоит в полста и пять: такие в России законы, за что россиянам следовало бы за это поставить памятник. Вера тоже уйдет в полста и пять, потому как женщина в России уходит на пенсию именно в эти годы. Как это было при Ленине и при Сталине, при Хрущеве и при Брежневле, так осталось и теперь с в 2000-ом, 2009-ом, 2014-ом, и, может, останется и в 2020-ом.

На досуге я иногда спрашиваю у своей бабки:

- Вот скажи, Луиза Темирбаевна: я, скажем, отбросил копыта, ты останешься одна до конца своих дней или найдешь себе какого-нибудь горбатого? Ты еще ничего смотришься - не пополнила, не потолстела, как некоторые из твоих товарок на заваulinке во дворе, так что можно и найти себе пару, чтоб было кому подать стакан воды...

- Сказала бы я тебе, мать твою, да сковородкой по твоей дурной башке, чтоб ты и впрямь отбросил копыта! Чего это я буду приводить в дом кого-то? Да никто мне не нужен ни теперь, ни когда-ли-

бо! А если что и случится, то дети заберут и глаза мои закроют. В целом же, у меня под боком сестра Света, ее детки, ее дочь Танюша, какой я уж точно дала бы закрыть мне глаза, бросить землю и помянуть меня со всеми алакольцами, каких я всегда любила.

- Ну, коль так, Макпал Данияровна, тогда я копыта отбрасывать не буду ни в четырнадцатом году, ни в двадцатом, а буду всегда подле тебя, и ты подле меня. Если до двадцатого дотянем, то получится, что мы вместе будем шестьдесят лет. По телеку слышал, какая-то семья у нас в республике прожила вместе именно шестидесятник, их поздравили местные власти, сделали памятный подарок. Может, и с нами такое случится, чего я желал бы и даже просил бы о том Всевышнего...

- Ты лучше попроси Всевышнего, чтобы он дал нам билеты на Алтай. А то их вечно нет, поскольку единственный поезд на Алтай - это Караганда - Новокузнецк, который ходит один раз в четыре дня. Народу сколько наваливается на эту четверку?

И правда, какие-то у нас неразумные распорядители движения пассажирских поездов. Раз в четыре дня... Ну почему в четыре, а не хотя бы через день? О нечто подобном я писал в железнодорожную газету "Казахстан Темир Жолы", но статью, видно, она скомкала и бросила в корзину. Так народная жалоба осталась без ответа.

- Ты вот, Айгуль, скажи: мы будем в этом году готовиться на Алтай к детям?

- А что нам мешает?

- Да ничего не мешает, я только жду твоего указания пробивать билеты, а до этого просто готовиться - что-то гладить, что-то штопать, что-то выбросить, а что-то купить. Там ведь двое правнуков, а у них свои запросы.

- Пока время терпит. Сойдет лето, а там посмотрим... У них у всех дачи, посевы, уборка, засолка, на осень можно и выбраться, заодно и помочь в их хлебосольных делах.

Успокоила. Осталось лишь ждать да догонять. Встреч после 1 Мая самостоятельность не планировала, и мы как участники оставались по своим квартирам. Общались только по телефону, спрашивали, как спалось, как пилося-елось и нет ли желания где-нибудь встретиться за круглым столом. Я отвечал, что завязал, не

пью, не курю уже семьсот дней, думаю продержаться до конца года и точно так же продолжить и в будущем 2015-ом. Сорваться себе не позволю, иначе я не мужик, а название. Слышал, как какие-то мужики завязывали, как-то кодировались, а потом срывались, и по-новому начиналась их бомжовская судьба...

За свою жизнь, правда, я не был настойчивым выпивохой, неводержанным пьянчужой, но, бывало, поддавал. Где-то в командировке кого-то приходилось уговаривать что-то дать, да дать побыстрее, а делалось это нередко через большую коньячную "пузырину". Мужик, он какой? Ударил двести-триста и растаял - бери у него, что хочешь... Приходилось компанию поддерживать, вот и опрокидывал с нею "пузырь" за "пузырем". Так ради чего все это делалось? Ради производства, ради своего депо! Начальству же у себя дома не докажешь, как все это доставалось, оно только хвалило за выполненную работу и давало очередное задание. И так в течение всех моих двадцати пяти снабженческих лет...

Как бы ни бежали мои мысли, и что так и осталось недосказанным, этой главой я все-таки решил завершить свое повествование, свою эту маленькую и, наверно, все-таки последнюю книгу. Все, что надо, я, кажется, о себе рассказал. Как - судить не мне. Перед этим прочел двухтомник известного российского политика, соратника Ленина и всех мировых политиков конца XIX века и начала XX Льва Троцкого "Моя жизнь" с пометкой "Опыт автобиографии", изданный берлинским издательством "Гранит" в 1930 году и переизданный уже Москвой в 1990-ом. Решил не следовать примеру старого и бывалого автора: уж слишком в той биографии все подробно до мелочей, что в нынешний век не практикуется. Я показал себя обыкновенным, простым дядькой, как и мою Галину-Гульчатай, нашу дочь Веру и ее деток Марину и Артема, деток Марины, какие являлись для нас уже правнуками. Рассказал о зяте Валерии, какой и сегодня водит поезд. О муже Марины Диме, любящем жену Марину и своих двоих деток, любящем так, что даже повез ее посмотреть такой белый свет, как далекая заокеанская Корея.

Интересен, нет ли был мой диалог и мои мысли - судить читателю. А читатель у нас нынче истинно с мыслями и душой Бе-

линского, какой видел и знал правду, какой чувствовал дух, силу и слабость авторского произведения и вынужден был сказать о Лермонтове: "Черт знает, страшно сказать, а мне кажется, что в этом юноше готовится третий русский поэт, и что Пушкин умер не без наследника". В том же 40-ом году, за год до смерти поэта, Белинский навещил Лермонтова и вынужден был записать: "Вышли повести Лермонтова. Дьявольский талант! Молодо-зелено, но художественный элемент так и пробивается сквозь пену молодой поэзии, сквозь ограниченность субъективно-салонного взгляда на жизнь. Недавно я был у него в заточении и в первый раз поразговаривался с ним от души. Глубокий и могучий дух! Как верно он смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного! О, это будет русский поэт с Ивана Великого! Чудная натура!".

Ну, обо мне такого не дожидаться, а вот маленькой простой аннотации обо мне, что помещены издательством в каждой книге, я готов поклониться. Хотя бы потому, что в этих аннотациях отмечена моя душа, мой дух и мое стремление к выражению человеческого чувства. Будь я моложе, я бы, может, выдал бы в свет что-то более существенное, но у меня ведь целых две семерки, какие сковывают дух, мысль и талант автора. Но все равно, я поделился с читателем всем, что имел в душе, в моем времени и в моем поколении...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Как-то заинтересовало меня откровение Сергея Довлатова, истинно русского писателя, но эмигрировавшего в США в брежневские годы, когда советская печать и советская цензура писателя не печатала, как не печатала она и других писателей и поэтов, среди каких был и Владимир Высоцкий, из каких-то своих соображений. А Америка тискала Довлатова вдоль и поперек, и к какому как-то обратился редактор радио "Свобода": "Ты, наверно, захочешь уйти от нас?". На что писатель ответил, что добровольно он не уйдет, если его не выгонят за возраст, лень и тупость.

То же самое я скажу и о себе. У меня тоже есть боязнь отказа принимать мои произведения издательским домом "Классик" из-за моего возраста, тупости и лени. Насчет первых двух я согласен, а насчет лени - не дай Бог! Я весь в делах, в писанине, в работе, в мыслях, какие ложатся на тетрадный лист днем и ночью. Если все это суммировать, то получится новая, седьмая книга, какая уж точно станет для меня последней. До будущего Года Лошади, о чем я прошу Всевышнего, время и мое поколение, мне уж точно не дотянуть, потому как у меня была слишком бурная молодость с баяном, гулянками, курением и возлияниями, нередко доводивших до пресловутой мужской "стельки".

За это когда-то надо и расплачиваться - расплачиваться здоровьем и, конечно, не девятидесятилетием. Дотянут ли мои нынешние семь и семь хотя бы до восьмерки, не знаю, но имею надежду на медицину и на мой такой интересный и незабываемый век.

Насчет же моих произведений лично я скажу, что они мне нравятся: простой и незамысловатый язык, душевное откровение и правдивость моей мысли и моей жизни. Что думает о том читатель - не знаю, не ведаю, потому как читатель этих произведений не видел и не читал, кроме нескольких моих друзей и родни, какие

никак не являются собой массового читателя. А массовый читатель наверняка сказал бы словами В. Воровского: "У критика в оценке произведения главная задача заключается в том, чтобы решить: во-первых, отвечает ли оно требованиям художественности, то есть является ли оно вообще художественным произведением, и, во-вторых, дает ли оно что-нибудь новое и высшее, и что именно нового, чем обогащает оно литературную сокровищницу".

Вряд ли я, на мой взгляд, обогатил нашу литературную казахстанскую сокровищницу чем-то новым, интересным, художественно высоким, однако я спел то, о чем пела душа, высказал о жизни то, какой она была, есть и будет в будущем. В этом тоже есть достоинство писателя, пусть маленького, приземленного, одинокого и неизвестного. Пусть о нем, о его жизни, о его времени и его поколении когда-то расскажут его эти шесть книг, каким я по-своему кланяюсь, как кланяюсь и издательскому дому "Классик", выпустившему их лично для меня, а значит, на мой агадырский свет.

Прочий белый свет этих моих книг, видимо, не увидит никогда, потому как изданы они по желанию автора всего лишь в тридцать и пятьдесят экземпляров, какие для читающего населения нашей республики просто крохи. Чтобы издало эти мои книги государство, того надо заслужить умом, талантом, всей писательской сущностью Писателя, а не простого любителя литературы и всей "литературной сокровищницы".

Николай СЛЕПЦОВ, Агадырь,
апрель-июнь 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	4
ЧАСТЬ I	
ИГРАЙ, МОЙ БАЯН.....	15
ГЛАВА 1	16
ГЛАВА 2	24
ГЛАВА 3	31
ГЛАВА 4	38
ГЛАВА 5	47
ГЛАВА 6	57
ГЛАВА 7	65
ЧАСТЬ II	
ОПЯТЬ ПО ШПАЛАМ, ОПЯТЬ ПО ШПАЛАМ.....	72
ГЛАВА 1	73
ГЛАВА 2	82
ГЛАВА 3	91
ГЛАВА 4	97
ГЛАВА 5	106
ГЛАВА 6	111
ГЛАВА 7	120
ЧАСТЬ III	
А ГОДЫ ЛЕТЯТ, НАШИ ГОДЫ.....	126
ГЛАВА 1	127
ГЛАВА 2	136
ГЛАВА 3	149
ГЛАВА 4	155
ГЛАВА 5	160
Послесловие	169

Николай СЛЕПЦОВ

ЖИЗНЬ МОЯ ЗАБУБЕННАЯ

РОМАН

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Объем 10,75 п.л.

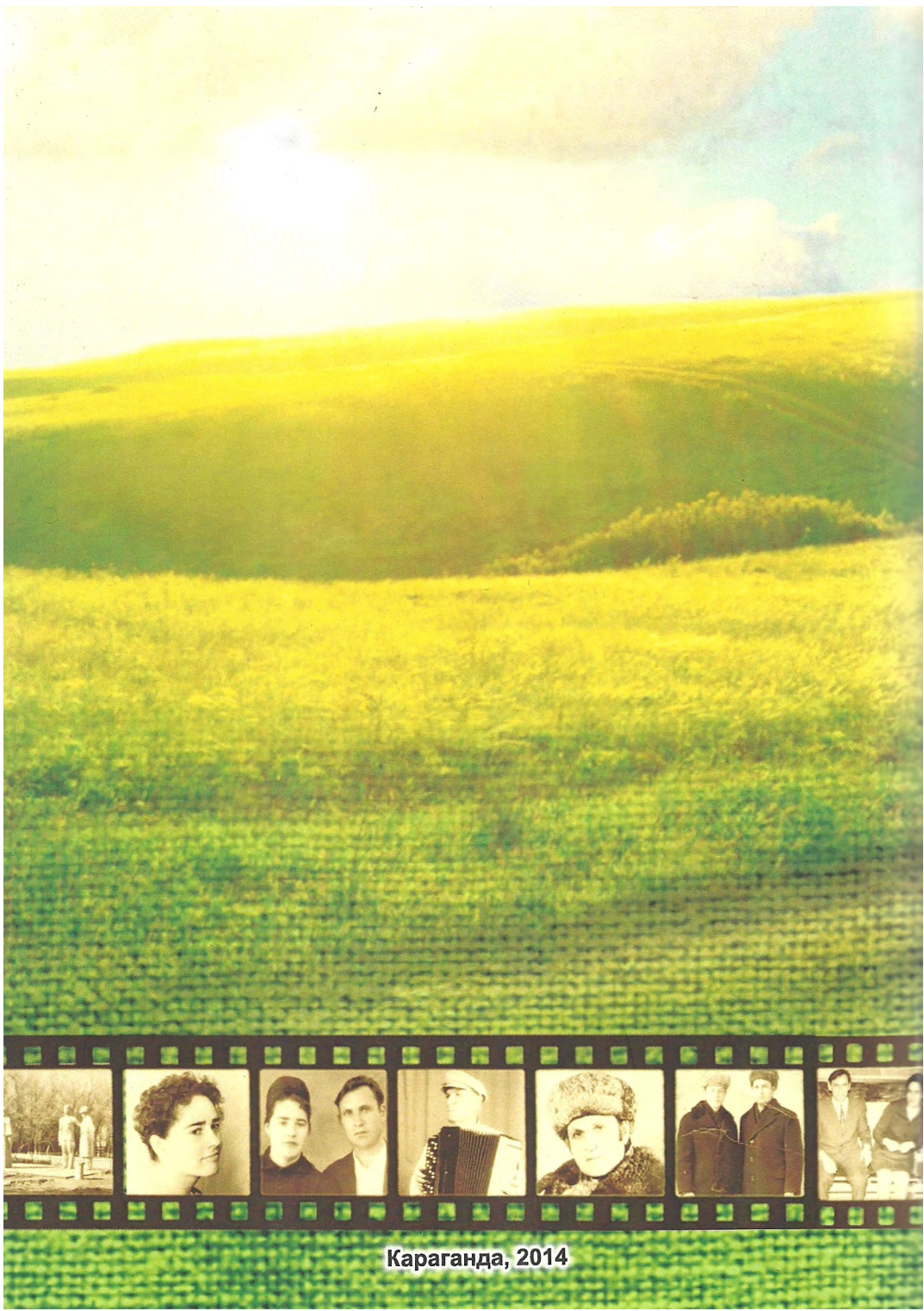
Заказ № 747. Тираж 30 экз.

Отпечатано в типографии ТОО «АРКО»,

г. Караганда, ул. Сатпаева, 15.

Тел.: 41-17-80.

www.arko-print.kz

Караганда, 2014